

Влад Савин

ВПЕРЁД, КОМАНДАНТЕ!

ВОЕННАЯ ФАНТАСТИКА

Морской волк

Владислав Савин

Вперед, Команданте!

«Издательство АСТ»

2021

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Савин В. О.

Вперед, Команданте! / В. О. Савин — «Издательство АСТ»,
2021 — (Морской волк)

ISBN 978-5-17-139368-7

«Вперед, Команданте» – продолжение цикла «Морской волк», истории с попаданием в 1942 год атомной подлодки «Воронеж». В этом мире Победа настала в 1944 году, и СССР гораздо сильнее – но и противостояние с миром капитала гораздо непримиримее. И к молодому аргентинцу Эрнесто Геваре (пока еще не Че) приезжает «дон Педро», который берется за его воспитание (и подготовку к роли будущего вождя революции). Где университет – путешествие на мотоцикле. Урок, как не надо делать революцию, – Гватемала 1954 года. Ну, а окончательный курс будущему Команданте предстоит пройти уже в СССР.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-139368-7

© Савин В. О., 2021
© Издательство АСТ, 2021

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

68

Влад Савин

Вперед, Команданте!

© Влад Савин, 2021

© ООО «Издательство АСТ», 2021

* * *

Благодарю за помощь:

Дмитрия Белоусова, Сергея Павлова, он же «Мозг», Бахадыра Мансурова, Станислава Сергеева – моего первого учителя в написании книг, *Олега Вольница, Сергея Симонова, Александра Калмыкова, Константина Богачева, Константина Коллонтаева, Михаила Новикова* – с форума Самиздат, читателей Самиздата под никами *Библиотекарь, омикрон, Old_Kaa, strangeserg, General1812, Тунгус, chuk01* и других – без советов которых, очень может быть, не было бы книги.

И конечно же *Бориса Александровича Царегородцева*, задавшего основную идею сюжета и героев романа.

Также благодарю и посвящаю эту книгу своей любимой жене *Татьяне Аполлоновне* (в девичестве Курлевой) и дочери *Наташе*, которые не только терпимо относятся к моему занятию – но и приняли самое активное участие в создании образов Ани и Люции.

Лазарев Михаил Петрович (в 2012 г. – командир АПЛ «Воронеж», СФ РФ)

Белая ночь над Невой – привет из юности моей.

В сравнении с иным временем – по Дворцовому мосту и Стрелке ходит трамвай, ретро-автомобили на улицах (хотя помню, у одного папиного друга была «Победа» в начале двухтысячных и бегала вполне резво) и люди одеты более традиционно (не выношу стиль «уни-секс» – что-то похожее на джинсы и тут уже иногда носят, но исключительно мужчины). А атмосфера, общее настроение – как было в годы моей юности. «Засыпает синий Зурбаган» – под эту музыку я, тогда курсант училища Ленкома, танцевал с Ирочкой, студенткой Института культуры. А после бродили мы, взявшись за руки, по этим набережным и мостам – ночь с субботы на воскресенье, когда в казарму не надо, ленинградцам позволялось ночевать дома – и целовались мы возле Медного всадника, и смотрели на разведенные мосты. После я провожал Ирэн до ее общаги на Черной речке и бежал, счастливый, к себе на Двенадцатую линию Васьки – метро и наземный транспорт еще не ходили, а тратиться на такси для курсанта было расточительством, да и нетрудно было пробежаться, будучи в отличной физической форме и при летней погоде. Был год 1989-й или 1990-й, не помню уже. Мне двадцать лет, и будущее казалось прекрасным – погоны, служба, семья, в великом и могучем СССР. За год или два до катастрофы торжества капитализма.

Туман пронзая, до утра и корабли и катера
Плывут в краю ночном.
Там потерялись мы с тобой,
Бродили над Невой
Всю ночь вдвоем.

Песня из репродуктора – висят здесь эти штуки на столбах, привет еще с двадцатых, «для оповещения населения в чрезвычайных ситуациях». А еще по ним крутят музыку – в основном бравурные марши во время праздников. Но вот нашелся кто-то умный, приказавший в этот день поставить что-то лирическое, под атмосферу белой ленинградской ночи. Чередуя с военным – потому что день сегодня 22 июня. Год пятьдесят пятый – всего четырнадцать лет прошло. Те, кто живыми остались, – не стары еще, а в самой зрелости, в строю. Наверное, в эту же ночь в сорок первом так же гуляли по этим набережным влюбленные пары – и многие ли вернулись после войны домой? Мы ведь никогда не забудем, что было – и не простим, в отличие от политкорректных французов, соорудивших у себя мемориал всем жертвам Первой мировой, и своим и чужим. Пусть «гитлеры уходят, а немецкий народ остается», и ГДР сейчас наш верный союзник – но нет и не будет в этой истории немецкого воинского кладбища в Ленобласти, под Сологубовкой, недалеко от Синявина и Невского пятачка. Случилось мне там побывать в конце девяностых – на само кладбище мы, офицеры СФ, не пошли, ни времени не было, ни особого желания, но в церковь (и музей при ней) заглянули. Мне запомнилось фото женщины из той деревни, Ульяны Финагиной, «в устрашение» расстрелянной немцами в сорок втором – и рядом текст письма одного из немецких солдат, «прошу прощения за все страшные поступки немецкого народа». Написанного уже после нашей Победы – просил бы этот фриц прощения, если бы мы проиграли? И представляю, что бы здесь сделали с Собчаком – при котором в девяносто восьмом в Красном Селе «в знак примирения и добрососедских отношений» поставили памятный знак погибшим под Ленинградом легионерам Ваффен СС!¹

Как вышло, что я, родившийся в семидесятом, попал в Питер пятьдесят пятого года? О том лучшие (и особо доверенные) научные светила СССР головы ломают – что за катаклизм (природный или по замыслу каких-нибудь зеленых человечков) перебросил атомную подводную лодку СФ «Воронеж» из 2012 года в лето 1942-го. А поскольку мы от Присяги не отрекались и «общечеловеков» среди нас не нашлось – то не было сомнений, чью сторону принять. Очень надеюсь, что, когда придет срок, наш корабль (с трехзначным числом побед на рубке) не разделают на булавки, а поставят на вечную стоянку. Ну а мы, полторы сотни человек из будущего, уже обжились в этом времени, пустили корни. Теперь этот мир – наш. И мы завещаем беречь его – своим детям и внукам.

Мы наступаем по всем направлениям,
Танки, пехота, огонь артиллерии.
Нас убивают, но мы выживаем.
И снова в атаку себя мы бросаем.

К попаданческой литературе, некоторые опусы которой я успел прочесть в той, бесконечно далекой жизни, я отношусь в диапазоне от сдержанного до резко отрицательного. Попал герой-одиночка в невысоком чине (а то и вовсе офисный хомячок) в прошлое – и учит глупых предков, которые слушают его, рот раскрыв. Так во-первых, наши предки, вытянувшие самую страшную войну в истории человечества (если только там Третья мировая не начнется), глупыми не могут быть по определению! А во-вторых, коллектив всегда сильнее одиночки. Довелось мне, и не раз, общаться с самим Сталиным – он вождь, а не бог всезнающий и безошибочный, он всего лишь человек, взваливший на себя неподъемную ношу – вы бы на его месте смогли? Ему пришлось гораздо труднее, чем тому, кто в ином времени сравнит себя с «рабом на галерах» – страна была истерзана Гражданской войной, при реальной опасности капиталистической агрессии (одна лишь Польша тогда имела военный потенциал, сравнимый с РККА, – про Англию и Францию молчу). И совершенно неясно было, куда идти, – мы были первопро-

¹ Случай реальный!

ходцами, строящими то, что до нас никогда не существовало. Страшно представить, что было бы, возьми контрреволюция верх, – наиболее вероятным исходом было бы превращение нашей страны в подобие Китая, в двадцатые распавшегося на множество «удельных княжеств» генералов-милитаристов, грызущихся между собой. Или если бы мы промедлили с индустриализацией – и Гитлер напал бы на страну бухаринских ситцев и хлеба. Второй раз за этот век (и при жизни одного поколения!) вставал вопрос о самом существовании нашего народа, нашей страны, – и мы сумели выстоять. И на «капитанском мостике» бессменно был он, Сталин, – а это о чем-то говорит. Читал (в том, бесконечно далеком двадцать первом веке) что под конец жизни он смертельно устал и жаждал покоя – искренне веря, что шторма уже позади. Узнав же, что станет с его Проектом всего через сорок лет после его смерти, он снова ринулся в бой.

Я, уже не восторженный юнец-идеалист, а много чего повидавший циник, оглядываясь на наш путь уже тут, в СССР, думаю (но никому о том не скажу), что могло быть иначе. Мы попали сюда летом сорок второго – и первым нашим делом была бойня, учиненная немецкому Арктическому флоту – в результате чего линкор «Тирпиц» отправился на дно, а «Шеер» до сих пор ходит под советским флагом и под именем «Диксон». Затем было освобождение советского Заполярья (и никелевых рудников Печенги), прорыв и снятие Блокады Ленинграда и главное – «Большой Сатурн», когда под раздачу попала не одна армия Паулюса, а две группы армий всего южного фланга немецкого фронта, и наши уже к весне сорок третьего вышли на Днепр – это случилось не в последнюю очередь благодаря информации, которую наши предки здесь получили от нас. Но была еще одна точка поворота – которая могла оказаться смертельно опасной и для нас конкретно, и для СССР.

Поход нашего «Воронежа» в Атлантику весной сорок третьего. Когда целью должны были стать немецкие корабли. Программой-минимум было, чтобы урановый концентрат из Конго не попал в «Манхэттен» (списанный на атаку неопознанной немецкой лодки), ну а программой-максимум – доставить этот груз (на тот момент составляющий заметную долю мировых запасов урана) на «Второй Арсенал» к Курчатову. Приоритетом, однако, было, что союзники ничего не должны были узнать про нашу роль. Но мы справились, при этом удачно подставив немцев, – и в процессе утонул линкор «Айова» еще с десяток американских лоханок². Лично я не испытывал никаких угрызений совести – имея к заклтым союзникам еще больший счет, чем к фрицам. Но отчего Сталин тогда дал «добро» на, по сути, акт войны?

Представляю картину, как если бы в ельцинскую Россиянию явились бы наши потомки из какого-нибудь двадцать второго века, или дружественные пришельцы с Великого Кольца. И как господа чубайсы, явлинские и гайдары, толкаясь локтями, побежали бы в посольство США, чтоб как можно скорее и дороже продать этот секрет, затем из Вашингтона велели бы «все подобные контакты – под международный контроль», и Боря-козел поспешил бы сдать все на блюде, ради общечеловеческих интересов. Сталин не Ельцин, и сталинский СССР не Россия девяностых – однако же тогда шла война за само выживание нашего народа. И ленд-лиз был для нас жизненно необходим – да, в отличие от Российской империи, которая в прошлую Великую войну даже винтовки в значительной доле закупала за золото за границей, в Отечественную войну СССР в целом сам обеспечивал себя вооружением, артиллерия и стрелковка были полностью свои, по танкам и самолетам доля импорта была чуть больше десяти процентов. И нельзя сказать, что союзники слишком разорились на помощь нам – Англия получила из-за океана втрое больше, чем СССР, а по таким позициям, как мясо и шерсть, даже маленькая и бедная Монголия сумела помочь нам больше, чем США. Однако же поставки алюминия, взрывчатки, автотранспорта, телефонного кабеля и еще многих других товаров были нам жизненно необходимы – может, мы и справились бы и без этого, но ценой гораздо большей крови.

² См. «Белая субмарина».

И если бы встал вопрос ребром – ленд-лиз при условии доступа заклятых друзей к нашей тайне? Какое решение должен был принять Сталин – или как поступили бы вы на его месте?

Моя циничная натура подсказывает варианты – от «международного контроля» (если бы Сталин поставил на долгосрочный союз с США, «ялтинскую систему», как было в реале) до полного отрицалова (если бы вождь оказался сволочью, обеспокоенной лишь собственной властью). Ну а подлодка К-25 была бы удачно сброшена со счетов, пропав без вести в море, – и ничего личного, вы уже сделали свое дело, и больше не нужны. Но Сталин всю свою жизнь вложил в строительство советской державы, подняв ее из пепла к звездам (как он понимал процесс, то вопрос другой), оставив после себя не миллионы в швейцарском банке, а лишь койку с солдатской шинелью и несколько тысяч книг личной библиотеки с собственноручными карандашными пометками (отрадно, что теперь среди них будут и те, что попали в это время на борту нашего «Воронежа»). И принять то, что случится через тридцать восемь лет после его смерти, он не мог никак.

Это лишь у нас, у русских, есть только два понятия – «война» и «мир». А в английском языке понятий много: «торговая война», «культурная война», «дипломатическая война», «экономическая война» (не путать с торговой, это уже следующая стадия, когда в твои карманы, во внутреннюю политику лезут) и собственно война («war war», так и называется, дословно «военная война», мы переводим как «горячая»). Даже ленд-лиз по большому счету был из той же линии – размен крови советских людей на американскую прибыль. И целью было не банальное завоевание – невыгодны в двадцатом веке колонии! – а установление своих мировых правил, обязательных для всех, ну и, конечно, себя на место не только первого игрока, но и арбитра – и это будет, по-ихнему, «честная игра». Со ступеньками к новому мировому порядку – Атлантическая хартия, план Маршалла, Бреттон-Вуд. Но с чего вы взяли, что в эту игру можете играть лишь вы одни?

И вы потеряли время в самом начале, «паровозы надо давить, пока они чайники». Но слишком фантастичной выглядела версия «мы из будущего», чтобы сразу принять ее всерьез. И слишком быстро развивалась ситуация – про супер-Сталинград я уже рассказал, а Курской битвы тут не было, потому что в этом варианте истории Советская армия вышла к Днепру уже весной сорок третьего, не было немецкого контрудара под Харьковом, не возник южный фас «огненной дуги», и Днепр мы форсировали летом, уже с исходного рубежа по левому берегу, а не выйдя туда после тяжелых боев. Наши потери были существенно меньше, и значит, быстрее шло накопление боевого опыта, совершенствование умения воевать, – а вот у немцев все наоборот! Зимой сорок четвертого наши вышли на Одер – когда союзники только высадились во Франции. И встреча у нас с ними была не на Эльбе, а западнее Рейна – жалко, что не успели в Париж, вот отчего-то мечтал когда-нибудь съездить, увидеть этот город. Здесь нет разделенной Германии и Западного Берлина – а одна лишь единая ГДР, а заодно и Народная Италия. Лишь через три года вы начали что-то подозревать – довелось мне (уже не в роли командира подлодки) принять участие и в японской войне сорок пятого года, с учетом опыта и послезнания, завершившейся для самураев с еще более разгромным счетом – нет в этом мире двух Корей и в Пекин вошли советские танки. В Токийской бухте при подписании капитуляции Японии на борту линкора «Миссури» (как в той истории) после официальной части ко мне подошли трое – адмиралы Нимиц, Локвуд и с ними еще тот, кого я принял за переводчика – со словами:

– Мистер Лазарев, прошу передать это вашему правительству – можете считать это официальной позицией США. Мы категорически настаиваем, что любые иновременные контакты, если таковые имели место, должны быть достоянием не отдельной страны, а всего мирового сообщества. При всей фантастичности этого предположения, поверьте – мы не намерены шутить. До войны, может быть, и не дойдет – но мы, я имею в виду тех, кто правит Соединенными Штатами, этого никогда не забудем и не простим.

Блефовали американцы – не было тогда у них уверенности, была лишь гипотеза, «одна из возможных». Которую высказал как раз тот неприметный третий, «лучший аналитик Америки», с которым мы еще встретимся не раз. И не то время было, чтобы сразу по завершении мировой войны начинать следующую, с бывшим союзником, этого и их электорат не понял бы. И у СССР были уже развязаны руки, кончилась война, и наши уже не половина, а две трети Европы. И нет у США никакого военного превосходства – даже если не считать шесть боеголовков на борту «Воронежа» по пятьсот кило тонн, здесь наши испытали Бомбу уже в сорок пятом, а американцы уже после нас и после завершения войны с Японией, так что «хиросимой» в этой истории стал китайский Сиань в кризис пятидесятого года³. После которого и началось между СССР и США противостояние с взглядом через прицел – первые годы после Победы был пусть и худой, но мир.

Мир, который был лучше того, что в иной истории, – для нашей страны. Не верю я ни в бога ни в черта – но являлась мне во сне, уже не раз, некая личность, сказавшая с мерзкой усмешкой:

– Вы, люди, приписываете мне самые ужасные козни ради умножения зла в этом мире. Когда сами, дай вам волю, устраиваете такой ад на земле, что у меня бы фантазии не хватило. Из-за ваших изменений истории здесь уже погибло людей больше на несколько миллионов, чем там, откуда вы пришли. Дерзайте дальше – а я лишь смотрю и ожидаю с интересом, какой будет финал!

Сгинь, рогатый, нету тебя! Ты лишь плод моего подсознания. Или мне и правда к попу пойти, чтоб тебя изгнал? По существу же – СССР в этой истории потерял на шесть миллионов человек меньше, по самым скромным подсчетам. А что где-то в Африке ад на земле, так это лично мне по барабану. Даже в Китае – попал Мао в Сиани под американскую Бомбу, и сидит сейчас в Пекине верный сталинец товарищ Ван Мин, строя в северной половине Китая (без Маньчжурии, которая по факту часть СССР, и без Синцзяна с Тибетом, которые пока сами по себе) истинный социализм. А что чанкайшистская сволочь пока не желает признать правоту учения Ленина – Сталина, которое истинно, оттого что верно, – так это проблемы Чан Кайши, когда его вешать будут, как бесноватого фюрера в Штутгарте в сорок пятом. Мы здесь гораздо сильнее, чем там, – и я даже представить не могу, как бы чужой президент, премьер, госсекретарь Сталину бы указывал: «Так измените вашу Конституцию, раз она противоречит нашим требованиям», как англичане Ельцину в девяностых. На любой ваш ультиматум ответим, как вождь (в этой истории не умерший в пятьдесят третьем, и я надеюсь, многие ему лета!) во всеуслышание заявил 9 мая этого года – когда после бомбежки Ханоя и морского боя едва до атомной войны не дошло⁴. И никакой «перестройки» (в результате которой мы потери понесли больше, чем от Гитлера) вы у нас не дождетесь – назло вам, капиталисты проклятые, будем жить долго и счастливо, жизни радоваться и детей растить в духе идей коммунизма!

Помню я, когда лебеди плыли по канавке, по Лебяжьей,
Помню ветры метельные, злые над Сенатскою однажды...
И замёрзшую Чёрную речку, и мятежный лёд кронштадтский,
И, конечно, школьный вечер, выпускной мой бал.

Песни иных времен (подходящие по содержанию) здесь очень популярны. И эстрада, и барды – хотя имена тех, кто поет их вместо Высокого, Городницкого, Розенбаума, мне ничего не говорят (да и исполнение похуже – или это я к тому привык?). А сами песни правильные. И эти, про Ленинград, – я в Москве жил, на Севере служил, а в Ленинграде родился, ленин-

³ См. «Алеет восток».

⁴ См. «Красный бамбук».

градцем и останусь. К названию «Петербург» отношусь исключительно как к историческому, пусть и уважаемому, но оставшемуся в прошлом. Ну а ленинградцам этого времени предложи даже дискуссию о переименовании – не поймут, так как хорошо помнят, что Петербургом этот город немцы называли. В каждый свой приезд вижу – а бываю я тут по службе часто, – как Ленинград растет и хорошеет, вот интересно, каким он будет в конце двадцатого века этой истории? Метро уже есть, две ветки, от Финляндского вокзала до Автова и от «Горьковской» до Электросилы, строятся и новые станции. Парк Победы уже есть, на Московском проспекте, и новые кварталы панельных пятиэтажек на окраинах (их здесь «кубиками» называют, а не «хрущевками»). Да и не совсем копии «хрущевок» – вот не было в моем времени на крышах теплиц, оранжерей или зимних садов или просто смотровых площадок с ограждением. Зелени много, все те же тополя (которые через полвека начнут рубить – но пока что незаменимы, растут быстро). Автомобили на улицах – не только уже привычные «Москвичи», «Победы», ЗиМы и грузовые ГАЗ-51 и ЗиС-150 (хотя и довоенные «эмки», полуторки и трехтонки встречаются), но и совсем незнакомые мне изделия немецкого, итальянского, чешского автопрома. И народ уже не в шинелях и кирзачах, у кого-то в руках транзисторные радиоприемники вижу (два года уже как в широкой продаже – а такой анахронизм, как регистрацию и разрешение приемников в милиции, здесь отменили еще в пятидесятом). Белые ночи в Ленинграде лучшее время, – вот и захотелось неделю отпуска не на югах провести, а тут, в городе, где я родился пятнадцать лет тому вперед.

Мы наступаем по всем направлениям... Легко было полярникам, как в фильме «Семеро смелых», отработал на зимовке, и полгода отпуска, до следующего сезона. Ну а мне – слова Сталина: «Незаменимых нет – но цена замены может быть слишком высокой», – не знаю, в иной истории он то же самое говорил или уже здесь уточнение? И важное преимущество социализма – возможность «в ручном управлении» концентрировать ресурсы на наиболее важных фронтах. Три особых главка были созданы здесь еще в сорок третьем – атом, ракеты (и реактивная авиация), радиоэлектроника (забавно, что с этой точки зрения и американский «Манхэттен» ближе к стройкам социализма, чем к частному бизнесу). Ну и конечно, атомный флот – на Севмаше досрочно (на месяц раньше) сдали уже тринадцатую «акулу», и еще три, А-14, А-15, А-16, в работе, а ЦКБ «Рубин» здесь в Ленинграде заканчивает проект уже ракетной атомарины, аналога нашего «Воронежа». При том что у США есть пока один лишь «Наутилус», который, страдая от «детских болезней», больше чинится у стенки, чем ходит. А наши лодки по своим характеристикам ближе к «ершам» (они же «проект 671», середина шестидесятых), чем к нашим же первенцам иной истории («проект 627», тип «Ленинский комсомол»). Интересно, каким в этой истории будет Карибский кризис через семь лет (и будет ли он?), если у СССР в Атлантике окажутся не четыре дизельные лодки, как в той истории, а двадцать, тридцать атомарин?

А кто отвечает за этот участок фронта пока еще не «горячей» войны? Вы правильно поняли. Должность замминистра сродни старпому на корабле – самая «собачья». Заниматься приходится и кораблестроением, и выработкой тактики, и боевой подготовкой. Очень удачным оказалось решение построить «белуху» – береговой учебный комплекс даже внешне похож на «акулу», вытасценную на берег. Чтобы личный состав получил необходимый навык еще до того, как очередная атомарина поднимет флаг – конечно, все задачи отработать не получится, но все ж заметно сокращает срок, по истечении которого, например, упомянутая мной А-13 достигнет боеготовности. А сколько забот доставляет решение Совета труда и обороны – подключить к постройке атомных лодок кроме Севмаша еще и Адмиралтейский завод в Ленинграде и «Красное Сормово» в Горьком. Последний выбор кажется странным – но там и в войну достраивали дизельные лодки, а после делали механизмы и оборудование для «акул». В теории, размеры атомарин (три с половиной тысячи тонн надводного водоизмещения, если максимально облегчить) позволяют пройти через Волго-Балтийский, Беломорский и даже Волго-

Донской каналы, а также через шлюзы на волжских каскадах ГЭС. Что открывает для ВМФ СССР дополнительные оперативные возможности по усилению Черноморского флота (который сегодня вернее будет Средиземноморским называть). И в планах на перспективу – на Севмаше строить ракетные «косатки», проект которых еще окончательное утверждение не прошел, а «акулы», лодки-истребители, получать от ленинградцев и горьковчан.

При том что атомные лодки – это далеко не весь флот. В иной истории на море СССР так и не вышел за рамки стратегической обороны. В этой само сохранение наркомата (затем министерства) ВМФ вызвано пониманием Сталина разделить задачи: армия отвечает за оборону континентального периметра (вблизи которого здесь нет сильного сухопутного врага – Атлантический альянс тут лишь бледная тень НАТО, без ФРГ, Италии, Турции, Испании, Греции, Франции и полНорвегии), ну а флот обеспечивает экспорт социализма в далекие заморские страны по всему миру. Первым тут уже был Вьетнам – когда в сорок пятом, только японцы капитуляцию подписали, как пришли в Хайфон (где французы еще не успели свою власть восстановить) советские транспорты с оружием для «дедушки Хо». И такой пожар в итоге разгорелся – что Франция вылетела из Индокитая на год раньше, а Хо Ши Мин прибрал к рукам еще и почти весь Лаос. Правда, на юг Вьетнама сразу же американцы влезли – так что в этой истории вьетнамская война уже идет, с конца пятьдесят третьего. При этом ДРВ имеет с СССР подписанный договор о военном союзе, и там законно и открыто находятся наши войска. Янки же воюют в основном с южновьетнамскими партизанами – но всего полтора месяца назад едва до большой драки не дошло, едва погасили.

Так вот, согласно утвержденной Советом труда и обороны морской доктрине СССР, подводный флот – это лишь первый этап. Дизельных лодок, причем новейших, уже послевоенных проектов, в составе ВМФ СССР и Фольксмарине ГДР уже больше, чем во всех прочих флотах мира, вместе взятых. Про атомарины я уже сказал – и сбавлять темп мы не намерены. Но помним, что лодки, даже атомные, всех боевых задач решить не могут, против берега не работают, ПВО не обеспечивают, то есть прикрыть конвой или десантный отряд не сумеют. Нужны «силы контроля поверхности», то есть мощный надводный флот, поддержанный авиацией, – а на удаленном морском театре только палубной авиацией. Строительство такого флота – второй необходимый этап. И, наконец, третий – это способность не только нанести по вражескому берегу огневой удар, но и высадить туда свои войска и в дальнейшем обеспечить их снабжение. Когда этот план будет реализован – СССР сможет играть на равных с США в любом месте планеты. Пока – мы лишь у своих берегов сильны, а где-то далеко в океане лишь атомные подводные рейдеры могут работать, что «господством на море» никак не назвать. В высоких московских коридорах Вьетнам вызывает тревогу именно из-за трудности обеспечить коммуникацию на Хайфон – которую американцы даже без большой войны прервать могут, подобно тому, как в тридцатые одной из причин падения Испанской республики была невозможность силами ЧФ обеспечить безопасность конвоев в республиканские порты, потому что франкистский и итальянский флот господствовал в Средиземке. А так как в этой истории ДРВ наш полноценный союзник, то в случае проигрыша войны политический ущерб для СССР будет намного больший. При том что на Дальнем Востоке на море мы откровенно слабы: исторически сложилось, что все наши верфи и обеспечивающая флот инфраструктура – это европейская часть Союза, перевести корабли на Тихий океан можно, но обеспечить их базирование никак не получится, эту проблему мы даже в иной истории до конца не решили, корабли ТОФ уходили на списание по техническому износу гораздо раньше, чем на СФ, БФ, ЧФ, именно по причине острой нехватки ремонтных мощностей. И сейчас из тех же атомарин две геройствуют у берегов Вьетнама, еще две в Атлантике (операция «Сомали», но о том пока промолчу), восемь на Севере в составе СФ. При том что в этой истории Корея (полностью) и Маньчжурия интегрированы в народное хозяйство СССР (новый статус «ассоциированных», это уже союзная республика по факту), да и весь наш Дальний Восток куда более развит, чем в моей истории. Но все равно –

во Владивостоке и ресурсов, и обученных людей куда меньше, чем на Севере, не говоря уже о Ленинграде или Севастополе. Для нужд Большого флота явно не хватает.

Я все же подводник, а не кораблестроитель. И куда мне до таких зубров здесь, как Малышев, «князь танкоградский», которого Сталин после Победы перебросил с танков на флот (как и в иной истории), или Борис Бутوما, который строил великий флот адмирала Горшкова при Брежнев, а здесь пока что у Малышева в заместителях. А приходится разбираться – чтоб улаживать разногласия между производственниками и моряками. Например, чтобы размеры лихтеров для «Карла Маркса» и «Фридриха Энгельса» (атомных ледокольных лихтеровозов постройки ГДР, уменьшенных аналогов «Севморпути» нашей истории) совпадали или были кратны размерам десантных катеров – которые, в свою очередь, заданы требованием вместить и высадить на необорудованный берег один танк или взвод пехоты в полной экипировке (малый десантный катер, две штуки в док-камере занимают ровно такое место, как один грузовой лихтер), или три танка (средний катер – подобен одному лихтеру). Два «вождя» были заказаны камрадам для обеспечения «северного завоза» и линии на советский Грумант (архипелаг Шпицберген в этой истории тоже наш) – вышли же очень хорошие корабли «двойного назначения», каждый из которых может доставить и высадить механизированный полк на берег хоть Исландии, хоть Гренландии, хоть Канады или США. Но дороги все-таки – и следующие серии десантных кораблей строились по более простому проекту.

Не атомные и меньшего размера. Силуэтом на торгашей похожи, но мощные среднеоборотные дизели обеспечивают ход в двадцать два узла – а в перспективе предусмотрена установка форсажных газовых турбин, тогда выйдет, по расчетам, и двадцать шесть. Загрузка через лаппорты в борту (похоже на то, что в нашем времени называли «ро-ро», горизонтальная погрузка), выгрузка через носовую аппарель. Усиленная палуба с подкреплениями под пушки и люк-лифт из трюма: корабль может нести и вертолеты, тогда трюм (или его часть) превращается в ангар. Такие вот получились «быстроходные паромы» для народного хозяйства (используются в этом качестве на Балтике, Средиземке, Дальнем Востоке), они же десантные корабли, тип «вепрь» и более крупные «носороги». Строятся большей частью на верфях ГДР – но также и здесь, в Ленинграде, на заводе Жданова, а также на калининградском «Янтаре». Там же, где новые эсминцы – а по факту «большие противолодочные», которые уже несут кроме артиллерии зенитные ракеты С-75В и противолодочные торпеды. Заложены уже ракетные крейсера (проект 58 – унаследовали номер от своего аналога в иной истории). Еще в строю линкоры и крейсера минувшей войны (включая немецкие, итальянские и французские трофеи). И в постройке на Балтийском и Адмиралтейском заводах корабли, уже не имеющие аналогов *там*, – большие авианосцы «Степан Супрун» и «Полина Осипенко», атомные (опыт эксплуатации таких установок на «вождях», ледоколе «Ленин» и подлодках сочли достаточным), по сорок пять тысяч тонн. Здесь уже не первые авианесущие корабли в советском ВМФ – первыми были ленд-лизовские эскортники «Владивосток» и «Хабаровск», которые даже на нашу японскую войну сорок пятого успели, ценность их была уже тогда исключительно в том, что мы опыт получили, поскольку с их палуб даже ленд-лизовские «хеллкеты» работали с трудом, слишком маленькие все же, корпуса и машины транспортников-«либертосов». За ними были послевоенные «Чкалов» и «Леваневский», по примеру американских «кливлендов» перестроенные из крейсеров – тоже не слишком удачные, палубы коротковаты для реактивных. И вот, наконец, полноценные авианосцы, ничем не уступающие, а кое в чем даже превосходящие то, что есть у США! Процесс идет пока не слишком быстро, даже атомарины спускать здесь уже пристрелялись на потоке, сначала по одной, затем по две, три, а теперь даже по четыре лодки в год; а авианосцы – это дело новое. Сколько нервов из-за них сгорело у ответственных товарищей из министерств, сколько раз я сам в Ленинград мотался, не все вопросы можно решить по телефону. Но движется дело – и вот будут через шесть лет советские атомные авианосцы у берегов Кубы, в сопровождении множества ракетных эсминцев и атомных подлодок. Мы

наступаем по всем направлениям – а ты, рогатый, не хихикай мерзко! Поскольку нет у нас выбора – или мы победим, или, не дай бог, и тут «перестройка». Хотя и на внутреннем фронте делается немало – и я надеюсь, капитализм не пройдет!

Мирное небо над крепостью Бреста,
В тесной квартире счастливые лица.
Вальс. Политрук приглашает невесту,
Новенький кубик блестит на петлице.
А за окном, за окном красота новолуния,
Шепчутся с Бугом плакучие ивы.
Год сорок первый, начало июня.
Все ещё живы, все ещё живы.

– Мы в отпуске! – Аня шуточно дергает меня за рукав. – Время отдохнуть от дел и даже мыслей о них. Не ты ли говорил, что нельзя все время жить на форсаже?

Ну да, «нельзя все время на форсаже – моторесурса не хватит». И восстанавливаются ли нервные клетки, это большой вопрос. В принципе, я могу отпуск попросить в любое время, на законный двухмесячный срок – подпишут без разговоров. И улететь на Ил-18 в Ялту, Гагры, Сухуми – если вы помните старый советский фильм «Запасной игрок», где молодой Вицин играл (фильм Сталину понравился и в этой истории тоже вышел, с тем же составом актеров и с тем же сюжетом), то представляете, как выглядели советские курорты в эти годы, – я же, там побывав, могу подтвердить, что от истины очень недалеко. Вот только после окажется, что за время моего отсутствия всего накопилось – а спросят с меня, невзирая ни на что. У прусского фельдмаршала Мольтке был идеально вымуштрованный штаб – «война началась, наконец я могу отдохнуть», – а нам до того далеко. И дело тут даже не в русском бардаке – а в принципиально разном подходе. Немецкая штабная культура – это «живой компьютер», где нет людей, есть четко взаимосвязанные функции, которые безличностный исполнитель обязан выполнять подобно биороботу, буквально в рефлекс вбив алгоритм действий в ответ на типовые вводные. Такая система предельно дуракоустойчива (поскольку от отдельно взятого дурака практически ничего не зависит), но, во-первых, зависает в ситуации, не предусмотренной программой, во-вторых, требует буквально дрессировки личного состава, а в-третьих... ну не наше это по менталитету! Русский бардак – это зачастую до конца не додавленная инициатива масс, которая нас нередко и спасала. Вот отчего-то выходило, что попытки насадить у нас немецкий орднунг реально приводили к возникновению монстра, сочетающего недостатки обеих сторон, но без их достоинств – как, например, палочная система Николая Первого, приведшая к поражению в Крыму. Ну а мне сейчас нередко приходится иметь дело с засильем творческих личностей, у каждой из которых свое мнение «как надо», с результатом в любую сторону, как «лучшее враг хорошего», вот только с прочими подсистемами согласовывать надо, и сроки сдвигаются, а «дорога ложка к обеду», так и банально обещали и «нeshмогли». С чем-то и кораблестроительный отдел Министерства разобраться может – как, например, на Сормовском заводе, осваивая заказы для атомарин, кое-что так улучшили (реально упростили и удешевили, при сохранении технических данных), но одну трубу сдвинули на полметра, и это в компоновку отсека не влезало. А с глобальным решением межведомственных споров что делать?

С тоской вспоминаю прежние времена, когда я командовал подлодкой. И все было просто и ясно, как в какой-то песне из будущего, «где враг на мушке, рядом свои – и никого кроме них». А здесь я один из немногих, кто в этом времени знает примерные массогабариты техники и вооружения будущих времен, а наши конструкторы весьма склонны проектировать «по самолетному» – при максимуме боевых качеств, минимальные размеры и вес. Что при-

водило к предельно плотной компоновке, «крейсер в размерах эсминца» (как было сказано про проект 58), премии и ордена за создание действительно выдающегося образца – а завтра окажется, что модернизация невозможна и срок службы корабля вместо тридцати-сорока лет (даже полувека) по корпусу и машинам ограничивается десятью-пятнадцатью (сменой поколений вооружения и технических средств). Что для казны выходит намного дороже, чем экономия на размерах – но попробуй объяснить это товарищам из минсудпрома, уже раскатавшим губу на премии! И не разглашать при этом истинную причину – например, что погреба и подбашенные отделения зенитной установки 57-4 должны быть «на вырост», сейчас это явное излишество, удорожающее проект, но окажется очень полезным, когда лет через десять сюда вместо зенитки встанет ЗРК (аналог «Осы» или даже «Кинжала»). Равно как и высота межпалубного пространства и прочность палуб на упомянутых мной «десантных паромах» должны соответствовать массе и габаритам вертолета класса Ка-29 (которого пока даже в проекте нет). Хорошо еще, что посвященные товарищи (и Кузнецов, здесь пока еще бессменный военноморской министр, и Зозуля, замначальника Главного Штаба ВМФ, и Головкин, все еще командующий СФ, и оба вождя, Сталин с Пономаренко) оказываются на моей стороне. Но нельзя же каждый раз в споре – на высший авторитет ссылаться! И товарищ Сталин, конечно, разберется – вот только это будет минус тебе, если не можешь вопрос в своей компетенции решить самостоятельно. А вопросов в сфере ответственности замминистра – практически столько же, как у самого министра. И кораблестроение – это лишь одна из сторон: поступление кораблей на флот надо с планом боевой подготовки увязать, с выделением ресурсов, комплектованием экипажа – вплоть до соцкультбыта в месте базирования. Чрезвычайный фонд, опять же, внимания требует – это сверхплановый резерв, выделенный для экстренного расширения «узких мест», если таковые вдруг проявятся – вот только не дай бог, если после выяснится, что использовали неэффективно, а то и еще хуже: думаете, в сталинское время не было хищений и коррупции? В общем, постоянно разные проблемы возникают, требующие срочного решения и согласования – так и выходит отдых, неделя тут, десять дней там. И хорошо, если с Анютой вместе.

Поскольку она у меня тоже человек очень занятой. В той далекой жизни я так и не женился – Ирочка, с которой мы там по этим мостам гуляли, и целовались, и планы строили, в девяносто первом вышла замуж за шведа и умотала за рубеж, «ты прости, но хочу, пока молодая, в цивилизованном мире пожить». Ну а я уехал по месту службы, за двадцать лет вырос с летежи до кап-1, командира «Воронежа», честно служебную лямку тянул, а дальше уже рассказал. Аня, бывшая партизаночка, была среди тех, кто тогда, в сорок третьем, нашу секретность обеспечивал, как у нас с ней сложилось, это уже личное, она сама расскажет, если нужным сочтет. Пока же живем мы с ней душа в душу уже двенадцать лет, в сорок четвертом наш первенец родился, Владислав, затем Илья и Оля. Аня же, еще на Севере показав организаторские способности, уже тогда стала помощницей у Пономаренко, на тот момент главного ответственного за идеологию и пропаганду, ну а теперь считающегося первым кандидатом в преемники вождю.

– Девочка ах какая красивая, ах какая правильная, – передали мне слова Пономаренко, сказанные еще тогда, в сорок третьем, – золотой фонд нашей молодежи.

Красивая – тот же типаж, что у Ирочки был. Внешнее сходство с героиней Лизы Боярской из кино «Адмиралъ» (сам фильм, на мой взгляд, откровенно слабый). Ближе к стандарту красоты конца века – здесь (вспомните фильмы 30-х – 50-х нашей истории) идеалом считаются «кукольные» личики и невысокие плотные фигуры – ну а Аня вполне могла бы в какой-нибудь кинофэнтезийной эльфийскую принцессу сыграть. Физкультурница – на нее взглянуть, и не скажешь, что у нас уже трое детей, – впрочем, я слышал, что после родов расплываются лишь те, кто за собой не следит. Стройная, длинноногая – джинсы бы ей пошли, но платье «стиля пятидесятых» (тонкая талия, юбка как парашют) смотрится намного лучше. И поверх наброшено – помню, сам ей когда-то ответил на вопрос, «а что в двадцать первом веке носили»,

ну я и вспомнил любимый Ирочкин фасон, «летающую» накидку – которую остряк Валя Кунцевич (еще один из наших, «воронежских») назвал «стиль бэтвумен». Аня подхватила «на ура», ну а после оказалось, что вкусы инструктора ЦК КПСС, да еще той, кто успела в кино здесь сняться (было и такое!), это предмет для подражания – в первую очередь для жен ответственных товарищей, ну и конечно, московской богемы, а за ними – большинства советских женщин подходящего возраста. Серега Сирий (еще один «воронежец», мой командир БЧ-5 и лучший мех, кого я знал) ворчал, что «в этих пальто и плащах все фемины на мусульманок в мешках похожи». Ну, если закутаться и капюшон надвинуть – только обычно «бэтвумен» носят не застегивая по бокам (наверное, чтобы можно было даму незаметно за талию обнять), и когда развеивается (от ветра или движения), то картина очень эротичная и непредсказуемая. А шляпы с вуалью вообще непонятно как в советскую моду вернулись – хотя вроде вспоминаю, что Любовь Орлова такую шляпу носила не только в фильме «Цирк», видел фото, где она же, готовясь к другому фильму, на ткацкой фабрике с работницами беседует, входя в роль⁵. На эту тему даже Аркадий Райкин (который здесь уже хорошо известен) успел с эстрады проехаться: «С девушкой познакомился, назначил свидание под часами у вокзала, ровно в два пришел с цветами – а там три девушки стоят, все в накидках и в шляпках с вуалью, как понять, которая моя», – а теперь представьте это растянутое на пять минут и с интонацией, зал от смеха катался. И Аня смеялась – а я вот только не понял, это где и когда бывало, чтобы девушки, и не одна, а три, на свидание пришли раньше времени?

Здравствуй, Матросский, наш Васильевский остров,
Здесь блокадные пели когда-то соловьи,
В зелени парков бродят юные пары,
Ленинградская верность – защитница любви.

Верно – смотрю, тут среди гуляющей публики парочек очень много. Молодые в большинстве – но нет-нет, и людей в возрасте тоже увидеть можно. Хотя, может, просто живут тут рядом и по делу вышли – время еще не позднее, одиннадцати нет, три часа еще до разведения мостов. Чинно, под руку, идем по набережной к Эрмитажу, справа шпиль Адмиралтейства тускло блестит. Аня такая красивая, на Незнакомку Блока похожа – в модной широкой шляпке, платье веет с шелковым шелестом, плащ вдруг взлетит, парусом надутый, и снова фигурку скроет. На Дворцовом мосту прохладно и ветрено, за колокольной Кунсткамеры вечерняя заря светится – а после незаметно в утреннюю перейдет. Внизу буксир баржу тянет, лодки и катера снуют. А перед нами Васильевский, где я жил когда-то в будущем. Дальше по берегу, за мостом Лейтенанта Шмидта – училище Фрунзе, бывший Морской корпус, возле которого бронзовый Крузенштерн стоит, сколько мы тут с отцом по набережной гуляли, когда я пацаном был, и на вид ну почти ничего не изменилось с тех пор. И Аня, я вижу, на тот берег смотрит – порывом взметнуло вуаль от лица, слезу вижу на ее щеке.

– Солнышко, ты плачешь? Что с тобой?

– Ветер глаза слезит, – отвечает она, – чуть шляпу не снесло!

Отвернувшись, поправляет вуаль. Войной обожженная – даже передо мной боится слабость показать. Она ведь тоже ленинградская – до войны здесь же училась в ЛГУ, здание за Кунсткамерой, «Двенадцать коллегий». А жила на Петроградке – и родители ее в Блокаду погибли. И про нее саму наш любитель истории Сан Саныч (кап-3 Головин, на «Воронеже» был командиром БЧ-1) откопал в какой-то книжке, что в нашей истории она погибла в Белоруссии в июне сорок четвертого, трех недель не дожив до прихода наших. Стальной пытается

⁵ «Светлый путь», 1940 г.

казаться – а мне хочется ее за плечи обнять, к себе прижать, от всех невзгод защитить, – но не принято здесь так, у всех на виду, вот когда в «Асторию» вернемся и детей спать уложим...

– Ты знаешь, ученые здесь решили, что наше время параллельное, – говорю я, – где-то там линия, с которой мы сюда попали, тут наша. Но тогда выходит, что время – это не ось, а как минимум плоскость. А значит, на ней может быть бесконечно много прямых, или кривых. И где-то может быть линия, в которой наш «Воронеж» вернулся из того похода, ни в какую временную дыру не провалившись. А где-то линия, в которой войны не было и ты университет закончила, вышла замуж за профессора, и гуляете вы сейчас всей семьей по этому же месту.

Анюта молчит с минуту. Затем отвечает серьезно:

– Может быть. Но я бы туда не хотела. Тот мир будет уже не наш, понимаешь? Та иная я в нем бы жить могла – а я уже никак, и ты тоже. Если мы знаем – и уже тут все меняли. Слышала я про эту теорию – там еще говорилось, что параллельные линии связаны через вероятность событий. Если мы здесь победим, построим коммунизм – то и в том мире все случайности будут с большей вероятностью в нашем направлении выпадать. Теория не подтверждена пока – но ведь и не опровергнута, а значит, возможно, так и есть. Тогда мы тут проиграть не имеем права. Потому что это потянет за собой и другие миры, в которых будет хоть чуть, но хуже.

Ага – а еще если линии и пересекаются могут? Не только расщепляться, но и сливаться. Вот будут ягоды, или даже арбузы-мутанты, если снова пересечемся мы, победивший СССР, и та ветка, где капитализм! Хотя они в научно-техническом отношении сильно впереди – ну так мы здесь развиваемся быстрее, догоняем. А пока здесь нам надо не споткнуться – ничего ведь в этом мире не предрешено, и шанс есть переиграть, наши ошибки исправив. Есть вероятность, что наделаем других – но это лучше, чем знать и ничего не делать. А делается очень многое – про морской фронт я уже рассказал, но ведь и там мы вовсе не «горячую» войну проиграли. Этот мир наш – и капиталистам мы его не отдадим!

Материально-техническую базу строим успешно. Жизненный уровень советского народа повышаем. Но знаем, что одним этим ограничиваться нельзя. Вспоминаю телеящик из прошлой жизни, хотя сколько лет прошло – как какая-то звезда демократии, вроде новодворской жабы, визжит:

– Что я получила от советской власти? Панельную клетку в хрущевке и все дешевые атрибуты – ковер на стене, мебельная стенка, хрусталь в серванте, телевизор! И ради этого моих предков убивали в Гражданскую, раскулачивали, морили голодом, гнобили в лагерях – и заставляли верить, что вот это – светлое будущее? Когда в цивилизованных странах уже норма два автомобиля на семью и дома с отдельной спальней у каждого!

Дура, вероятно, представляла Россию до большевиков как сплошной хруст французской булки. Вот только так, как герои романов Льва Толстого (и прочих классиков), жило лишь менее десяти процентов населения, так что вероятность попасть в то время (как в фантастических романах) и оказаться графом Облонским или даже интеллигентом Базаровым – посчитайте сами. Но никому из летописателей не был интересен быт крестьян и рабочих – и даже в «музеях деревянной архитектуры» (видел такой под Новгородом еще в той, прошлой жизни в двадцать первом веке) сохраняются избы прежде всего богатых крестьян. Очень жаль, что никто из булкеедов не увидит жилище деревенского бедняка или рабочую казарму (в сравнении с которой сталинский барак – это пятизвездочный отель) – да, были среди фабрикантов отдельные уникалы, кто создавал для своих рабочих нормальные условия, строили хорошие дома, – но большинство господ рябушинских предпочитало соорудить что подешевле, лишь бы рабсила с холоду не передохла – а если и вымрут, других наймем. А что сказали бы о «панельной клетке с коврами на стене» те, кто жил семьей в углу сырого подвала, занавеской отгородясь? В этом времени о том еще не забыли – иные из тех, кто это застали мальцами, служили здесь у меня уже в офицерских чинах и рассказывали всякое, и мне, и другим нашим «воронежцам».

Мы проиграли там – потому что остановились. Коммунизм, в отличие от капитализма, – это постоянное движение вперед, за Идеей, за мечтой. А мы там свели мечту к «паре автомобилей и ста сортам колбасы» – забыв, что еще Ленин сказал, что материальный достаток и капитал рабочим дать может в теории. Мы упустили фронт борьбы идей, состязания культуры. Здесь же будет по-другому. Советский Союз этой истории, по прошествии одиннадцати лет после Победы, уже не похож на себя же в истории там – и разница не только в экономике, мы и в том мире в пятидесятые имели рекордный темп роста ВВП, догоняя США. Сама жизнь стала другой... я даже не знаю, как ее назвать! Новый НЭП, кооперация, подлинная демократия Советов? На фоне активной пропаганды Идеи коммунизма и ее творческого развития. А еще в этом мире гораздо меньше вранья, все как-то честнее. Что выйдет в итоге – узнаем через тридцать лет. Я очень хочу дожить до здешнего 1991-го и услышать по радио: «В СССР все спокойно». В другом Союзе – не том, который мы знаем и который нес в себе бациллы смертельной болезни. А в ином, сохранившем достоинства того СССР, но избавленном от его недостатков.

Мы наступаем по всем направлениям. Чтобы нести свет коммунизма по всему миру. Имея возможность заранее продвигать тех, кто известен нам как «наша» фигура. Хотел бы я увидеться вживую с тем, кто прилетит в Москву через неделю – и чей портрет рисовали на футболках молодые люди двадцать первого века. И что выйдет из этого проекта – к которому проявил живой интерес сам Сталин – всего через четыре года.

Ретроспектива

Москва, лето 1945-го

– Вы хорошо справились в сорок втором, товарищ Быстролетов. И после работали успешно. Выглядите хорошо – на озере Рица отдохнули. Как ваше здоровье? Есть ли какие-то замечания, пожелания, нарекания?

Время товарища Сталина – дорого. Но «нет у нас незаменимых – однако есть те, кого заменить будет трудно». А Дмитрий Быстролетов – внебрачный сын графа Толстого (не того, кто автор «Войны и мира», но из того же рода), сам граф (успел законно получить титул), учившийся и в Севастопольском морском корпусе, и в Пражском университете (диплом доктора права), в Цюрихском университете (диплом врача), моряк, художник (Академии искусств Парижа и Берлина), успевший пожить и среди туарегов в Сахаре, и среди пигмеев в африканских джунглях, принятый за своего и аристократами Англии, Франции, Италии, и промышленниками, банкирами США, Германии, Голландии, знающий двадцать два иностранных языка... Увлечшийся марксизмом еще в юности, с дореволюционных времен, затем сотрудник ЧК, агент ИНО ОГПУ, успешно добывавший секретную информацию из Госдепа США и личную переписку Гитлера с Муссолини⁶. Фильм снять про его жизнь – так киношный Индиана Джонс курит в сторонке. Кстати, можно после, хоть через десять лет, когда операция будет завершена, озадачить и товарищей из Союза писателей, и киностудии – чтоб советские люди знали своих героев и равнялись на них, а не на какого-то Индиану.

В тридцать восьмом он был арестован по приказу врага народа Ежова. Там сидел «до звонка», был реабилитирован в пятьдесят шестом, еще девятнадцать лет, до самой смерти, работал переводчиком в Минздраве. Якобы его и раньше доставляли в Москву и предлагали вернуться к работе, а он не соглашался на амнистию и требовал реабилитации, гордый! При том что советская власть лишила его жены и матери (хотя прямой вины НКВД тут нет – жена Милена, чешка по национальности и товарищ по работе, самоубийством покончила, не дожидаясь, пока за ней придут, и мать, Клавдия Дмитриевна, тоже следом за ней). Однако даже при

⁶ Все факты биографии Быстролетова – подлинные!

этом там Быстролетов не был замечен в поливании нас грязью и всяких «разоблачениях» – верил в коммунизм до конца. Написал книгу «Пир бессмертных» – как антипод солженицынского «Архипелага», вот ее бы изучали в школах и вузах двадцать первого века, написана правдиво, вполне художественным языком, и с жизнеутверждающей позицией!

«Все отрицательные явления сталинизма можно вернуть, а положительные – никогда!»

В этой линии истории мы умнее, такими бриллиантами не разбрасываемся. Когда Быстролетова в сорок втором освобождали, он ведь того же требовал – и Сталин приказал реабилитировать полностью. Поскольку известно достоверно, что после там он остался верен. И так же вождь лично и даже в этом самом кабинете принес Дмитрию Александровичу извинения от лица всей советской власти – мы не гордые, а цена на кону стояла большая. Двести пятьдесят тонн уранового концентрата из Конго, застрявшие в нью-йоркском порту, без всякого интереса со стороны американских властей – там они в итоге спохватились, когда был утвержден «Манхэттен», и вспомнили про уран, прежде считавшийся не более чем сырьем для краски, здесь мы оказались быстрее, и решающую роль в том сыграл именно Быстролетов, бывший в США своим, как рыба в воде⁷. Получивший за это Звезду Героя – кто сказал «слишком жирно», это еще и в слабую компенсацию за то, что испытал от нас этот человек! Затем он работал в центральном аппарате здесь, в Москве – до окончания войны (и ленд-лиза) нельзя было допустить даже теоретической возможности, что информация о том деле союзникам утечет. И вот теперь – нет для намечающейся операции другой, более подходящей кандидатуры.

– Нэт замечаний? Тогда, товарищ Быстролетов, мы хотели бы вам предложить новое задание. Вдали от СССР – в чем-то простое, в чем-то сложное. Простое потому, что не потребуются выяснять чужие секреты, а тем более что-то взрывать, что-то похищать. А сложное... впрочем, это зависит от вашего согласия. Вы вольны отказаться, никаких репрессий не последует. Но если согласитесь, это будет большим вкладом в победу коммунизма в одной далекой стране. И в конечном счете во всем мире.

Если откажется, то плохо. Где мы другого такого, со столь разносторонними талантами, найдем? В поддержку людей пришлем, если понадобится, – а первую роль только он сыграть может. Вот затем и нужно, чтобы человек видел: высокое доверие ему оказывает сам вождь, куда уж выше? И если не подведет – будут после и почести, и награда. Ну а если предаст – на той стороне земного шара достанем, как Троцкого... но хочется верить, что верным останется, как там. С чего бы он здесь должен думать хуже о советской власти и высокой Идее?

– Прежде чем дать ответ, я бы хотел получить больше информации, товарищ Сталин. Чтобы быть уверенным, что я справлюсь. Если задание неординарное.

Право посвящать в Главную Тайну Советского Союза вождь оставил исключительно за собой. И степень посвящения может быть различной – насчет самого факта Контакта американцы уже явно догадываются.

– В одной далекой стране живет молодой человек, в этом году ему исполнилось семнадцать. Из богатой и знатной семьи, хотя и не граф, – но увлечен левыми идеями. Беспокойный и пылкий, из тех, про кого у нас говорят «шило в зад». Через десять лет он станет одним из вождей социалистической революции, первой в той части света. А еще через двенадцать лет – погибнет, не дожив и до сорока, в самом расцвете. Потому что, не усидев на месте, бросится делать революцию в Африке, оттуда ему едва повезет ноги унести, но он не успокоится и найдет еще одну страну, откуда уже не вернется. Гениальный тактик, но совершенно не стратег, не понимал он необходимости революционной ситуации – а считал, что достаточно небольшой группы повстанцев, одерживающей локальные победы, чтобы народ поднялся на борьбу. Некритически переносил обстановку, сложившуюся в первый раз – когда правящий режим так всем опостылел, что достаточно было десятка отважных, чтобы все вспыхнуло, как сухое сено

⁷ См. «Поворот оверштаг».

от маленькой искры! – на последующие случаи, где было совсем не так. И погиб совершенно глупо и бездарно – однако же оставшись в памяти вечным героем, «вива революсьон». А теперь представьте, товарищ Быстролетов, если у этого молодого человека с самого начала окажется старший и опытный друг, который ненавязчиво сумеет огранить бриллиант его таланта? Имея для того десять лет – этого будет достаточно?

– Не Европа, – сказал Быстролетов, – раз «первая в той части света». Да и товарищи в европейских компартиях равняются на нас и самостоятельности бы не допустили. Не Африка точно – простите, но авеколистским повстанцам до коммунизма, как до Луны. Не Азия – там во Вьетнаме вождь товарищ Хо Ши Мин. США, Канада, Австралия не подходят – из-за особенностей англосаксонской психологии и крайней слабости компартий. Значит, Латинская Америка, ну еще Мексика может быть – тем более, «вива революсьон», испаноязычное. Бывать там не приходилось – но я готов. Однако же... Товарищ Сталин, так значит, правду говорят, что мы с будущим связь имеем?

– А вот к этой информации у вас допуска пока что нет. Там не все так хорошо, как нам бы хотелось, – и здесь мы работаем, чтобы тех ошибок не допустить. Я рад, что вы согласились, товарищ Быстролетов, – тогда, прежде чем ваше начальство получит указания и приступит к конкретному планированию, хотелось бы выслушать ваши соображения. Сейчас вас проводят в отдельный кабинет для ознакомления с материалами – биография вашего подопечного в той истории, в дополнение к тому, что про него нам известно здесь и сейчас. И его собственные мемуары, написанные через семь лет, когда он путешествие на мотоцикле по сопредельным странам совершит – и именно тогда утвердится в своих убеждениях жизнь отдать за лучшую долю народа. Двух часов вам будет достаточно для ознакомления?

Быстролетов ответил коротко: так точно, будет достаточно. Хотя, наверное, ему не терпелось скорее приступить к чтению. Еще не зная, что там экстракт: убрана вся конкретика, указывающая на политическую ситуацию в том мире, и даже Куба ни разу не упомянута, все имена и названия, относящиеся к событиям после 1954 года, обезличены.

Лишь фотография, молодой человек в черном берете, с маленькой бородой – этот портрет в двадцать первом веке станет символом бунтарства. И имя на первой странице – Эрнесто Гевара, пока еще не Че.

Над Балтийским морем. 22 июня 1955-го

Десять километров до воды. И всего четыреста – до Ленинграда. Это очень мало, когда за хвостом остались восемь тысяч километров от базы в Теннесси, а в брюхе каждого из шести В-52 по сорок килотонн атомной смерти.

Загораются лампочки на пульте – нас облучают радары. Первый рубеж русской обороны, с севера Аланды, с юга Эзель и Даго. А к северо-западу, полусотни километров не будет, Стокгольм – видны его огни. Думают в стороне отсидеться, нейтралы, пока парни из Штатов защищают их от коммунизма. Прикрываются фиговым листком ООН – не понимая, что авторитет силы выше.

Сейчас пришел бы приказ – и мы бы пошли на восток. Вернуть русским долг за вьетнамское унижение, за смерть тысяч американских парней. Когда мы голосовали за Эйзенхауэра, нам казалось, что во главе Америки встанет наконец герой, полководец, разбивший гуннов и джапов. Кто ж знал, что он окажется таким же трусом, как предшественники? Но уже в следующем году новые выборы – и там, без сомнения, президентом станет тот, кто сможет отомстить!

Что сейчас творится в ближайших русских городах – в Таллине, Риге, Пскове, да и в Ленинграде, – наверное, воют сирены и толпа ломится в бомбоубежища. Как было месяц назад в Нью-Йорке, Норфолке, Филадельфии, Бостоне – когда флотские будто бы засекли в опасной близости от побережья русскую «моржиху», и всем казалось, что это Сталин решил расплатиться за разбомбленный Ханой. Так и осталось неизвестным, была ли там субмарина вообще,

Москва, понятно, все отрицает – а ущерб для бизнеса из-за этой паники вышел, как пишут газеты, сопоставим с реальной бомбежкой. Ну теперь мы и советских накормим тем же блюдом – дрожите, коммунаки, к вам крылатая смерть летит!

Вот только дальше нельзя. Проклятая география – нет дальше нейтральных вод, а значит, и свободного воздушного пространства. Да и если советские чуть ошибутся в определении точной границы, вряд ли Вашингтон будет из-за этого объявлять войну. Наверняка мы уже на прицеле всех ближайших русских ракетных батарей – а Ханой показал, насколько это страшное оружие, умники говорят, что наши приборы позволяют ослепить чужие радары и головки наведения ракет, но что-то нет желания проверять, так ли это. Ведь было уже, что самая первая эскадрилья В-52 два месяца назад была уничтожена русскими «мигами» даже не над Ханоем – а над Лаосом. А какое ПВО у Советов здесь, под Ленинградом, страшно представить! В штабе считают, что хотя бы один самолет из эскадрильи долетит и успеет сбросить Бомбу до того, как будет сбит – чертовы умники, им планы составлять, а нас всех в камикадзе? Хорошие парни должны наслаждаться плодами победы – а не сдохнуть ради торжества других!

Так что – поворачиваем назад. Мы сделали то, что приказано – показали всем, что у Америки есть бомбардировщики, способные долететь хоть до Москвы и вернуться, в оба конца, с территории собственно Штатов, дважды без посадки через океан. Бортинженер, доложить остаток топлива! Черт, на самом пределе – а дозаправка с воздушных танкеров, с прошлого года уставной прием бомбардировочных эскадрилий ВВС США, в болтанке над Атлантикой превращается в цирковой номер, смертельно опасный – двести тонн полетной массы имеют огромную инерцию, и поцеловаться с танкером значит сгореть заживо, даже до земли не успев долететь. Так что рассчитать курс по резервному варианту – точно на запад, через Швецию. Если мы успешно завершим этот рейд – то победителей не судят, пусть шведы ноту пришлют, Госдеп отпишется. А на норвежцев нам тем более наплевать – вот обделается их король от страха, увидев нас над Осло, – но мы пока мирные и добрые, так что не обидим и ничего на вас не уроним.

Наш рекорд беспосадочного группового перелета не будет нигде зафиксирован? Плевать – зато фирма «Боинг» наконец получит большой правительственный заказ. Восстановив репутацию «лучшего бомбардировщика всех времен», подмоченную тем, что случилось недавно над Лаосом.

А когда у Штатов будут тысячи В-52 – ведь строили же в войну «крепости» и «либерейторы» такими тиражами! – то любой державе останется только капитулировать при первом признаке американского недовольствия. Так как любая война будет ею заведомо проиграна, даже еще и не начавшись!

«Экспресс», Стокгольм. 23 июня 1955-го

До каких пор американские бомбардировщики с атомным оружием будут летать в шведском небе, как над Техасом или Оклахомой?

И возмутительный ответ американского пилота – «мы летим, никого не трогаем, а если помешаете, можем нечаянно на ваш Стокгольм целых шесть подарков уронить» – не говорит ли о том, что пресловутый пункт секретной инструкции, якобы «случайно» сбросить Бомбу в мирное время на территорию государства, вызвавшего недовольствие в Вашингтоне, у военнослужащих ВВС США есть?!

Послу США в Швеции заявлен решительный протест. И вопрос о столь вопиющем нарушении шведского суверенитета будет обязательно поднят в ООН.

«Афтенпостен», Осло. 23 июня 1955-го

Военное министерство Норвежского королевства официально заявляет, что никакой опасности для мирных граждан нашей столицы не было. Самолеты ВВС США, сопровождаемые нашими истребителями, не приближались к Осло менее чем на сто километров. И паника, возникшая среди мирных обывателей нашей столицы, не имела под собой никаких реальных оснований. Наше правительство и лично его величество уже вручили послу США ноту протеста – в настоящее время ожидаем разъяснений от Госдепартамента США.

«VG», Осло, 23 июня 1955-го

В давке у входов в бомбоубежища, от автомобильных катастроф и сердечных приступов умерло свыше тридцати человек – что превосходит жертвы при занятии нашей столицы нацистами 9 апреля 1940 года. Однако обращаем внимание, что паника (вызванная сообщениями шведского радио) началась более чем через час после того, как бомбардировщики пролетели мимо Осло. То есть, если бы у американцев было желание, они бы сделали со столицей Норвегии то же, что с китайским Сианем пять лет назад. В то же время они не решились нарушить воздушное пространство СССР, ни над Балтикой, ни возле Нарвика или Буде, – потому что знали, как их там встретят, а даже бешеным ковбоям очень хочется жить. Так встает вопрос, ту ли сторону выбрала наша страна – не ради какой-либо политической идеи, а ради собственной безопасности?

«Пари матч», Париж

Общеизвестно, что в вооруженных силах США очень распространена наркомания – даже американские газеты называют одними из главных поставщиков опиума и его производных в Соединенные Штаты своих же военнослужащих, вернувшихся из Вьетнама. Страшно представить, что будет, если экипаж бомбардировщика, находясь в обкуренном состоянии, пролетая над столицей европейского государства, вообразит, что под ними Москва!

«Таймс», Лондон

Быть союзником США сегодня – все равно что плыть в лодке со слоном. Не пора ли вернуться к идее Антанты – военного, политического, торгового союза европейских некоммунистических стран ради защиты от возможной советско-германской агрессии? Огромный перевес московского блока в традиционных вооруженных силах может быть уравнен атомным оружием – могущим нанести агрессору неприемлемые потери. В свете этого нам стоит лишь приветствовать усилия Франции по созданию собственной Бомбы и ее носителей. Так как война между нашими державами невозможна даже в теории – а вот совместное сопротивление как нападению с востока, так и заокеанскому диктату более чем вероятно.

«Милитари обсервер», Лондон

Официально объявлено о переброске во Вьетнам 16-й пехотной дивизии Армии США. Вопреки названию, эта дивизия полностью моторизованная, имеет более трехсот единиц бронетехники и по боевой мощи не уступает танковым дивизиям вермахта минувшей Великой войны. Так как Сайгонский порт все еще не функционирует в полном объеме, то местом раз-

грузки дивизии назван Бангкок, Таиланд. Напомним читателям, что в этой стране уже находятся свыше 30 тысяч военнослужащих США – но до сего дня это были тыловые части и ВВС. Теперь же появляется значительная группировка сухопутных войск. Означает ли это, что в Вашингтоне решили открыть против коммунистического Индокитая еще один фронт – западный?

Валентин Кунцевич (в 2012-м – старлей СпН СФ РФ)

На войну бы мне – так нет войны! Эти слова из песни – прямо про меня. Вернее, война-то есть, во Вьетнаме каша заваривается все круче, и на Ближнем Востоке какое-то нездоровое шевеление – но после случая с Борей Рябовым (секретноноситель из будущего, и в Сайгоне чуть в американский плен не попал) о том, чтобы мне (или кому-то из нас, иновременцев) выехать за пределы СССР, ну в крайнем случае советского блока, и мечтать нельзя! С ностальгией вспоминаю, как я в Китае оттянулся в пятидесятом – приезжаю в Монино, музей авиации, и смотрю на выставленный там бомбардировщик В-47, один из тех наших трофеев. А Ли Юншен, которого я в том самом деле из ефрейторов сразу в капитаны произвел (для вида, надо же было кого-то журналистам представить как командира «китайского партизанского отряда»), в нашей Академии отучившись и получив чин, умотал в свою ридну китайщину с гоминьдановцами воевать. Высоко взлетит, если не накосячит и товарища Сталина не разочарует – генералом, а то и маршалом помрет, став экспонатом истории, как у нас пока еще здравствующий Буденный или Ворошилов. Единственный пока китаец, награжденный нашей Золотой Звездой. Ну, Конфуций ему в помощь – и моя белая зависть.

Так что тренируюсь до посинения и гоняю молодых. Благо сороковника еще нет, и как в песне, тридцать лет (от двадцати пяти до сорока) – это возраст вершины. Официально числюсь замом у нашего Юрки Смоленцева – а ведь когда сюда попали, в равных званиях ходили, оба старлеи. Теперь вот – в силовом обеспечении у Службы партийной безопасности (они же «инквизиция», они же «опричники») служим. Пока безымянные – не привилось ни одно название вроде «Альфы» или «Вымпела». И работы особой не попадалось – слава богу, не может в сталинском СССР быть ни Беслана, ни захвата заложников, не доросли еще до того отечественные бандиты. И в отличие от прочих иновременцев, кто здесь уже семьями обзавелись и детьми, – я по-прежнему один. Два года уже как Машу схоронил. Хотя любил ли ее, не знаю – да, перевернулось что-то в душе, как узнал, что нас трое будет, – но вот к ней тянулся, или к той, на кого она очень похожа была? Которая другому отдана, ему навеки верна – и не светит мне тут с ней ничего. И еще польскую пани вспоминаю – которую я сам допрашивал и приговор ей подписывал, – смеяться будете, но показалась она мне чем-то на ту, другую, похожа, чьего имени я не назову – не внешне, как Мария, а что-то в характере, в уме было. А в Тамарочке Корнеевой, что возле меня вьется, – этой схожести ни на грамм нет. Так что прости, красивая ты и правильная – но не моя совершенно.

Из Львова вернулись – и снова скука. Впрочем, на войне геройство, как в атаку вперед или стоять насмерть, тоже занимает малое время. А большинство же это рутина, вроде снабжения, комендантской службы и, конечно, «копай, бегай, таскай». Сам раньше думал по дури, что штабные и интендантские – это презренные тыловые крысы, пока лично этим не занялся, и понял на своей шкуре, какую роль в победе занимает настоящая штабная работа и логистика. Даже простая передислокация воинской части – это решение множества вопросов в динамике реального времени (а на войне и при активном противодействии врага). Но и без этого в мирное время скучать не приходится – анализу и обобщению боевого опыта здесь большое внимание уделяется еще с Отечественной. И вопросы бывают самые неожиданные – вот поверите, что приходилось мне, в наш ракетно-атомный век, заниматься боевыми верблюдами?! А ведь пришлось!

Я ведь не случайно упомянул товарища Буденного. Довелось мне с ним тут пообщаться – и скажу, вот напраслину на него возводили в наше время! Очень толковый мужик, вовсе не чуждый технического прогресса и самообразования. В сорок первом не блистал – так ведь никто не блистал тогда! – зато показательно, что ни один фронт, где Буденный командовал, в окружение не попадал. Лошадник – так с кавалерией в Советской армии в войну и сейчас, одиннадцать лет спустя, ситуация интересная: в Отечественную гвардейские кавалерийские корпуса успешно воевали до самой Победы – будучи использованы правильно, не с саблями на танки, а как высококомобильная пехота, при вводе в прорыв на лесисто-болотистой местности имеющая даже большую оперативную подвижность, чем мехчасти, поскольку гораздо меньше зависит от топлива и дорог. А спросите товарища Ковпака, что у него основным транспортом было в его героических рейдах? Если у фронтовой пехоты главное занятие копать, то у спецур и партизан – бегать. Причем все тылы – что унесете, и уж точно не по проезжим дорогам. И вот тут ездовые и выючные животные играют огромную роль! Так же и в «малой» войне – у егерей, погранцов. И в этом ключе кавалерия в Советской армии еще очень востребована. Пока вертолетов в большом числе нет – да, наверное, и тогда для лошадок работа останется.

А при чем тут верблюды? Ну так уж география сложилось, что помимо собственной Средней Азии в сфере интересов СССР здесь лежат такие территории, как Синьцзян-Уйгурия или северный Иран... а в будущем, может, и до Мекки дойдем или по пескам Сахары, как знать? И тут верблюд незаменим: в отличие от лошади, вполне переносит сильнейшие перепады температур, от минус сорока до плюс сорока, причем может идти по лютой жаре без «дозаправки» (пищи или воды) десятки часов, таща на горбу до двухсот кило – или же в упряжке парой, груз в тонну с хвостом (пушка ЗиС-3, например). В минусе, что верблюд категорически не боевой зверь: даже в былые времена на строй пехоты, ошетинившийся пиками или штыками, не шел категорически, как ты его ни дрессируй, – так что даже у арабских халифов и турецких султанов на верблюдах только лучники были, а доспешных всадников для ближнего боя (аналога европейских рыцарей) не бывало никогда. И бегают верблюды хуже лошади, и влажность переносит очень плохо (так что вдали от родных пустынь и степей даже как тягловая сила плох), – а еще злобен, упрям и своеволен, даже больше, чем ишак, так что от погонщика большое умение требуется. В истории Армии США было еще в девятнадцатом веке, когда там всерьез пытались принять верблюдов на вооружение для службы на мексиканской границе – в итоге плюнули и не придумали ничего лучше, как выгнать скотину в пустыни штата Нью-Мексико, где эти животные одичали, расплодились и до сих пор бегают наподобие мустангов⁸. Мы не янки, любого в строй умеем загнать, хоть ты четвероногий, – исторический факт, что какое-то количество мохнатых двугорбых честно провоевали от Сталинграда до Берлина, таская пушки и повозки (фотография есть, русский верблюд на фоне Бранденбургских ворот). И если эти животные числятся в строю Советской армии (и спецчастей), то надо подумать об их ветеринарии и принципах дрессировки – в атаку им не ходить, но что будет, если с седла выстрелить из РПГ? Как было тут – когда в сорок девятом в Уйгурии близ городка Чугучак наши погранцы выпустили против банды курбаши Махмуд-бека (который, когда его поймали, оказался чистокровным славянином, сбежавшим из лагеря власовцем) такую вот живую версию «джихад-мобилей» в качестве артиллерийской поддержки. Тогда же выяснилось, что флегматичные верблюды после выстрела из гранатомета прямо над своим ухом впадают в панику, – но басмачам большего было и не надо: ушли в степь, были добиты авиацией, и остатки выловлены патрулями (на тех же верблюдах). А нам забота – писать «методичку» об использовании спецназом этого экзотического зверья.

И вот вызов на ковер к нашей «Анне Великой». Редкий тип женщин, которые, взрослея, еще расцветают – в тридцать с гаком выглядит, двадцатилетних затмевая. И власть во взгляде,

⁸ Реальная история. Последний раз дикого верблюда в пустыне Нью-Мексико видели в 1941 году.

в манерах – так если подумать, этой реальной власти у нее сейчас побольше, чем у английской королевы, не говоря уже о какой-нибудь герцогине Люксембурга. Вполне понимаю, отчего Лючия Смоленцева, «самая знаменитая из женщин Италии» и реальная претендентка на итальянское дворянство с титулом (что там по этому поводу в статусе ордена Святого Сильвестра, которые она из рук самого папы получила, говорится?), смотрит на нее с восторгом, как на образец для подражания. А уж для таких, как Тамара Корнеева, она вообще – богиня, высший авторитет! В то же время около нее уж точно не соскучишься – как недавно совсем было, в Львов послали, один вопрос прояснить, а вышло такое!⁹

Так кого прибить или живьем притащить надо – исполню с величайшим удовольствием! Неужели на войну отпустите – хоть в Народный Китай, моему крестнику Ли Юншену в помощь? Или еще на каких-нибудь пиратов поохотиться – как в прошлом году мы в Красном море, было дело, учили диких негров-авеколистов, что советских трогать нельзя... интересно, на том пиратском берегу сейчас все еще мертвая зона или кто-то уже живет? Или с товарищем Ефремовым сходить в Синьцзян, вот мечтал он «кладбище драконов» увидеть, а там до сих пор басмачи бегают, как у нас в двадцатые, обидеть могут наше светило фантастики, так что придется все вокруг зачистить километров на сто, чтоб ни один суслик пустынный не смел против что-то злоумышлять. А то я ж от рутины просто озверею!

– Валя, тебе задание. Первого июля в Москву прилетит один интересный человек. Надо его встретить, обеспечить безопасность, ну это само собой, – а главное, чтобы он вернулся на все сто нашим и правильным. Над этим не ты один работаешь – но твои предложения тоже интересны.

Книжка на столе, и имя на обложке. «Дневник мотоциклиста» – вышла в СССР в пятьдесят четвертом, в «Иностранной литературе». Ну ядрена вошь, вот мечтал когда-то... а вдруг я после и Фиделя с Раулем увижу? Эрнесто Гевара, пока еще не Че, на фото без своей знаменитой бородачки и берета.

Знаю, что товарищ Сталин, ознакомившись с историей кубинской революции, был очень впечатлен. И здесь тоже был штурм казарм Монкада в пятьдесят третьем, почти по тому же сценарию, вот только после Фиделя не поймали, он каким-то образом с Кубы сбежать успел – не с нашей ли помощью? А товарищ Че Гевара с друзьями совершил свое путешествие на мотоцикле – однако если в той истории мотоцикл, старая развалюха, и до половины пути не доехал, то здесь были они (не вдвоем, а шестеро) на железных конях до самого конца – ну, надо думать, если наши его опекали, то и техникой обеспечили. Также знаю, что успел Че отметить и в Гватемале у Арбенса – тут без подробностей. И в той истории он познакомится с Фиделем в этом году в Мексике и присоединится к отряду на «Гранме» в качестве врача. А что здесь будет?

Стоп! «Че – герой», но я не восторженный левак-студент из двухтысячных. А какими военными талантами обладал Че Гевара? «Классик партизанской войны» – да, написал в мое время широко известную книгу, где изложены азы партизанской тактики. Однако же в сравнении с нашими методичками на основе опыта Ковпака, Сабурова, Федорова и других товарищей-партизан Отечественной ничего принципиально нового нет. Еще он (в нашей истории) был с 1957 года командиром одной из «колонн» Повстанческой армии – но противник у него был послабее, армию кубинского диктатора Батисты с вермахтом ну никак не сравнить! Не припомню я, чтобы там против кастровцев воевали ягдкоманды, специально обученные егеря – с этим самым опасным противником партизан товарищ Че лишь в Боливии встретился. И проиграл, сделав кучу всех мыслимых ошибок: имея весьма малые силы, при отсутствии поддержки населения, оборудовал капитальный лагерь с электростанцией, куда всякий посторонний народ шлялся как через проходной двор, – а еще совершенно не заботился разведкой и контрраз-

⁹ См. «Красный бамбук».

ведкой. И главное, зачем он вообще в Боливию полез – в той конкретной обстановке, даже команда таких зубров, как Юрка Смоленцев, в лучшем случае сумела бы оторваться без потерь и уйти через границу, ну и какая польза в итоге для СССР и мирового коммунизма? Но Че Гевара ошибочно принял за постоянную величину то, что сложилось на Кубе, когда народ так «любил» Батисту, что одной искры было достаточно, чтобы все запылало. А в Боливии было не так – сырые дрова одной спичкой не разожжешь, их высушить надо. Однако Че ленинского учения о революционной ситуации, когда «верхи не могут, низы не хотят», не видел в принципе. Ну и нарвался – когда против него играли уже не бумажные батистовские солдатики, а американские «зеленые береты» с опытом Вьетнама. А ведь в этой истории Вьетнам для США начался на десять лет раньше – так что и опыта у противопартизанских войск будет побольше. И вполне могут эти спецы малой войны даже на восставшей Кубе оказаться – ох, и оттянусь я, если отпустите! У наших такого опыта все ж побольше будет – так что сыграем.

Мое мнение касает товарища Че: его предел – это «полевой командир» под хорошим политическим вождем. Уровня комбата, ну максимум комбрига. Политической фигурой, знаменем – его сделали уже после смерти. Хотя авторитет в глазах масс у него, безусловно, еще при жизни был. Но стоит ли игра свеч, и что конкретно мы получим, разыграв эту фигуру, – большой вопрос.

– Валя, а если подумать? – ответила Аня, когда я высказал ей эти мысли. – Во-первых, все источники сходятся, что из всей компании – оба брата Кастро, Че, Камило Сьенфуэгос – истинным коммунистом с самого начала был один Че Гевара. Ну а братья Кастро вполне могли скатиться в подобие аргентинского Перона, будь американцы чуть поумнее, Сьенфуэгос же при всех его талантах так и остался анархистом до самой смерти. Так что Че нужен – и как «агент влияния», и, уж прости, как резервный вариант в вожди. Во-вторых, есть мнение, что даже если тут революция на Кубе не победит и США вмешаются с самого начала – то пусть они получают там не вторую Гватемалу, а второй Вьетнам, с тысячами гробов, ну а кто может справиться с этим лучше, чем авторитетный в массах «полевой командир»? Короче, решение принято, дело на контроле у товарища Сталина – и придется из командира делать вождя. Который, если революция победит, вовсе не погибнет глупо. К примеру, зачем Боливия – если в Центральной Америке, куда ближе, гораздо более перспективные страны есть? Но это разговор будущих времен. Вот тебе материалы, ознакомься и работай – завтра жду твои предложения.

На папке гриф «ОГВ» – «особой государственной важности», в советском делопроизводстве высшая ступень, даже над «сов. секретно» – как правило, под ним идут все знания «из будущего». Ну, если Королева приказывает – как можно отказаться? Будем «отделять щенка под капитана». Надеюсь, выйдет не труднее, чем с Ли Юншеном?

Эрнесто Гевара (пока еще не Че)

С чего началось это приключение? Завершившееся здесь, в далекой стране, – новым приключением? Или началом великого дела?

Может, с атмосферы в родительском доме – где родился наш герой. Если отец (тоже Эрнесто) был обычным плейбоем из аристократического, но обедневшего рода, учился на архитектора – бросил университет, не доучился; пытался заняться бизнесом – прогорел, не обнаружив в себе таланта; наконец, опустив руки, стал все реже бывать дома, искать счастья на стороне и прикладываться к бутылке, то мать – Селия де ла Серна да ле Льюис, была личностью очень примечательной!

Среди ее предков был последний вице-король испанского Перу. Сама она, окончив католическую гимназию в Буэнос-Айресе, увлекалась литературой и философией, свободно говорила на трех языках. Была одной из основательниц движения феминизма в Аргентине, сама водила автомобиль (редкость для женщины в начале века!) и подписывала чеки своим именем

(а не мужа – что также было в те годы нехарактерным). А еще она читала труды Карла Маркса и восторженно отзывалась об идее социализма. Хотя, выходя замуж за Эрнесто (красивого молодого человека, покоровшего ее сердце), считалась одной из богатейших невест Аргентины – принесла в приданое большое имение и капитал.

Первенец – тоже Эрнесто – родился 14 июня 1928 года. Через год – дочь, которую назвали в честь матери. Еще через три года – второй сын, Роберто. И, наконец, вторая дочь, Анна-Мария, и третий сын, Хуан-Мартин. Но старший, Эрнесто, был материнным любимцем и фаворитом. Мать искренне хотела вырастить из него героя.

Отчасти из-за этого он получил болезнь, мучившую его всю жизнь. Мать воспитывала его вовсе не в тепличных условиях – сама плавала великолепно и купала сына в реке в любую погоду. После одного такого дня, очень холодного и ветреного, у Эрнесто начался кашель, и приступы приходили снова, врач сумел лишь поставить диагноз: хроническая астма. Иногда приступ был так силен, что мальчик не мог гулять и должен был лежать в постели. Тогда мать читала ему вслух – Жюль Верна, Майн Рида, Джека Лондона. Благодаря этому сам Эрнесто стал читать в четыре года. Но мать не забывала и о его физическом развитии, подвижных играх – делала все, чтобы ее любимый сын не чувствовал себя из-за болезни ущербным. Она была его первой, домашней учительницей – Эрнесто пошел в школу в десять лет и вовсе не в начальный класс, – но для того, чтобы воспитать у сына лидерские качества, Селия приглашала в дом соседских детей бедняков, при этом обеспечивала им игры и развлечения и питание дважды в день. Став подростком, будущий Че Гевара любил сделать «что-нибудь такое», чтобы покрасоваться перед одноклассниками, тянулся к славе (пусть даже иногда дурной). И даже его приступы астмы и ингалятор в кармане – выглядели не признаком слабости, а таинственными атрибутами юного мачо.

А отец, Эрнесто-старший, тем временем все отдалялся от семьи. Все его коммерческие начинания неизменно проваливались, семья жила исключительно на капитал Селии. Которого хватало даже на то, чтобы всем детям в школе, где учился Эрнесто-младший, каждый день давали кружку молока. А отец пытался играть в плейбой, безудержно тратил деньги (когда они у него заводились), крутил романы с юными красотками и все чаще прикладывался к бутылке. Даже когда ему повезло наконец получить высокооплачиваемую работу управляющего в строительной фирме – что позволило семье Гевара купить и новый дом, и даже теннисный клуб (ведь теннис очень способствует развитию организма подростка – а мать хотела, чтобы ее любимый сын поменьше вспоминал о своей болезни), – это не способствовало восстановлению прежней душевной близости между родителями. Однако разводы в Аргентине запрещены – и супруги вынуждены были жить вместе, ради счастья детей.

В 1941 году Эрнесто-младший поступил в колледж, вместе с сестрой Селией-младшей. Это было в тридцати пяти километрах от дома – и чтобы дети не мучились в душном автобусе, мать ежедневно отвозила, а после забирала их на своей машине. Учеба давалась юному Геваре легко, особенно точные науки – но он также увлекался шахматами, рисовал акварелью и даже сочинял стихи. И делал успехи в спорте – гольф, теннис, регби, верховая езда, велосипед. Успел прочесть все книги из домашней библиотеки – в том числе французских философов (в подлиннике, выучив язык), а также Маркса, Кропоткина, Ленина. И стихи – Пабло Неруды, Гарсиа Лорки. Эрнесто учился – а где-то далеко, на другой стороне земного шара, пылала великая война: Перл-Харбор, Сталинград, Гуадаканал, Днепровский рубеж, Каир и Багдад, вторжение японцев в Индию, сожжение Ватикана и, наконец, взятый русскими Берлин, гибель Еврейского квартала. Затем капитулировала и Япония – а Эрнесто Гевара-младший окончил колледж. И тогда в доме семьи Гевара появился дон Педро Бельмонте.

В Аргентине правил генерал Перон, который искренне пытался сделать страну великой, а народ счастливым – так, как сам это понимал: считая за эталон «корпоративное государство» Муссолини, где он с тридцать девятого по сорок первый служил военным атташе. После паде-

ния рейха упоминать в речах дуче, а тем более Гитлера (про которого Перон также когда-то отзывался с восторгом) стало дурным тоном – но практическая политика генерала-президента не изменилась ни на миллиметр. Национализм, индустриализация, «классовый мир» – который официально считался «третьим путем» между капитализмом и социализмом: улучшить благосостояние рабочих, надавив на капиталистов, и обещать хозяевам стабильность, жестоко подавляя всякое инакомыслие, особенно с коммунистическим уклоном. Простой народ вздохнул свободнее, и аполитичным богачам тоже было раздолье – ну а замеченные в «левых» взглядах арестовывались, нередко без соблюдения юридических формальностей, а бывало, и исчезали бесследно – или же, спустя время, где-то находили труп со следами пыток. Хотя не было концлагерей и газенвагенов – подобно тому, как в Европе в минувшую войну режим дуче был заметно мягче гитлеровского. И тех, кто молчал, никак не участвуя в политике (особенно в провинции, а не в Буэнос-Айресе), как правило, не трогали. Но если Эрнесто Гевара-старший всячески подчеркивал свою аполитичность, то Селия живо интересовалась политикой, имея по всем вопросам собственное суждение. Собирала в своем доме самых разных людей – художников, поэтов, профессоров университета. А также эмигрантов и политических беженцев из Европы – причем если кому-то требовался кров, тот мог остаться на неделю или даже на месяц. Так что дон Педро, имевший рекомендации одного из старых друзей семьи, был принят со всем радушием – обед, затем беседа в гостиной. И, конечно, первой темой были новости из Старого Света.

– Европа в закате, – рассказывал дон Педро, – то, что от нее осталось, во всех отношениях, в военном, экономическом, политическом, даже вместе взятое, Англия, Франция, Испания, кто там еще – слабее каждого из двух великих игроков, Советов и США. А скоро и всем в мире придется выбирать, кому подчиниться, коммунистам или гринго. Кажется, у русских есть выражение «хрен редьки не слаще».

– Вы воевали? – спросил Гевара-старший. – Если не тайна, то на чьей стороне?

– Вы давно были в столице, сеньор Гевара? – ответил вопросом гость. – Месяц назад там открылось русское посольство. И в «Атлантике» уже показывают русский фильм про «обыкновенный фашизм». Я не люблю большевизм – но нацистов я не люблю гораздо больше. И если вы посмотрите фильм, то поймете почему. За последние двадцать пять лет мне довелось пожить в Югославии, Италии, Чехословакии, Испании, Штатах и даже некоторых диких экзотических странах, я видел людей многих национальностей и рас, – и мне глубоко претит, что для нацистов лишь тот, кто принадлежит к так называемой «арийской расе», достоин считаться человеком, ну а все прочие – это даже не негры, а что-то вроде говорящих животных. Окажись я там, где правил Гитлер, – закончил бы жизнь в печи концлагерного крематория. И русские вместе с янки сделали великое историческое дело, раздавив эту угрозу для всего цивилизованного мира. Вам известно, что под конец Гитлер даже христианскую веру объявил вне закона, прямо обратился к врагу рода человеческого и велел Ватикан сжечь? И на чьей стороне должен воевать идальго?

– Вам приходилось видеть советских? – спросила донна Селия. – Я очень много читала о той великой стране, даже мечтала когда-нибудь там побывать.

– Да, случалось, – кивнул дон Педро, – когда я был в Италии год назад. Их армия великолепно обучена, вооружена, с отличной дисциплиной, – а как они умеют драться, можете судить по тому, что стало с Еврорейхом. Беспощадны к врагу, но не жестоки, а с друзьями даже вежливы – итальянцы, а особенно итальянки, были от них в восторге. К сожалению, я не могу сказать больше, так как вынужден был уехать в Испанию, по некоторым причинам. А оттуда – в вашу прекрасную страну. Про которую еще полвека назад говорили в Европе – «богат как аргентинец».

– С тех пор многое изменилось, – заметил Гевара-старший, – сегодня богатство нации в большей части создается не на пастбищах и фермах, а на заводах и в шахтах. Наш славный президент Перон тоже понимает это, раз объявил об индустриализации...

– Дуче тоже этого хотел, – ответил гость, – «автаркия», чтобы все необходимое итальянцам производилось в самой Италии. Однако когда началась война, итальянская армия оказалась едва ли не самой плохо вооруженной. На итальянских кораблях не было радиолокаторов, итальянские танки имели тонкую броню и слабые пушки, итальянская артиллерия в массе была образцами прошлой Великой войны, торпедоносцы «Савой» были летающими мишенями, современные истребители хотя и имелись, но в явно недостаточном числе. Зато у солдат были очень красивые мундиры с галстуками – больше подходящие для парадов, чем для окопов Восточного фронта. И сейчас, насколько мне известно, самыми боеспособными частями армии Народной Италии являются бывшие бригады гарибальдийских партизан, обученные русскими и имеющие русское оружие и технику. Что ж, может, президент Перон окажется более удачливым, чем дуче. И хорошо бы, если это не придется проверять войной – уж очень это страшное и грязное дело.

– Странно слышать такое от кабальеро, – произнес Гевара-старший, – так уж заведено, что долг настоящего мужчины...

– Поверьте, сеньор Гевара, что никто из истинно воевавших, кого никак нельзя упрекнуть в трусости – и с кем я имел честь беседовать! – не считал войну тем, что на плакатах: сплошные подвиги, знамена, ордена. Война – это тяжелое, страшное и грязное занятие, я сказал это и повторю. Но настоящему мужчине надлежит им владеть в совершенстве – потому что иначе его убьют, его дом сожгут, его семью угонят в рабство. Так было во времена древнего Вавилона – и по большому счету осталось и сейчас. С той лишь разницей, что войнушки местного значения, между двумя крохотными по современным меркам народами, – превратились в пожар, охватывающий полмира. Или целый мир – если случится и третья великая война, в которой будет применяться что-то подобное из романов Уэллса «Освобожденный мир» и «Война в воздухе», бомбы на основе атома и флоты летающих кораблей. В этой войне не будет нейтралов – те, кто поначалу отсилятся в стороне, после станут лакомой добычей для победителя, просто по праву силы.

– Трудно назвать иные войны древности или Средневековья «крохотными» и «местного значения», – заметила донья Селия. – Поход Александра Македонского от Балканского полуострова до Индии, через территории Малой Азии, Египта, Ирана и Средней Азии, – по преодоленному расстоянию намного превосходит походы на восток Наполеона и Гитлера. Или монгольские полководцы, орды которых прошли путь от Китая до Чехии, создав крупнейшую империю в истории человечества... которую превосходит территорией разве что современный Советский Союз. Времена могущественных держав, огромных империй и войн, охватывающих почти весь известный тогда мир, уже бывали в истории. И те войны были куда более жестокими, чем современные, – если взглянуть на долю от численности населения в то время. Считается, что Чингисхан в своих походах в Китай и Среднюю Азию истребил треть всех живущих в тех землях – даже Гитлер не был так жесток. А древние римляне истребляли и продавали в рабство целые народы. По иронии, племя тевтонов, в честь которых любили называть себя немцы, постигла именно такая судьба: во время всеобщего похода тевтонов на Италию римляне разгромили их армию, истребили солдат, а всех остальных продали в рабство, и это было около ста тысяч человек. Позже та же судьба постигла и вандалов, тоже около ста тысяч рабов. В те времена любой полководец Древнего Рима имел полное право сжечь город противника дотла и истребить всех его жителей – и его упрекнули бы разве что за то, что упустил прибыль – выгоднее было продать жителей в рабство. Точно так же Александр Македонский поступил с Фивами и другими городами, которые оказали ему особо упорное сопротивление... В Средние века охватившая Европу Тридцатилетняя война тоже истребила не менее трети ее населения.

Нет, все же к нашему веку человечество заметно облагородилось. Мы уже не считаем нормой целиком истребить население городов даже врага, массово продавать его в рабство, а пленные могут рассчитывать на гуманное отношение под охраной Международного Красного Креста.

– Еще раз советую вам посмотреть русский фильм про обыкновенный фашизм, – сказал дон Педро, – как «культурные» немцы вели себя в России. Вы наверняка слышали, что они сделали с деревней Орадур во Франции, или с бельгийским Лувэном в прошлую войну – на востоке таких мест были тысячи. «Я освобождаю вас от химеры, именуемой совестью» – это были слова фюрера перед русским походом. А чем, если не рабством, назвать то, как обращались в Еврейске с военнопленными и даже гражданскими людьми, включая женщин и подростков, угнанных в Германию на каторжные работы? Как нацисты пытались уморить голодом Ленинград? Да и японцы от них не отставали – вы, наверное, слышали и про марш смерти на Батаане, и про Нанкинскую резню, и что самураи творили в Индии. И уж конечно, у древних римлян и Чингисхана не было заводов по истреблению людей – когда в производство идут даже кожа, кости и жир.

– Но ведь все эти преступления совершили варвары-японцы, еще не вышедшие из средневековья, и немцы – эти новые варвары, по своей воле захотевшие в Средние века вернуться, – сказал дон Гевара. – Еще до прошлой Великой войны германский император призывал своих солдат «вести себя в Китае как дикие гунны». Но их попытка выступить против всего цивилизованного мира была в итоге подавлена, а все их преступления – и признаны миром именно преступлениями. Так что я не стал бы на их примере считать современное человечество столь же... диким. Конвенции, попытки всеобщего разоружения, Международный Красный Крест, Лига наций, а теперь ООН... Да, их нарушения и военные преступления не прекратились и до недавних времен, но все же я полагаю, что с каждым десятилетием мы продвигаемся ко все более цивилизованным отношениям. Сами попытки установить подобные нормы – указывают именно на то, что человечество само осознало, что нуждается в этом.

– Конвенции хороши, когда их исполняют, – усмехнулся дон Педро. – У кого-то из классиков социализма, у Маркса, нет, у Ленина сказано, что «любые самые благие законы без стоящей за ними вооруженной силы дешевле бумаги, на которой записаны». Гитлер, начиная эту войну, был уверен, что «мы победим – и кто тогда будет судить победителей». Я слышал, что вы, донья Селия, любите русскую литературу – так читал когда-то рассказ одного писателя, не столь известного, как Толстой или Достоевский, но все же... Сюжет начинается с того, что в вагоне для некурящих один нахал закурил сигару. Другие пассажиры указывают ему на табличку с надписью «не курить» и требуют, чтобы он перестал, но нахал интересуется – а с какой это стати он должен делать то, что написано на какой-то табличке? Пассажиры зовут на помощь кондуктора, тот тоже просит, чтобы курильщик перестал курить, и указывает ему на табличку. Но нахал опять отказывается бросить сигару. Кондуктор оказывается полностью беспомощен и в итоге, чтобы прекратить конфликт, предпочитает... сменить табличку на «вагон для курящих»¹⁰. Мораль, которую вижу лично я, – любой закон беспомощен, если за ним не стоит власть, которая может наказать нарушителя. Ладно, в том случае кондуктор мог полицейского позвать – ну а кто призовет к порядку одну из великих держав? Самый живой пример – Лига Наций: мы все хорошо помним, как на ее грозные, но беззубые решения плевали даже Боливия с Парагваем. ООН кажется более надежной структурой – но глянем правде в глаза: никакой «всемирной полиции» не существует, и вся сила ООН в единогласии сильнейших держав мира – СССР, США, Великобритании, ну еще как-то можно Францию сюда причислить. Пока эти мировые игроки в согласии – они реально могут покарать любого нарушителя порядка. Ну а если нарушителем станет одна из этих держав, то что могут сделать остальные, кроме как начать новую большую войну? Мое искреннее мнение – нас ждет пока некоторая передышка,

¹⁰ Рассказ А. Аверченко «Гордиев узел».

весь мир слишком устал от этой войны – что, однако, не отвергает войн и революций малого масштаба, причем как раз не в Европе – где уже навоевались досыта. Ну а после, когда подрастет поколение, не знающее того, через что прошли мы... Меня утешает лишь то, что мы этого уже не увидим. Я родился на рубеже веков – и сугубо по арифметике, на мой остаток жизни мирного времени хватит. А вот что будет после – этот экзамен сдавать придется уже им.

И дон Педро посмотрел на Эрнесто-младшего и его братьев.

– Учитесь, мальчики, – сказал он, – запомните, человек ценен лишь тем, что он знает и умеет. А не тем, кто его предки и сколько в его бумажнике. Вернее, это тоже имеет ценность, как полезный ресурс – на деньги можно купить оружие, патроны, еду. Тратить же на свое удовольствие – ну, тоже можно, для восстановления сил. И не больше – тут бог вам судья, но помните, что спущенного на выпивку, карты и любовниц вам завтра может не хватить на то, от чего зависит жизнь – вас, ваших близких и вашей страны. Я вел себя именно так – и смею уверить, за прошедшие годы есть очень немного событий, о которых я сейчас жалею. И учитесь искусству драки – да, это грязное дело, но подумайте, если вам надо будет защитить себя, свою женщину, своих детей, свой дом, а вы не сможете этого сделать – то разве вы мужчины?

– Простите, дон Педро, вы женаты, – спросила донья Селия, – а дети у вас есть?

– Был женат, – ответил гость, – она погибла. Детей – так и не успели. Простите, но я не хочу об этом говорить.

В гостиной повисло молчание. Которое нарушил Эрнесто-младший.

– Дон Педро! А вы научите меня стрелять? Как Индиана Джонс из русского фильма – всегда хотел научиться так!

И услышал ответ:

– А ты готов? Это ведь страшно – в первый раз выстрелить в человека. Не в фигурку где-то вдали, из винтовки. А в того, кто рядом с тобой, кто только что говорил с тобой, улыбался тебе. И вдруг оказывается, что он тебя сейчас убьет – и колебаться не будет. Или сделает с тобой нечто хуже, чем просто пуля в лоб. И у тебя есть шанс его опередить, вот револьвер в твоей руке – но решишься ли ты, не промедлишь? Сумеешь сделать это – и останешься человеком?

– А что такое «хуже чем пуля»? – влез Роберто. – И «остаться человеком», неужели это правда про тех, у кого нет души, как на Гаити умеют?

– Меньше надо смотреть американское кино! – ответил дон Педро. – Лично я пока ни одного зомби не встречал. Но если ты, боец Сопротивления, попал бы в застенки гестапо, то для тебя это было бы намного хуже смерти в бою. Также я знал и тех, кто не решался нажать на курок и погиб, – но и тех, кто решился, и ему это нравилось, и он превращался в зверя, которому было уже все равно кого: врага, или друга, или совершенно посторонних и невиноватых. Таких приходилось убивать как бешеных псов – даже не из христианской морали, а по сугубо практической причине. Нельзя иметь дело с тем, кто может выстрелить тебе в спину просто потому, что ему это захотелось. Как и с тем, кто предаст при первом случае. Впрочем, предателей не ценит никто – потому что они так же предадут и нового хозяина тоже, – обычно же их используют и списывают в расход. А потому, мальчики, помните: прежде всего не надо предавать себя, то, во что ты сам веришь. Тогда у тебя выйдет и – никогда не предавать других.

И снова взглянул на Эрнесто-младшего.

– Так ты готов? Если хочешь, могу дать тебе урок стрельбы прямо сейчас. Только придется выйти на задний двор.

Так как обед был закончен, вся семья Гевара поспешила наружу, благо погода была отличная. Дон Педро достал из саквояжа пистолет в деревянной кобуре, с длинным стволом.

– Маузер? – спросил Эрнесто-младший, вспоминая фильм. – Любимое оружие путешественников и авантюристов!

– Нет, это не К-96, – ответил дон Педро, – а испанский, «Астра-903». Внешне похож, но имеет важное отличие: может стрелять очередями. Правда, вот так это делать не советую –

десятипатронный магазин расходуется за секунду, а удерживать неудобно, сильно задирает ствол. Но если примкнуть кобуру прикладом и вставить длинный магазин, на двадцать патронов, – то накоротке можно свалить сразу нескольких на тебя напавших. Этому дольше учиться надо – тот, кто мне показывал, мог очередью сбить расставленные на бревне орехи или спичечные коробки. Ну а мы сейчас изобразим что попроще. Дон Эрнесто, велите слугам ну хоть поленья вот там расставить. Так, ну а теперь, мой мальчик, держи пистолет, вот так, переводчик на одиночные, предохранитель отпущен – целься и представь, что там самый главный твой враг-злодей!

Эрнесто попал всего два раза из десяти – пистолет оказался слишком тяжелым, его трудно было удержать в вытянутой руке, а отдача очень сильно подкидывала ствол. При том что деревяшки стояли совсем близко, не дальше чем в десяти шагах. Конечно, он не ждал, что покажет результат как ковбои в фильмах, на лету муху пулей сшибают, или отстреливают кончик сигары у недруга, или разбивают бокал с шампанским в руке у прекрасной доньи. Но всего два раза из десяти!

– Для первого раза неплохо, – заметил дон Педро, – тут мой недосмотр, надо было захватить что-то более подходящее, например люгер семь шестьдесят пять. Но думаю, что мы еще продолжим. Здесь есть охота, дон Эрнесто? Я бы с удовольствием побродил по лесу и горам с ружьем. И заодно поучил бы ваших замечательных детей, как среди дикой природы выслеживать дичь... не только четвероногую или пернатую!

Отец кивнул – конечно, будет лучше, если его сыновья научатся этому благородному искусству. А Эрнесто-младший спросил:

– Дон Педро, а как бы вы успели достать оружие, если бы на вас напали злодеи? И еще примкнуть приклад, и зарядить?

Гость улыбнулся – и вдруг в его руке оказался маленький никелированный пистолетик.

– Всегда со мной – даже в доме друзей и в моем собственном. Уж простите, дон Эрнесто, но эта привычка дважды спасала мне жизнь. Калибр 6-35, но экспансивные пули. Хватит, чтобы в десяти шагах остановить любого разбойника, даже самого крепкого телосложения.

С этого дня дон Педро стал частым гостем в доме семьи Гевара. В трудное время – когда выяснилось, что коммерческие авантюры и увлечение излишествами дон Эрнесто, равно как и траты доньи Селии на помощь приезжим друзьям и своим обездоленным привели семью к грани финансового краха. И больше не будет средств на содержание богатого дома с прислугой и не станет возможности вывозить детей на лучшие курорты атлантического побережья, и даже на дорогостоящие лекарства для Эрнесто-младшего денег может не хватить. Продав плантацию, можно было протянуть еще год или даже два. Но дон Педро сказал:

– Если вам так дороги этот дом и плантация, то я могу купить ее у вас. Разумеется, вы можете пользоваться домом, как прежде. Дайте мне лишь две недели, чтобы нужную сумму собрать.

– Вы слишком добры, дон Педро. И настолько богаты?

– Увы, донья Селия, доброта в наше жестокое время выживает, лишь когда подкреплена успешным бизнесом. И я не могу отказать себе в случае помочь хорошим людям и еще получить прибыль. У вас есть большая и благоустроенная плантация – вот только дело на ней организовано очень дурно. А ведь ваш великолепный чай матэ можно с выгодой продавать в Европе, – и я знаю серьезных людей там, кто был бы в этом весьма заинтересован. И согласился бы одолжить мне нужную сумму на развитие бизнеса.

– Ну а если вам не удастся вернуть долг? – с тревогой спросила донья Селия.

– Как можно думать о поражении, еще не начав дело? – улыбка дон Педро показалась Эрнесто-младшему хищной. – Тем более что если я проиграю, то мои друзья будут очень огорчены. А это крайне нежелательно!

Ретроспектива

Декабрь 1945-го, Буэнос-Айрес, посольство США.

Через две недели после разговора из предыдущего эпизода

– Будь я проклят, если это не Джо Бишоп! Сколько лет прошло! Какими судьбами здесь?

– Десять лет, Гарри. Мы ведь последний раз виделись в Нью-Йорке в тридцать пятом. Только уж прости, сейчас я не Бишоп, а Бельмонте. Подданный испанского короля – там ведь монархия сейчас.

– Снова игры плаща и кинжала? Ты и сейчас на службе?

– Ну, Гарри, когда идет битва со всемирным злом, каким без сомнения являлся Гитлер, джентльмену и патриоту грешно не принять участие. Вот только погон я не носил никогда – предпочитаю оставаться «вольным стрелком по найму».

– Если парни из Вашингтона ведут какую-то игру на моей территории, я должен о ней как минимум знать.

– Гарри, в данном случае я здесь как частное лицо. С всего лишь коммерческим интересом. К нашей обоюдной выгоде, если войдешь в долю.

– Слушаю тебя очень внимательно. Надеюсь, ты не потребуешь от меня сделать что-то противозаконное?

– С каких это пор мирный бизнес мог стать противозаконным? Видишь ли, Гарри, в мои годы уже пора задумываться о будущем. Обзаведясь множеством полезных знакомств и получив богатый жизненный опыт, я, к своему прискорбию, скопил на черный день меньше, чем хотелось бы – впрочем, денег никогда не бывает слишком много. Желаю, оставив всякие рискованные игры молодым, заняться наконец собственным бизнесом. Однако в Штатах конкуренция слишком велика и все лужайки уже поделены. Ну а Европа, с одной стороны, пресыщена, с другой – разорена, а с третьей – почти вся лежит под коммунистами.

– И ты решил стать преуспевающим аргентинским плантатором? Так должен тебя предупредить – это общество крайне щепетильно относится к чужакам.

– Большие деньги делаются на «разности потенциалов», границе культур. Вся Аргентина пьет чай матэ, в то время как этот восхитительный напиток малоизвестен в Европе. А ведь его когда-то звали «парагвайским» или «иезуитским» – да, Гарри, в эти авантурные годы так уж вышло, что я очень плотно работал с парнями в сутанах. И представьте, там еще помнят вкус чая матэ – есть люди, готовые вложиться в рекламу и продажу этого товара на европейском рынке. Ну а я должен лишь организовать производство и отправку в Испанию, а куда мои кредиторы продадут его дальше... Слава господу, чай не является стратегическим товаром – так что пусть его хоть неграм в Африку поставляют, если бы те могли хорошо платить.

– И ты уже что-то предпринял? Я мог бы дать ценный совет.

– Присмотрел уже одно райское местечко. В провинции Кордова – не слишком далеко отсюда. Вам известна семья Гевара?

– Ну как же! Очень древний аристократический род, едва ли не от первых конкистадоров. Однако нынешний глава его, скажем так, не слишком удачлив в делах...

– Будь он удачлив, не согласился бы уступить мне контрольный пакет своей фирмы, и по дешевой цене. При этом номинально оставшись парадным главой – ты правильно заметил, Гарри, вовсе не надо шокировать соседей, которые вполне могут решить, что какому-то европейскому выскочке не место в их круге с древними традициями. Не слишком удачлив – это мягко сказано. Плантация имеет очень хорошие перспективы, но работы на ней организованы очень плохо. Но это можно поправить!

– Однако супруга сеньора Гевара имеет репутацию смутьянки с крайне левыми взглядами.

– Знаю – по моему убеждению, именно ее мягкость и разболтала нанятый персонал. Но я полагал, что в этой стране господствуют взгляды патриархальные – то есть решающее слово за мужем, а не женой? Также она показалась мне умной женщиной – которая вряд ли променяет привычный комфорт на свое право орать перед толпой и кидать ей подачки. Она могла себе позволить роскошь иметь свои убеждения – пока кто-то оплачивал ее счета. Ну а сейчас их кредитором буду я – еще нужны пояснения?

– Ну а я чем могу быть тебе полезен?

– Гарри, я слышал не раз, что Аргентина – это весьма коррумпированная страна, как, впрочем, и все лежащие к югу от Рио-Гранде. И здесь случается, что успешный бизнес становится жертвой алчности обладателей министерских чинов или больших погон. Но мне хотелось бы верить, что мнение посла США кое-что значит даже для таких шакалов. Со своей же стороны – полагаю, пять процентов прибыли будет достойной платой за беспокойство?

– Если честно, мне бы больше нравилась счастливая семерка. Зато могу тогда гарантировать, что вас не посмеет тронуть даже сам el Presidente, вместе с Верховным Судом и министерством юстиции.

– Что ж, это справедливо, Гарри. Но ты понимаешь, что эта плата будет, лишь пока ты пребываешь на этом посту.

– Года до пятидесятого точно, если не накосячу по-крупному. Однако учти, что я могу прикрыть тебя лишь от больших акул. А провинция Кордова – это довольно дикое место, хотя и самый центр страны.

– Природа показалась мне похожей на север Италии. Горы, заросшие мелким, но густым лесом, и речки с водопадами. А у подножия – пампасы.

– Про подобные места у нас во Флориде говорят: закон – болото, шериф – аллигатор. Это к тому, что там водятся мелкие, но опасные хищники – и не только четвероногие. Народ там простой, у каждого на поясе мачете, и свои споры привыкли решать, не тратясь на адвокатов.

– Ну, Гарри, я ж сказал: у меня остались связи в очень специфических кругах. Думаю, на плантации хватит места для двух-трех десятков надежных парней, хорошо умеющих отличать дуло от приклада. Которые обойдутся очень дешево – ну ты понимаешь, о ком я...

– Беглые наци? Поприличнее не нашлось?

– Хорошие парни требуют хорошую плату – в зеленых бумажках, а то и в чеканной монете. А плохие примут немалой долей – саму сохранность своей шкуры. Впрочем, я не настолько беспринципен, чтобы нанимать убийц из Ваффен СС, это очень вредно влияет на репутацию. После великой войны хватает и прочих – итальянцев, испанцев, французов, сербов, поляков, – которым лучше не появляться дома до тех пор, пока не забудутся кое-какие их дела. Однако могу заверить – все они не настолько идиоты, чтобы доставить проблемы непослушным аргентинцам.

– Должен тебя предупредить. Если с сеньором Геварой что-то произойдет – большие проблемы будут у тебя. Я-то понимаю, бизнес, – а вот доны-соседи очень не поймут.

– Гарри, ты меня за дешевого гангстера считаешь? Тем более что дон Гевара казался мне вполне благоразумным человеком. Как и его старший сынок, которого отец мечтает вовлечь в дело. Хватит парню гонять на мотоцикле и лапать сеньорит, пора уже браться за ум. Тем более что дон Эрнесто сам попросил меня сделать из его наследника – настоящего мужчину. И если у меня найдется свободное время, я этим займусь.

– И если король вспомнит о суверенитете, у тебя в рукаве уже будет готовый претендент на престол – которого примут прочие доны?

– Ну, Гарри, если бы мы умели в бизнесе предсказывать конъюнктуру на годы вперед, то были бы уже богаче Дюпона. Так ты участвуешь?

– Желаете виски? Чтобы скрепить наш договор.

Снова Эрнесто Гевара-младший (будущий Че)

Он мечтал стать врачом – чтобы помочь матери, у которой вдруг обнаружили рак. Продумывал планы коммерческих авантюр – вроде торговли обувью или изобретения патентованного средства против тараканов. Но дон Бельмонте и тут оказался добрым ангелом семьи, оплатив дорогостоящее лечение, – и болезнь доньи Селии отступила. Дом и плантация формально больше не принадлежали семье Гевара – однако никто не выгонял их из дома и даже не рассчитывал слуг (по крайней мере, большую их часть), – а младшие дети, наверное, и не заметили разницы. Зато в жизни Эрнесто изменилось очень многое.

Дерево матэ растет только в дикой природе. Молодые растения пересаживаются в питомник, и там развиваются год, при тщательном уходе, поливе, укрытии от палящего солнца. Затем дерево пересаживают на то место на плантации, где ему надлежит быть – и еще год ухода, пока не укоренится. Дальше стрижка, чтобы дерево было густым и не слишком высоким. И только с уже зрелого дерева можно собирать первый урожай – не чаще, чем раз в два-три года, исключительно зимой, с мая по сентябрь, – тогда дерево успевает восстановиться и почва не истощается. И расстояние между деревьями должно быть не ближе трех метров, чтобы не мешали друг другу.

Ясно, отчего дон Педро выбрал уже существующую плантацию, а не стал заводить дело с нуля – слишком долгим был бы тогда срок до самого первого сбора чая. Именно терпения, тщательности и знаний не хватило дону Эрнесто – дон Педро тоже не знал об особенностях выращивания матэ, но старался узнать не только из чтения книг по агрономии, но и из бесед с теми, кто растил матэ – не только плантаторами, но и просто крестьянами. Осмотрев купленную плантацию, он составил план, что надлежит изменить, – и работа закипела.

Собирают листья матэ только руками. Одно дерево может дать до 25 килограмм листьев. Затем листья перебирают (тоже ручной труд) и выкладывают на солнце, чтобы чай не горчил. А основной процесс сушки должен начаться не позднее суток с момента сбора. Первым шагом листья надо поддержать 5–10 минут над сильным огнем. А затем есть несколько способов сушки: на движущейся над огнем решетчатой ленте или в особом сооружении из нескольких этажей-настилов – и обязательно на огне из сосновых или лиственных дров. Тут много тонкостей, как поддерживать огонь, как перемещать материал для сушки, процесс очень долгий и трудоемкий, но обеспечивается высокое качество. На фабриках это делается быстрее, в огромных вращающихся барабанах, стоящих последовательно (листья из одного в другой по конвейеру перемещают), вся сушка занимает час, – но лист становится хрупким и ломким, легко рассыпается в пыль. После сушки лист подвергается измельчению в особых жерновах, но это совсем другое, на выходе должны получиться мелкие пластинки, кусочки листьев, а не порошок! И до этой процедуры еще не измельченный лист подвергается выдержке – в мешках, в больших помещениях с естественной системой вентиляции. Длительностью (для чая высокого качества) от девяти месяцев до трех лет – причем через каждые три-пять месяцев мешки должны переворачиваться! При промышленной технологии (с искусственной продувкой горячим воздухом) срок сокращается до двух дней. Затем, как уже было сказано, измельчение, и фасовка – последнее, для высшей категории, тоже вручную.

– Сейчас это твой университет, – сказал дон Педро, – и Карл Маркс, что стоит у тебя в шкафу, абсолютно прав, говоря: новая стоимость возникает лишь в процессе производства. А все прочее при этом лишь распределение уже произведенного, а также услуга и охрана. Отсюда вывод – знать, как изготавливается какой-то продукт, пользующийся спросом, будет намного полезнее, чем тратить годы на удовольствия. Любые деньги имеют свойство заканчиваться, а благосклонность сильных мира сего тоже весьма переменчива. Но если ты у тебя есть дело, умение и опыт – то ты всегда удержишься в седле.

Всего через пару месяцев на плантацию привезли новые машины – для чая низших сортов, зато стоящего дешевле и производимого в большем количестве. При том что выпуск элитного чая не был свернут. Также появились новые люди – святой отец, падре Диас, и еще сеньор дель Рио (к которому дон Педро иногда обращался «господин майор»), и еще с полсотни угрюмых типов, похожих на переодетых солдат и говорящих между собой не по-испански.

– В большинстве славяне: сербы, хорваты, чехи, поляки, украинцы, – сказал дон Педро в ответ на вопрос Эрнесто. – Здесь помогут с техникой, ну и конечно, в охране. Ну а падре присутствует не только ради заботы о наших душах, но и как представитель нашего кредитора. Церковь, мой мальчик, это не молельный дом, а старейшая и успешнейшая корпорация – раз существует уже скоро как две тысячи лет, задолго до Ротшильдов и Рокфеллеров, пережив всяких там ломбардских ростовщиков и флорентийских банкиров. И, как любая организация, какие бы цели она ни заявляла, – не может существовать без денег. А деньги любят оборот и прибыль.

Падре Диас был вездесущ и шумлив – в первый же день, собрав всех работников, произнес речь, смысл которой сводился: мы все как одна семья, дон Эрнесто нам как отец, строгий, но любящий и справедливый, – и все мы должны помнить, что если его бизнес не будет успешен, то и мы станем бедны. А в следующие дни он носился по плантации, всюду совал нос, выспрашивал доверительным тоном – и об особенностях производства чая, и что нового у прихожан. Дон Педро тоже часто ходил по плантации, заглядывал в цеха, но больше слушал и смотрел, говорил же мало и лишь по делу. Ну а дон Эрнесто-старший продолжал играть роль хозяина фирмы, но исключительно для соседей, внутри плантации он ничего не решал. Что до Эрнесто-младшего, то он следующий год провел в имении, хотя раньше думал сразу после колледжа поступать в университет в Буэнос-Айресе. Но дон Педро сказал:

– Может быть, ты никогда не станешь владельцем плантации. Но в жизни тебе всегда пригодится умение управлять людьми. Чтобы быть вожаком, за которым идут, надо разбираться, кому можно доверять, от кого сколько требовать и что кому-то поручать нельзя, потому что не справится. И в плане получения такого опыта чайная плантация, учитывая особенности организации труда на ней, – это самый лучший твой университет.

Рабочий день был сокращен до девяти часов (вместо прежних десяти). Но никому больше не позволялось сидеть без дела, каждый должен быть чем-то занят – пойманных лентяев без жалости штрафовали, а уличенных в небрежении тотчас же выбрасывали за ворота. Дон Педро при этом не давал поблажки и себе (а также Эрнесто), иногда даже обедая не в господском доме, а за одним столом с рабочими, такой же простой пищей из простой посуды. А по вечерам дон Педро еще и учил Эрнесто разным полезным вещам. Например, стрелять из пистолета, и прицельно, и по-ковбойски, «с бедра». Или хитрым приемам боя без оружия. Или же они играли в шахматы – дон Педро оказался сильным игроком. Или просто беседовали, на самые разные темы.

– Эксплуатация? Верно написано у Маркса, что рабочая сила – это товар, который присваивает капиталист, – поскольку имеет такую возможность. Но, как на любом рынке, другая сторона также желает отдать меньше, получить больше. Честно ли поступали те, кто получал плату от твоего отца – за свою плохую работу?

– Отец просто был добр, – не соглашался Эрнесто, – у других плантаторов рабочие за ту же или даже меньшую плату работают не десять, а двенадцать, даже четырнадцать часов. И за провинность их бьют плетью, как во времена рабства сто лет назад. А сколько бы стоил труд наших пеонов, если по-честному, без вычета прибавочной стоимости?

– Без вычета? – заметил дон Педро. – А на общие нужды? Машины, еще два цеха и склад, что построили, удобрения, электричество – это вложения в основной капитал, но ведь и рабочим выгодно: больше продаж, больше прибыль, больше и трудящимся перепадет. Дорогу вымостили, по которой все ходят и ездят. Отец Диас лазарет открыл, уже кого-то бесплатно

лечили, и даже жалование выплачивали за эти дни, хоть и в половинном размере. Со следующего года для детей и школа будет, хотя бы начальная. Ты учти, что Маркс – это прежде всего экономист, с его «Капиталом», который во вполне себе капиталистических университетах изучают господа эксплуататоры. Хотя у Маркса есть хорошая политика – ты «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» читал? А вообще, политические аспекты гораздо лучше у Ленина – но его желательно прочесть на русском. Поскольку в переводе иные вещи не так понятны – в русском языке многие слова разные смысловые оттенки имеют, которые ты и не поймешь.

Эрнесто лишь пожал плечами. Ему не доводилось общаться с русскими – хотя провинция Кордова лежала не так далеко от парагвайской границы, где уже полтора десятка лет, с «войны Чако», была многочисленная и влиятельная русская община, члены которой бывали и в Аргентине. Но те русские, как слышал Эрнесто, были беглыми роялистами и смотрели на «левых» (репутацию которых имела семья Гевара) совершенно не дружески, а потому их не было в круге друзей семьи.

– Я могу тебя научить, если хочешь, – сказал дон Педро, – и лишним тебе не будет. Неизвестно, куда тебя еще забросит судьба – а русские сейчас одни из двух мировых игроков. Да и русская литература очень познавательна.

– Откуда вы знаете их язык, дон Педро? Вам приходилось говорить с русскими? Вы были в России?

– Мой мальчик, я знаю два десятка языков – так уже меня гоняло по миру. Да, я общался с русскими, и даже советскими – в Испании, когда там шла война, и в Италии, в войну последнюю. А на последний вопрос – прости, не отвечу.

Русский язык был труден – в отличие от английского, имеющего с испанским много общего. Совершенно другой алфавит, лишь отдаленно схожий с латиницей. И как сами русские различают целых шесть падежей? И как они обходятся без артиклей? Лексика также совершенно чуждая – если в испанском, французском, итальянском много слов с латинскими корнями, в английском и немецком они тоже есть, то в русском они редки и, как правило, заимствованы из вышеперечисленных языков. И свободный порядок слов в предложении – впрочем, как и в разговорном испанском. Ну и каждое слово может иметь различный смысл, зависящий от контекста – который лишь русский поймет. Но очень хотелось прочесть в подлиннике Ленина – который, как слышал Эрнесто, был столь велик, как Маркс!

Соседи сначала приняли нововведения настороженно. Что с плантации Гевара с позором выгнали прежнего управляющего, уличенного в халатности и воровстве, – так покажите, кто бы на таком посту и не приворовывал, это ангелом во плоти надо быть! А дон Педро, вероятно, не самых благородных кровей, раз не гнушается черной работой – фактически сам хозяйством управляет. И зачем ему резкое увеличение объема продукта – уж не собирается ли этот чужак подвинуть нас, давних участников чайного рынка, полюбовно договорившихся о доле каждого? Сразу войну объявлять никто не стал – но в имение зачастили гости (и соседи-плантаторы, и представители местной власти). Однако дон Педро всех успокоил:

– Господа, мы вам не конкуренты. В мои планы входит поставка чая в Европу – на рынок, для вас неинтересный. Что до моей манеры ведения дел, то мне случалось заниматься бизнесом в Соединенных Штатах – где все происходит гораздо быстрее и жестче, чем в вашем благословенном краю. Может быть, гринго не слишком достойные люди – но на мой взгляд, вовсе не зазорно учиться их умению зарабатывать деньги.

Первые партии чая ушли в Буэнос-Айрес и дальше на пароходах в Испанию уже в феврале сорок шестого. Причем высший сорт, отобранный из прежнего задела – «чтоб нас там узнали», – но по цене, лишь немного большей, чем у товара «для семьи на каждый день». Прибыль была достигнута ужесточением эксплуатации рабочих: за малейшую оплошность и даже просто за неусердие полагались штрафы. Неумелых – беспощадно выгоняли за ворота. Реше-

ние принимал лично дон Педро – и в один из дней кто-то из только что уволенных крикнул ему в лицо:

– Паразиты, кровососы! Видел бы наш прежний добрый хозяин, что вы тут творите! Лжете, что «мы одна семья» – а нас гоните с голода помирать. Эксплуататоры, буржуи... – и дальше последовало грязное ругательное слово.

К крику тут же подбежали охранники, схватили, подтащили к дону Педро. Тот взглянул свысока и спросил лениво:

– И где ж ты такие слова услышал? Ты коммунист?

– Такой же, как наша добрая хозяйка, донья Селия, – был ответ, – она нам книжки давала. И разговоры вела.

– Это Бенито Агуэро, – вмешался Эрнесто, – я с ним играл в детстве, после мама приглашала всех за общий стол, меня, его и других детей бедняков. Дон Педро, я прошу вас не наказывать его слишком сурово.

– Что ж ты мне сразу не сказал, сынок? – дон Педро сразу сменил тон. – Друзья с детства – это святое.

Бенито Агуэро

Лишь тот, кто богат, может делать что хочет и верить в то, во что хочет.

Когда-то мы бегали и играли вместе – молодой дон Эрнесто и мы, десяток мальчишек из нашей деревни. Нас кормили в хозяйском доме, всех за одним столом, как маленьких донов. И сама хозяйка, донья Селия, говорила с нами по-доброму, давала книжки с картинками, позволяла слушать радио и граммофон. А когда Хорхе упал с дерева и вывихнул ногу, то донья Селия сначала сама его перевязала и смазала йодом, а затем на своей красивой машине отвезла в больницу и оплатила лечение. Но когда я (не помню уже из-за чего) подрался с молодым доном – то вечером мой отец больно бил меня ремнем, а мать причитала:

– Да что же ты наделал, дурачок! Теперь тебя не будут кормить по-господски, каждый день! А у нас так мало денег, и мы еще должны лавочнику, сеньору Луису! Завтра ты хоть на коленях будешь прощение просить у молодого дона – но только чтобы он тебя не прогнал!

Я так и сделал тогда, проглотив гордость. И молодой дон Эрнесто не стал на меня обижаться. Кажется, он не видел той черты между нами – которую до того дня не видел и я. Но он богатый дон – а я никто. Он будет учиться в университете, станет хозяином плантации – а я буду как отец, с натруженными руками и согнутой спиной, до самой смерти. И ничего с этим нельзя сделать – такова жизнь.

После – мы как-то разошлись. Молодой дон поехал учиться в колледж – ну а мы, у нас уже в тринадцать приходится работать, чтобы помочь родителям прокормить наших младших братьев и сестричек. Иногда мы встречались на улице, я приветствовал молодого дона, он мне дружески кивал и проходил мимо. У него были свои занятия, приличные донам. Ну а я уже работал на плантации вместе с отцом.

При старом доне Эрнесто было легче. Никто не следил за нашей работой и уж тем более не наказывал, если ты присядешь ненадолго передохнуть. И десять часов пролетали незаметно – можно было даже домой сбегать, тут неподалеку, на обед и сиесту. Все поменялось, когда пришел Черный Дон. А с ним толпа его приспешников – иные из них даже говорили не по-нашему. Ходили все с оружием, с дубинками, даже с собаками на поводках. Рабочий день сократили на один час – зато теперь нельзя было стоять без дела буквально ни минуты. Обедать позволялось лишь в указанное время. Плату повысили – но ввели штрафы, если сделаешь что-то не так. А я, такой у меня характер, плохо делаю скучную, однообразную работу, изо дня в день. Я старался, не желая терять заработок, – ведь в нашей деревне почти нет иной работы, кроме как на плантации дона Гевара, и земля наши слишком скудная, чтобы одним семейством

прокормиться с собственного надела, да и мало у нас было хозяев, большинство арендаторы у того же дона Гевара. И если меня выгонят, то, скорее всего, дон заберет и надел – нам останется лишь идти в город, бездомными бродягами, в надежде найти там какую-то работу. Но меня все равно выгнали – и я не сдержался. Нет, я не коммунист – слышал еще от нашего прежнего падре, отца Фульхенсио, что они даже Бога не признают. Но также я слышал от доброй донны Селии, что еще сто лет назад мудрый человек Карл Маркс открыл, что богатые всегда лгут бедным, заставляя их работать больше, чем следовало бы, за те деньги, что они нам платят. И что в какой-то далекой стране даже случилось, что бедные прогнали всех богатых и сами стали себе хозяевами. Больше я не знаю ничего – я ведь не учился в университете, как доны, я лишь едва умею читать и писать.

Меня выгнали – и жить больше не на что. Отец уже стар, ему больше сорока – он не работник. Мать – тем более, на фабриках в городе нужны молодые, и даже домашней прислугой охотнее возьмут городскую, а не кого-то из деревни. Мой младший брат Мигель умер четыре года назад от простуды. А сестрички Эва и Исабель слишком малы.

Утром за мной пришли слуги Черного Дона. И мать благословила меня – иди, Бенито, может, хозяин и простит твою дерзость! Оказалось, что доны собрались на охоту и я нужен, чтобы чем-то подсобить. Что давало надежду – меня не прогонят и, возможно, даже заплатят что-то.

Мы ехали долго – точно не скажу, у меня никогда не было часов. Машины остановились на большой поляне – два джипа и грузовик, там было, кроме Черного Дона и молодого дона Эрнесто, еще двадцать их слуг, все с ружьями. И еще десяток больших и злых собак.

– Охота начинается, – сказал Черный Дон, оценивающе глядя на меня. – У человека, в отличие от зверей, есть ум и сила воли. Легко воевать дерзкими словами – трудно за эти слова ответить, доказать, сколько ты стоишь. Сейчас мы начнем – и дичью будешь ты. По честным правилам – если сумеешь добежать до финиша, значит, ты выиграл.

Мне стало страшно. В прошлом веке плантаторы иногда так развлекались, устраивая охоту на беглых рабов, а если таких не было – то даже на собственных пеонов. Однако про то уже не было слышно сто лет – или же сельва умеет молчать?

– Все просто: вот лес, слева дорога, ее пересекать нельзя, ну а если попробуешь, земля тебе пухом. А справа река, не широкая, но холодная и быстрая, с камнями, не переплывешь. Так что – беги вперед, там я буду тебя ждать. Мы дадим тебе десять минут форы.

Я бежал – а позади слышался лай собак. Я привык к труду, но не к спорту, как доны, – прежде мне не приходилось так быстро и долго бегать, особенно когда о куске мяса на обед мечтаешь лишь по воскресеньям. Я бежал, пока были силы, затем упал. Хотел передохнуть немного – но вдруг увидел рядом сразу двух слуг Черного Дона. Они догнали меня – но вместо выстрела я услышал:

– Вставай и беги – осталось немного. Никогда не сдавайся – тогда ты дон. Иначе – мясо. Пошел!

Я вскочил и побежал. За лесом был уже виден просвет – еще одна поляна. Там стояли машины, я узнал даже фигуру Черного Дона. Лес стал реже, и оказалось, что не двое, а целый десяток слуг Черного бегут сзади, слева, справа от меня, даже кто-то впереди, им ничего не стоило бы поймать или убить меня, если бы хотели. Так мы и добежали, толпой – причем если я задыхался, то мои преследователи выглядели свежими, хотя у каждого было ружье и рюкзак.

– В штаны не напустил, герой? – спросил Черный Дон. – Садись, поговорим.

Уже был готов раскладной стол с походным обедом. И меня пригласили за него, сесть рядом с самим Черным Доном и молодым доном Эрнесто.

– Хочу сделать тебе предложение, поскольку за тебя просил твой друг. Ему нужны товарищи для таких же игр, как когда-то – только всерьез. Не расходным материалом – хотя предупреждаю, что в процессе тренировки возможно всякое, но исключительно по вашей дури

и неумению. Платить буду больше, чем на плантации, – и еще пенсион твоей семье. Откажешься – получишь сейчас пятьдесят песо за беспокойство, и свободен. Что выберешь?

Конечно, я согласился – особенно если речь шла о благе не только моем, но всей семьи. Когда отказ значил – завтра всем идти в город и голодать под чужим забором. Ну а дон Эрнесто... что ж, может, в какой-то другой далекой стране и по-иному, но у нас благородный дон никогда не будет равен простолюдину. Хотя Аргентина не монархия – но я не слышал ни одного случая, чтобы кто-то из простой семьи поднялся выше, чем деревенский лавочник сеньор Луис, к некоторому достатку, но все равно до истинных донов далеко. Правда, говорили, что если записаться в армию, то через двадцать лет беспорочной службы можно сделать карьеру – не раньше, ведь и тут сыновья донов имеют огромное преимущество в получении офицерских чинов. Я не знаю, так ли это – я ведь никогда не выезжал из нашей провинции и лишь слышал что-то от умных людей. Но очень хотелось это узнать – и увидеть, как живут люди вдали от нашей деревни.

– Отлично! – сказал Черный Дон. – Тогда остается набрать команду, я думаю, человек десять будет достаточно. Сеньор Эрнесто, вспомните имена остальных участников ваших детских игр – а впрочем, подойдут и прочие, с живым умом и тягой к приключениям.

Первым нашим занятием было – когда на заднем дворе усадьбы против нас десяти вышли четверо людей Черного Дона. Мы привычны к труду, но и потасовки в трактире по воскресеньям после хорошей выпивки были нам хорошо знакомы – однако через пару минут никого из нас не осталось на ногах, а ведь «майор» дель Рио приказал своим людям бить вполсилы, чтобы никого не убить и не покалечить. А когда мы, охая, снова встали в строй, сеньор майор сказал:

– Это еще не искусство войны, ну за очень редкими случаями. Но весьма помогает после – двигаться, как надо. А главное – быстро оценивать обстановку и не стоять столбом. Ну и конечно, воспитание воли к победе.

Теперь мы днем вместо работы (и за большую плату – Черный Дон сдержал слово) занимались физическими упражнениями, отработкой приемов боя без оружия, с ножом, с палкой, даже с «русской полицейской дубинкой» (две палки, скрепленные веревкой или цепью). Нас учили передвигаться как на поле боя – перебежка, залечь, откатиться в сторону (чтобы враг, видевший, где ты залег, не мог взять тебя на прицел, когда ты поднимешься), встать и снова бегом – причем уже высматривая, где залечь в следующий раз и контролируя обстановку, вдруг враг появится близко. Наконец, нас учили обращаться с винтовкой (американский «Гаранд» или немецкий «Маузер-98») или с пистолетом – вопреки нашим ожиданиям, начиная вовсе не со стрельбы в тире, а с игры «быстро укажи стволом на вот этот предмет», а после и вовсе «укажи на вот эту летящую птицу».

– В бою у вас не будет ни времени, ни возможности тщательно брать врага на мушку! Тем более в лесу, где обычная дистанция обнаружения противника меньше сотни шагов – а при внезапном нападении совсем накоротке!

Отец поначалу отнесся к моему занятию с тревогой: «Сынок, из тебя вырастят хозяйского пса, который будет таких, как я, дубинкой бить или даже стрелять». Но был рад, что доход нашей семьи заметно вырос. А еще мы гордились, что сам молодой дон Эрнесто нередко занимается с нами вместе, без всякой поправки. Хотя мы все же опасались работать с сыном хозяина в полную силу. И, наверное, ему было даже труднее, чем нам, – ведь у донов были и другие занятия, так что мы тренировались больше, чем он. Уже через пару месяцев мы стали свысока посматривать на деревенских, ведь мы умели то, что не могли они – как Рамон, ухаживая за сеньоритой Исабель (не моей сестренкой, она еще мала – а дочерью самого сеньора Луиса), подрался сразу с двоими и вышел победителем. Но от нас не требовали ходить в охране – мы лишь учились «настоящему мужскому занятию» вместе с молодым доном Эрнесто, слушая рычание сеньора майора:

– Перебежка, залегли, отползли, снова бегом. И не по одной линии – а чуть влево, чуть вправо. Перебегая, уже высматривайте, где залечь! Ну вот, уже что-то получается!

В следующем году молодой дон Эрнесто поступил в университет – но часто приезжал на каникулы, на выходные – у богатых донов гораздо легче со свободным временем. И наши занятия стали другими – сеньор дель Рио сказал:

– Вы прошли первый курс, салаги: как вести себя в бою. Теперь будет курс второй: как навязать противнику условия, время и место боя – или избежать боя, если он не нужен. Сеньор Эрнесто, это вас прежде всего касается, как командира. Учись работать с картой тактической обстановки – даже если она не на бумаге, а у тебя в голове.

Теперь мы играли в лесу, «команда на команду», обычно против людей из охраны, но случалось, что кто-то из них присоединялся к нам «для уравнивания сил». Целью было незаметно пройти по заданному маршруту, или к указанному месту, или даже просто побыть в нужном квадрате и не оказаться обнаруженными – в последнем случае обычно задавалось на привале развести костер, обеспечив приготовление горячей пищи, – для этого огонь надо было разжигать в яме, окруженной со всех сторон зарослями, а при уходе эту яму закрыть дерном, до того аккуратно снятым с этого же места. Почти как на войне – только, конечно, никто не стрелял. По условиям игры, если нас обнаружили «с превосходством», то есть нас видят, а мы еще нет, и у противника больше людей – то мы проиграли. Люди Черного Дона были намного опытнее нас и часто побеждали. Но и мы научились не быть для них легкой добычей!

Было еще славное дело в сорок девятом. Когда в лесу появилась банда – и Альваро Фернандеса из нашей деревни, ехавшего в город на рынок, не только ограбили, но и избили так, что он через неделю умер. Черный Дон велел найти негодяев, чтобы никто не смел поднять руку на наших людей. Конечно, главную работу тогда сделали люди дель Рио – выследили логово банды, подкрались, сняли караульного, – но и мы тоже участвовали в том бою! Я даже был очевидцем, как сам Черный Дон допрашивал троих уцелевших бандитов, кого взяли живыми. Это были беглецы с плантации дона Кордеро – если наш Черный Дон строг, но справедлив, то дон Кордеро воистину зверь, обращавшийся со своими работниками как с чернокожими рабами в прошлом веке. Но чем виноват Альваро, у которого остались жена Паула и четверо детей?

Наверное, наш хозяин (и молодой дон) думали так же. Разбойников погрузили в машину и отправили в город, «чтобы сдать в префектуру полиции». Однако после нам сказали, что они по дороге пытались бежать (хотя я сам видел, как их грузили со связанными за спиной руками) и скрылись в лесу, несмотря на выстрелы охраны. И судя по тому, что эти охранники не подверглись никакому наказанию, а Черный Дон и дель Рио совершенно не выглядели недовольными... выводы делайте сами, а я предпочитаю не болтать. Зато я помню, как смотрели на нас, и на меня в том числе, жители нашей деревни (включая сеньорит!), когда мы, вернувшись, шли по улице при оружии и во всем боевом снаряжении! Может, мы и хозяйские псы – но любого чужого за вас порвем!

И, конечно, была и охота – на обычную четвероногую дичь. Мы ведь считались в поместье кем-то вроде егерей. И должны были так отвечать на вопросы соседей. Ну а что молодой дон иногда заставляет нас играть в солдатиков, так мало ли какие причуды у хозяев?

Ретроспектива

Газета «Известия», 13 апреля 1948-го (напечатано на третьей странице)

С 1 апреля посетители ресторанов и кафе в Москве могут заказать латиноамериканский чай матэ – прежде неизвестный в нашей стране напиток.

Чай матэ содержит много полезных веществ – таких как марганец, калий, – а также витаминов. Стабилизирует давление, улучшает работу сердца, мозга, органов пищеварения, укрепляет иммунитет, снимает усталость, снижает тягу к спиртному и никотину.

Имеются некоторые противопоказания – так, например, чай матэ нежелателен для беременных и кормящих матерей, а также при высокой температуре, повышенном давлении, язве желудка, сахарном диабете, болезни почек. Также нежелательно пить его в чрезмерных количествах – например, по несколько литров в день. Но, как известно, это требование умеренности во избежание вреда относится к большинству продуктов и напитков. И сами аргентинцы пьют чай матэ без всяких ограничений – но это можно отнести на счет многолетней и даже наследственной привычки. Для европейцев же установлено, что употребление чая матэ до трех раз в неделю приносит для здоровья лишь пользу (при отсутствии выше перечисленных противопоказаний).

Чай матэ имеет гораздо меньшее побочное отрицательное воздействие на здоровье, чем кофе. Так как активное вещество чая матэ, матэин, по действию схоже с кофеином, но в отличие от него не вызывает привыкания, бессонницы, сердцебиения.

Заваривание чая матэ имеет свою особенность. Его лучше заваривать не в чайнике, а в «калебасе», особом сосуде сферической формы, и пить через трубочку, со дна сосуда – этот способ позволяет в наибольшей степени насладиться вкусом напитка и не потерять его полезные вещества. Сначала сосуд заполняют на две трети сухим чаем, затем слегка смачивают теплой кипяченой водой, встряхивают, и оставляют разбухать на три минуты, после чего вставляют в сосуд трубочку, доливают горячей водой (нагретой до 80 градусов, не выше) и настаивают 1–2 минуты. Именно по такому рецепту готовится чай матэ высшего сорта, в кафе при Доме русско-итальянской моды, а также в московских ресторанах.

Возможно и заваривание чая матэ так же, как и обычного чая. Хотя и тут рекомендуется сначала, засыпав сухой чай (5 ст. ложек на литр воды) в чайник, смочить его прохладной кипяченой водой, а затем залить слегка остывшим кипятком. Однако считается, что если при классическом способе наш организм усваивает до 75 процентов полезных веществ, содержащихся в чае, то в этом случае лишь до 35 процентов и при потере вкуса.

Чай можно пить как горячим, так и охлажденным. Причем в последнем случае в чай могут быть добавлены фруктовый или ягодный сок, ваниль, мята, лимон, мед, сахар – по вашему желанию. Все это также доступно посетителям уже названных тут ресторанов и кафе.

Ретроспектива

Ватикан, декабрь 1950-го

– Что ж, парагвайский чай стал приносить хорошую прибыль. Но мы помним, кто был инициатором этого дела. Так и не удалось выяснить – что стоит за желанием нашего великого восточного друга? Неужели всего лишь вкус экзотического чая?

– Вполне возможно, ваше преосвященство. Советский вождь услышал от кого-то про чай матэ и решил попробовать. Ну а русский размах известен.

– Но все-таки... То, что лежит на поверхности, – не всегда истина.

– А в глубине не видно ничего. Известное вам лицо уделяет основное внимание, причем с рвением, – исключительно прибыльности предприятия. Не замечено никаких попыток проникнуть в высшие политические и деловые круги той страны, завязать полезные связи, собирать информацию – закопался в провинциальной глуши и занят хозяйством. Единственно, что оказался другом самого посла США, которому платит за прикрытие бизнеса со стороны местных властей. Но, ваше преосвященство, поверьте моему опыту – агенты влияния так себя не ведут, не говоря уже о банальных шпионах. Даже если его миссия должна развернуться в будущем – надо же сегодня почву подготовить? Ну а чай тут вообще был бы не более чем побочным явлением.

– Мне слабо верится в русского агента, решившего удалиться на покой, в чужую страну, и стать мирным плантатором. Как и в то, что ему поручили всего лишь обеспечить СССР таким жизненно важным товаром, как парагвайский чай.

– Возможно, именно в этом чае есть секрет? Известный русским, но никому более. Я имею в виду некие эксперименты, ставшие известными по «делу Чуковской». Что, если советские ученые и правда влезли в сферы, доступные лишь господе – и чай матэ нужен им как один из реактивов?

– Как одна из гипотез – подойдет. Но рассмотрим и иные версии. Отчего выбрали именно семью Гевара и их плантацию, нет ли там зацепок?

– Там нет ничего подозрительного. Сеньора Гевара еще задолго до того была известна как личность весьма левых взглядов, причем не только в Аргентине. Имела множество знакомых с соответствующим мировоззрением и связями и в то же время принадлежала к одной из старейших плантаторских семей – так что неудивительно, что эмиссар из Москвы первым делом приехал к ней, получить информацию и осмотреться. И обнаружил, что сеньор Гевара совершенно не блистает в бизнесе, так что его плантация готова упасть в чужие руки, как спелый плод. В то же время и возможность оставить на месте, для видимости, прежних владельцев также оказывается полезной.

– Что вы можете сказать про сеньора Гевару?

– Совершенно никчемная личность. В молодости был красавчиком, плейбоем – а сейчас довольно потасканный сеньор, склонный к алкоголизму и случайным связям. На фоне своей жены выглядит бледно. Перспектив в будущем для него не вижу. Если фирма все-таки разорится или Сталин решит свернуть лавочку, то сеньора Гевару выкинут ко всем чертям – и всем будет плевать, как скоро он помрет в подворотне.

– А его супруга?

– Умна, решительна, образованна. Но в бизнесе немногим лучше мужа. Была на грани разорения, когда появился «дон Педро». Аристократка, но не бизнесмен, этим все сказано. Считает свое дело не более чем основой для своего образа жизни. Спорт, приемы с балами и «левые» разговоры. Ну и воспитание сына, конечно. В целом же схожа с госпожой Перон, только равного ей мужа рядом нет.

– Что нет сейчас, не значит, что не появится в будущем.

– Ну, если бы Сталин всерьез нацеливался на влияние и власть в чужой стране, то вкладывался бы в самого героя, а не в его возможную музу-вдохновительницу?

– Предположим – хотя все очень зыбко. Остается открытым вопрос – если не чай, то что? Да, что вы можете сказать про молодого Гевару?

– Пока лишь слабая копия своей мамы. Дон Педро натаскивает его как резервную фигуру – на случай, если Гевара-старший взбрыкнет. Что вовсе не в его интересах – но алкоголь вкупе с «честью потомка конкистадоров» может толкнуть на самый непредсказуемый поступок.

– Ну, отцеубийство – это страшный грех. Равно как и согласие с таковым деянием, непротивление ему.

– Во-первых, ваше преосвященство, дон Гевара может умереть вполне естественно, например от плохого алкоголя, у дон Педро богатая фантазия и опыт. А во-вторых, что интересно, у сеньоры Гевара, равно как и у ее сына, несколько иное мнение на распределение ролей в семье. Вы отпустите мне грех нарушения тайны исповеди, ваше преосвященство, прежде чем я продолжу свой рассказ?

Ретроспектива

Аргентина, Плантация Матавердес, 1 ноября 1950-го

- Донья Селия, я бы просил вас на будущее не подходить ко мне так беззвучно и со спины.
- Вы настолько опасаетесь за свою жизнь даже здесь, сеньор Бельмонте?

– Донья, мне приходилось жить в очень опасных местах. Таких, что если там к вам сзади подходили так, как вы сейчас ко мне, – то надо стрелять не задумываясь, если хотите остаться в живых.

– И из того, что вы сейчас разговариваете со мной, можно сделать вывод, что вы стреляли и убивали. Наш сосед, благородный дон Кордеро, сказал, что у вас глаза убийцы – и удивился, как я могу вообще оставаться в одном доме с «этим матерым головорезом – наверное, для него убить ближнего столь же легко, как закурить сигару». Однако я не чувствую от вас ни малейшей угрозы, ни для себя, ни для своих детей, напротив, мне кажется, что самое безопасное место в мире – за вашей спиной. А мой мальчик Эрнесто всерьез утверждает, что Индиану Джонса в знаменитом русском кино придумали на основе ваших приключений. И знаете, я ему верю.

– Эрнесто очень способный ученик. Хватает мои уроки буквально на лету. Надеюсь, ему это пригодится в жизни.

– Сеньор Бельмонте, вы, наверное, уже заметили, что Аргентина не Европа. В том смысле, что если там женщине положено молчать и ждать, пока благородный рыцарь сам обратит на нее внимание, у нас даме не считается зазорным проявить инициативу. Вы, конечно, знаете, как я выходила замуж – и общество здесь немного поворчалось, но приняло как должное. А будь я британской леди – то погубила бы свою репутацию навек. Я смотрела, как вы беседуете, играете с Эрнесто и Роберто – учите их всему, со старанием и любовью.

– Они уже не мальчики, донья. И если находят мое общество интересным и полезным...

– А вы разве не видите, что они более чем прохладно относятся к обществу родного отца? Впрочем, они и прежде не называли его «папа», я такого не вспомню, ну разве что очень давно. И для меня они всегда будут «мои мальчики», даже когда доживут до седых волос. Но это будет еще нескоро, а пока... Сеньор Бельмонте, вы считаете, что я уже слишком стара? Мне всего сорок два года – и все говорят, что я выгляжу моложе. А вы, сеньор, если сбросите эту бороду... Мне кажется, она вас сильно старит!

– Донья, вы совершенно не знаете, кто я.

– Моего мужа, прежде чем мы пошли под венец, я знала меньшее время, чем вас. И тогда я была наивной дурочкой, даже не достигшей совершеннолетия, – а сейчас у меня есть кое-какой жизненный опыт. И я не вижу рядом никого, кто стал бы лучшим отцом для моих детей. Вы, несомненно, аристократ, дон Педро Бельмонте, – хотя я не знаю, настоящее ли это имя, однако ваши манеры, а еще больше ваше умение управлять людьми и ситуацией показывают истинно благородного человека. Вероятно, вы не испанец – ваш язык безупречен, но слишком правилен, я, конечно, не профессор фонетики, но отличу по произношению кастильца от андалузца, а тем более уроженца Нового Света. Но не буду настаивать – по-испански говорят сотни миллионов людей в десятках стран, от Филиппин до Сахары, и возможно, я с каким-то диалектом не знакома. Вы воевали и убивали – но разве может кабальеро остаться в стороне от всемирной битвы света с тьмой, какой была последняя Великая война? У вас есть враги, жаждущие вашей крови, раз вы даже здесь не расстаетесь с оружием, привезли с собой целый отряд головорезов и тут тоже пытаетесь обучить военному делу товарищей моего Эрнесто – что ж, у человека чести не могут быть одни лишь друзья. Наконец, у вас нет жены, по вашему же признанию, и, уж простите, вы не импотент и не содомит – полагаете, я не знаю про Глорию и Хуану? Что ж, для кабальеро, не принимавшего обет монашества, связь со служанками вполне допустима. Так что вы скажете?

– Ваш муж, донья Селия. И я напому вам, что в этой стране нет разводов.

– Вам сказать, сколько лет – не дней, не недель, даже не месяцев! – мы не уединялись в спальне? Когда-то я его очень любила, даже была без ума. Но это давно прошло. Сейчас мы чужие люди, связанные лишь записью на бумаге. Даже живем не вместе – он предпочи-

тает Буэнос-Айрес, где у него роскошная квартира и наверняка громадная кровать, успевшая познать десятки любовниц. А я даже не ревную – он мне абсолютно безразличен. И я совершенно не верю, что он решится вызвать вас на дуэль, – и еще меньше верю, что вы этого боитесь. Да, у нас нет разводов – но знаете, как издавна решали эту проблему истинные кабальеры, ведь ситуации, подобные нашей, возникали много раз? Сталью или свинцом – и как Господь рассудит. Но мой муж не решится – даже если вы прилюдно плюнете ему в лицо.

– Я не о том, донья Селия. Если в Аргентине не существует разводов, то как вы представляете свой брак с кем-то еще? Тем более я не желаю убивать сеньора Эрнесто – как бы к такому отнеслись ваши дети?

– Сначала ответьте мне на один вопрос, сеньор Бельмонте. Я не спрошу вас, из какой вы страны и какое ваше настоящее имя. Но есть ли где-то женщина, которая сейчас вас ждет? Ответьте честно.

– Никого нет. Кроме огромных скелетов в шкафу. Так что, донья, вы даже представить не можете, с кем и чем связались.

– А мне плевать, дон Педро Бельмонте! Я ведь предлагаю вам пока что де-факто, раз де-юре закрыто. Ну а что будет дальше – посмотрим. В мире ведь есть и другие страны, кроме Аргентины?

Ретроспектива

Аргентина, Плантация Матавердес, 14 ноября 1950-го

– Сеньор Бельмонте, вы оскор... соблазнили мою жену!

– Ну и?

– Сеньор Бельмонте!

– Что вы орете, сеньор Гевара, – давайте, оскорбите меня! Так положено по ритуалу – после я должен вызвать вас на дуэль, в этой стране такое дозволено. И скорее всего, я вас убью – а после мне предстоит тяжелое объяснение с вашим сыном. Я уже немолод, и мне очень хотелось, чтобы мои знания и опыт не пропали, а перешли к достойному наследнику, коль у меня своих детей нет. Это и есть мой истинный интерес – а не в деньгах, которые с собой на небо не возьмешь.

– Сеньор Бельмонте! Я, как джентльмен, могу простить ваш поступок, приняв достойную компенсацию.

– Что я слышу, сеньор Гевара! Истинный кабальеро, потомок конкистадоров – торгует честью своей жены.

– Сеньор Бельмонте, я требую... Тысяча чертей, жизнь в Буэнос-Айресе недешева!

– Меньше надо тратить на шлюх. Или мне у доньи Селии попросить, чтобы она позволила мне защитить ее честь?

– Я мужчина! Мне можно.

– И сколько?

– Тысяча американских долларов. Можно в песо, по обычному курсу, пятнадцать к одному. В столице, знаете, не то что здесь, в Кордове. Цены на лучшие услуги и удовольствия – в настоящей валюте, а не пероновских бумажках.

– Что-то наш разговор перестает мне нравиться, сеньор Эрнесто. Жду вашего оскорбления.

– У вас будут проблемы, сеньор Бельмонте! Вам это с рук не сойдет!

– Сеньор Эрнесто, вы знаете, сколько и каких проблем мне приходилось решать за свою жизнь? А вот у вас, очень может быть, никаких проблем уже не будет никогда.

– В таком случае, сеньор Бельмонте, завтра все светское общество в Буэнос-Айресе узнает, как бесчестно вы поступили с доньей Селией. А также кто истинный владелец планта-

ции Матавердес. Ведь если вы скрываете этот факт, значит, он для вас важен? Выдаете себя за владельца всего лишь доли собственности.

– Сеньор Эрнесто, законность нашей сделки по продаже плантации не сможет оспорить даже Верховный Суд этой страны. А что до моей роли – раскрытие ее будет для меня мелким неудобством, а вот для вас... Вам так хочется разгласить, что у вас в кармане нет абсолютно ничего, кроме долгов? И после найдутся глупцы, кто даст вам в кредит хоть песо? А уж как будет смеяться столичное общество над жалобами бедного мужа, который не в силах сам восстановить справедливость! Хотите стать всеобщим посмешищем и неудачником – давайте! Я посмотрю и посмеюсь вместе со всеми.

– Сеньор Бельмонте, это просто не по-христиански! Морить голодом несчастного отца ваших любимых учеников.

– Могу предложить вам переселиться сюда, в свое родовое имение. Жилье и стол гарантирую.

– После Буэнос-Айреса? Я тут от скуки помру. Сеньор Бельмонте, а если... Если я вам нужен как формальный владелец плантации, для представительских целей, то отчего я должен выполнять эту функцию бесплатно?

– Ну, если на то пошло, ваше право проживать в этом доме – которым вы не желаете воспользоваться, но тем не менее оно есть! – тоже что-то стоит? Как и то, что вы называете себе совладельцем плантации Матавердес, не имея на это права, – и я молчу. Но так и быть – я готов платить вам жалованье управляющего. И ни песо больше!

– А, согласен! При условии, что первый платеж прямо сейчас – и лучше наличными, а не чеком... О, благодарю – вы истинно благородный кабальеро, дон Педро! С вашего позволения, я возвращаюсь в Буэнос-Айрес!

– Не желаете пообщаться с женой, с детьми?

– С радостью – но в столице меня ждут неотложные дела.

Эрнесто Гевара-младший (будущий Че). Лето 1955 года

– Ты палубу протереть не бойся, она стальная – ну а швабру износишь, новую выдадут. Работай давай!

Руки натерлись уже до кровавых мозолей. Занятие совсем не для сына плантатора? Но дон Педро сказал:

– Ты запомни: любое геройское дело на девять десятых состоит не из подвига, а из рутины. И если на ней спасуешь – к «моменту истины» просто не подойдешь. Даже если тебе предстоит командовать, а не делать самому, – иметь представление ты обязан. Чтобы после не отдавать дурацких приказов вроде «до обеда вычерпать ведрами это море, а до заката построить через него мост». Так что отставить разговоры – считай это тоже за урок!

Пароход «Принцесса Иоланта» плыл на север, в Европу, неся в трюме несколько тысяч тонн замороженной аргентинской говядины и всего сотню тонн высушенного чая матэ. Эрнесто знал, что моряки говорят: «Мы ходим, ну а плавает лишь известная субстанция», – но сам он себя моряком совершенно не считал, после того как обнаружил еще с первого дня, что жестоко страдает от морской болезни. А ведь там, сразу после выхода из Буэнос-Айреса, был даже не шторм, а небольшое волнение – дальше, слава богу, путь пролегал через «конские широты», при отличной погоде и ярком солнце. С удивлением Эрнесто узнал, что еще в прошлом веке эти места считались большим проклятием моряков, чем «ревущие сороковые» южнее. Поскольку в штиль парусные суда могли застрять надолго, тратя провизию и пресную воду, – и первыми жертвами истощения корабельных запасов обычно становились перевозимые лошади, ну а после случалось, что и люди. То есть штиль может быть столь же смертелен, как буря.

– Ты работай! Верно Маркс говорил – новая ценность создается лишь трудом. И если какая нация решает, что работать должны лишь негры – то нации конец, через сколько-то

поколений. А вот у британцев – колоний с плантациями и рудниками больше всех, но и сами англичане трудиться не разучились. И в самой Африке какая страна самая развитая – Южно-Африканский Союз, где не «негры работают – белые правят», а есть и такие белые люди, кто не брезгают трудом.

Эрнесто успел уже трижды проклясть свое желание получить опыт практического марксизма – то есть эксплуатации труда капиталом. При том что работа палубного матроса в хорошую погоду считалась самой легкой – «а попробовал бы ты в кочегарке, при шестидесяти градусах по Цельсию, уголек в топку кидать, по десять кило на лопате. Да еще периодически ломом уголь по решетке рассыпать, шлак отбивать, наружу выгребать и за борт выгружать – а к котлам таскать из угольных ям». Но «Принцесса Иоланта» была новым пароходом американской военной постройки, с котлами на нефти – и основной работой палубного матроса было поддерживать чистоту, убирать и иногда еще и красить. Да и терпеть осталось всего пару недель. А не как герою известного романа Джека Лондона – да и капитан, синьор Гальярди, на Волка Ларсена был не похож. И он, дон Эрнесто Гевара, – не тот книжный слабак Хэмп Ван-Вейден, все же уроки дона Педро явно пошли впрок! Может, даже стоит попробовать обратно на этом же судне, а не пассажиром на трансатлантике? Чтобы был повод гордиться собой – «я сделал это».

– Еще это может тебе помочь, если застрянешь в чужом порту без гроша, а возможно, даже без документов. Попроситься палубным матросом или кочегаром – этой публики в экипажах всегда не хватает – на попутное торговое судно. Тут, правда, надо смотреть, чтобы не попался «корабль смерти», как у Бруно Травена, – с такого трудно будет сбежать. Конечно, на «Куин Мэри» тебя никто не возьмет – а на каботажный трамп запросто.

На мачте «Иоланты» развевался итальянский флаг. Но портом назначения была испанская Барселона. Поскольку получателями груза, как узнал Эрнесто, были не только испанские, но и итальянские контрагенты, – так что возможно, после еще зайдем в Неаполь. В коммунистическую Италию – интересно, как люди живут в стране, где победила идея Маркса о справедливом распределении продуктов труда?

– Жить стало намного лучше. Муссолини хоть и говорил о «всеобщем равенстве», но богатели при нем прежде всего богатые синьоры, фабриканты и банкиры. Сейчас у нас есть заводы в государственной, то есть народной собственности. Есть «колхозы», то есть все, кто трудится там, от директора до подсобника, – акционеры. И есть еще частники – но это, во-первых, самая мелочь, а во-вторых, они вынуждены платить своим работникам достойную плату, иначе кто же к ним пойдет работать? Ну и, конечно, есть бесплатные школы, лечение, пенсии. И у советских товарищей так же.

Это рассказывал Маттео – как представил его дон Педро, «бывший гарибальдиец, был знаком с русскими и хорошо знает их язык». Так что Эрнесто часто проводил свободное от вахты время с этим улыбчивым компанейским парнем, охотно отвечающим на вопросы, мешая русские и итальянские слова. Эрнесто свободно говорил по-французски, а итальянский имеет сходство с этим языком – и занятия русским с доном Педро тоже принесли свои плоды. В сундучке у Маттео нашлась и книжка на русском – но вовсе не Толстой или Достоевский, как Эрнесто ожидал.

– Федоров – это не писатель, а командир русских партизан в эту войну. Стал генералом, командуя партизанской дивизией в тылу у немцев. И там есть про Кравченко, который после, в сорок четвертом, командовал нашей Третьей Гарибальдийской. И который с самим Смоленцевым был, когда они Гитлера поймали и в Москву привезли. Я и Смоленцева видел – а его жену Люцию вся наша бригада хорошо знала, еще до того, как их сам папа римский обвенчал.

На стене кубрика висел портрет Люции Смоленцевой – выданный лист обложки какого-то журнала. Красивая, и одета как богатая сеньора – хотя Эрнесто слышал в университете, что «русские живут коммунарами, где все общее, вплоть до нижнего белья, любая собственность

запрещена, искусство запрещено, так как ведет к деградации, философия запрещена, так как приводит к сомнению в коммунистической идее, – а особенно страдают несчастные женщины, которым запрещено наряжаться, зато вменяется в обязанность удовлетворять вожделения всех членов коммуны» – так говорила некая Хелен из Нежина, называющая себя внучкой русского герцога или князя: «У папы был целый остров в собственности, но пришли большевики, и наша семья едва успела сбежать в благословенный Париж». Когда Эрнесто об этом рассказал, Маттео расхохотался – и двое оказавшихся рядом итальянцев-матросов тоже, как заметил Эрнесто, едва сдержали смех, наверное, они тоже близко общались с русскими?

– Когда нацистов разбили под Сталинградом, все газеты Еврейейха печатали якобы подлинное фото, как русские солдаты жарят на вертеле над костром пленного французского офицера, прямо в мундире, чтобы съесть на обед. А Гитлер с Геббельсом, проигрывая войну, кричали, что во всем виноваты русские морозы – иначе непобедимая германская армия взяла бы Москву и дошла до Урала. Никогда не верь тому, что говорят проигравшие – особенно те, кто еще не навоевался! В Европе тоже много было русских, бежавших от большевиков, – однако после этой войны немало этих эмигрантов побежали к Сталину за прощением. И ведь советский вождь оказался к ним добр – раз даже Деникин, один из командовавших армией роялистов, вернулся и умер в Крыму, и никакое НКВД его не арестовало. Хотя много и таких, кто остался в коммунистической зоне, например в Чехии, Словакии, Югославии, – живут как жили, и никто их не трогает. Но те, кто не остался там, а бежал еще и в вашу Аргентину, – наверное, сильно боялись за свои реальные грехи? И будут ли они говорить правду о тех, кого ненавидят?

А пока – не происходило ничего интересного. Впечатлений и приключений было намного меньше, чем три года назад, в пятьдесят втором, когда Альберто Гранада предложил Эрнесто проехать на мотоцикле через весь латиноамериканский континент, «чтобы взглянуть на весь мир своими глазами».

Ретроспектива

Путешествие на мотоцикле – год 1952-й

Мотоцикл у Гранады был – уже старый, но «ездит как зверь», и что удивительно, даже мама была не против, согласившись, что «мальчику нужно расширить кругозор». Но решительно вмешался дон Педро, сказав, что в пути всякое может случиться, и вы, донья Селия, хотите, чтобы ваш сын вернулся живой и здоровый? А потому путешествию быть, но лишь после хорошей подготовки!

Сначала механики из команды «майора» дель Рио тщательно обследовали мотоцикл. Вынесли вердикт – эта развалюха хорошо если пятьсот миль проедет, ну а дальше мы не ручаемся. И предоставили целых четыре новеньких БМВ – «сначала хотели итальянские “Дукати”, но вряд ли к ним можно здесь запчасти найти, если что случится, ну а к немецкой технике, в Чили и Перу, гораздо легче». Четыре мотоцикла, в том числе два с колясками – так как помимо Эрнесто и Альберто должны были ехать еще четверо самых подготовленных из «бойцовой команды»: Бенито, Рамон, Хуан и Хосе. Причем помимо денег, довольно крупной суммы не только в песо, но и в американских долларах, дон Педро выдал Эрнесто еще и несколько рекомендательных писем к самым разным людям, живущим в Чили, Перу, Колумбии, Венесуэле: «Это мои друзья, обязательно вам помогут». В обмен Эрнесто обязался вести дорожные записи, подробно и правдиво описывая свои впечатления – насчет публикации которых у дона Педро, оказывается, уже был предварительный договор «с одним уважаемым европейским издательством». Также дон Педро вручил Эрнесто два малогабаритных фотоаппарата лейки и запас пленки. Взял обещание отправлять письма с маршрута – сюда, на плантацию Матавердес, «чтобы не беспокоить донью Селию». И сразу после Рождества нового, 1952 года экспедиция

отправилась в путь – до Буэнос-Айреса, затем на юг. О чем даже было сообщение в газете, да не в какой-нибудь, а в столичной «Насьон» (правда, не на первой странице) – о том, что «известный врач Альберто Гранада в сопровождении помощника и ассистента Эрнесто Гевары, а также нескольких друзей совершает мотовояж по всей Латинской Америке». Несколько лет спустя эта статья станет причиной размолвки между друзьями – Альберто (будучи на семь лет старше Эрнесто и гораздо опытнее, как врач) обидится: «Если официально старшим в этом путешествии признали меня, то отчего весь почет и гонорары получил Гевара, как автор дневников?»

Они ехали кавалькадой, как благородные доны. Наверное, это было даже излишне – уже после возвращения Эрнесто подумал, что если бы вояж был устроен как предполагалось изначально, всего двое бедных бродяг на старом мотоцикле, то они сумели бы увидеть жизнь гораздо лучше – часто останавливаясь, чтобы добыть пропитание и ночлег, занимаясь ради этого подработкой, ночуя в палатках под открытым небом или в домах простых людей, а не в отелях, обозначенных на карте. Зато когда в Байя Бланка Эрнесто вдруг свалился с болезнью, несколько уколов пенициллина из походной аптечки быстро решили проблему. А в Чили в городе Вальдивия им устроили просто торжественную встречу – как оказалось, накануне в местной газете появилась заметка: «Два отважных аргентинских рейдера, известные врачи, вместе с друзьями совершают мотопробег в память знаменитого конкистадора, чье имя носит наш город». Хотя техника работала безотказно, в Лос-Анхелесе в гараже местной пожарной части механики сочли за честь сделать мотоциклам тщательную диагностику – результатом чего была еще одна газетная статья: «При кайзере, при фюрере, при коммунистах – немецкие машины всегда на высочайшем уровне». В Сантьяго-де-Чили, в гараже Остина (к хозяину которого было одно из рекомендательных писем) уже ждали заранее присланные запчасти к мотоциклам. Затем был путь на север, до перуанской границы. Наибольшее впечатление произвел осмотр по пути медного рудника Чукикамата, одного из крупнейших в мире, не шахта, а громадный карьер, уходящий в глубь земли почти на километр – находящийся на чилийской земле, этот рудник принадлежал американской компании «Фелпс Додж Корп», ведущей здесь работу с 1915 года. С утра в указанном месте у ворот собиралась толпа желающих наняться хотя бы на день – безземельных крестьян, согнанных со своих наделов аграрными фирмами, – подъезжал фургон, и бригадир указывал пальцем: вот ты, ты и ты, в кузов, остальные на сегодня свободны. Кому-то повезло заработать несколько долларов, что означало – завтра он и его семья не будут голодать. Ну а проблемы всех прочих – это лишь их проблемы.

Эрнесто, не удержавшись, дал пятнадцать долларов одному из этих бедняг, с кем до того случилось переговорить, чтобы узнать их историю. Был арендатором, но хозяин отнял земельный участок и дом. Теперь вот с семьей (жена молча сидела рядом, и двое детишек) пришел сюда, потому что больше некуда, надо на что-то жить. Тут же их окружила толпа тех, кому ничего не досталось, они кричали и угрожали.

– Напрасно вы это сделали, сеньоры, – сказал бригадир, видевший эту сцену, – теперь у них все отнимут, а их избыют, а может, даже и убьют. Дикари, индейцы – что с них взять? И никакой полиции до этого не будет дела. Уезжайте лучше скорей – а то как бы чего плохого с вами не случилось.

На таможенном посту у чилийских пограничников уже оказалась газета с портретами Альберто и Эрнесто – так что служители закона были сама любезность. Оказавшиеся к тому же лучшими друзьями или даже родней своих перуанских коллег с той стороны – так что никаких сложностей не возникло. Дальше путь был по высокогорью, что доставляло Эрнесто проблемы с его астмой, пришлось даже в коляску пересесть. В Пуно, это город на берегу озера Титикака, не нашлось места в гостинице, так местный жандарм предложил всем в участке заночевать, в тепле и относительном комфорте. Затем всей компанией осмотрели озеро – уникальный природный объект на границе Боливии и Перу, лежащее сегодня на высоте почти в четыре кило-

метра над уровнем моря, однако же по индейским легендам когда-то (уже на памяти человечества) бывшее его заливом.

– В прошлом году тут ученые приезжали, – сказал местный гид, – главным там был француз Кусто. Нырjali, искали индейские сокровища – а нашли руины какого-то города, древнее инков. И дамбу с волноломом – которая, как уверяли, на озере не нужна, а только на берегу моря.

Еще на озере из достопримечательностей были плавучие острова, где живет индейское племя Урос, почти не сходя на землю, живут ловлей рыбы и продажей изделий из камыша – того самого, из которого сооружены их острова-дома, на каждом из которых может жить до десятка семей. Но у путешественников было в достатке продуктов, а корзины и циновки – это очень неудобный груз для перевозки на мотоцикле. Так что пришлось ограничиться лишь осмотром.

– А что тут делают военные корабли? – удивился Альберто. – Флот в этой луже?

Гид в ответ разразился целой речью. Боливия, сейчас делившая с Перу берега озера Титикака, когда-то имела выход к океану – но после «селитренных войн» в 1883 году приморская провинция Антофагаста была от нее отторгнута и поделена между Чили и Перу. Однако же отказываться от гордого звания военно-морской державы боливийцы не захотели, сохранив флот на единственном доступном им водоеме. Долгое время этот грозный флот состоял из множества малых невооруженных судов (которые правильнее было бы именовать лодками), но после окончания этой Великой войны гринго предложили боливийцам самые настоящие боевые корабли и по совсем смешной цене. И боливийцы соблазнились, купив целый десяток – правда, доставка их посуху, да еще высоко в горы, стоила немалых трудов и денег, зато теперь у Боливии есть настоящий военный флот!

– Вы понимаете, сеньоры, что наша страна не могла этого не заметить! – важно произнес гид. – Во-первых, соображения престижа, во-вторых, а если боливийцы, пользуясь своим военно-морским превосходством, вдруг решатся напасть на нашу территорию и аннексировать этот берег озера? Но гринго были столь любезны, что предложили корабли и нашей стране – и, разумеется, мы не могли отказаться!

(Замечание на полях. Сторожевые катера типа SC-500, водоизмещение 98 тонн, 2 дизеля по 1200 сил, 21 узел, вооружены 1–76 мм, 1–40 мм «бофорс», 2 пулемета 12.7, бомбомет «маунстрап», гидролокатор. Основное назначение – борьба с подводными лодками. Строились в США в 1941–1944, серией свыше 400 единиц. Продать противолодочные катера на озеро Титикака, где никаких подлодок нет и не предвидится, это надо уметь! Свидетельство некомпетентности или коррупции как боливийских, так и перуанских властей! Характерно что доставкой этих боевых единиц, даже в разукomплектованном состоянии весящих свыше 60 тонн, занималась американская фирма. Во сколько в итоге обошлась и Боливии и Перу эта абсолютно ненужная им гонка озерных вооружений?)

(Дополнение к замечанию. В штатной комплектации эти катера несли сложную и дорогостоящую гидроакустическую аппаратуру. На фотографиях же видно, что в составе вооружения нет противолодочного бомбомета. Очевидно, что тогда и комплекс ГАС сняли – даже у самого тупого диктатора хватило бы ума сэкономить на цене.)

– У нас тоже воевали, как в Европе! – гордо произнес гид. – Мой отец медаль имеет, за войну с Колумбией в тридцать втором! Вот задали мы им тогда – правда, после удержать не сумели. Мы, конечно, не великая военная держава, как немцы или русские, – но тоже можем защитить свой государственный интерес!¹¹

¹¹ Война между Перу и Колумбией длилась с сентября 1932-го по март 1933-го, из-за спора за «территорию Летисию», колумбийскую, но, как было заявлено в Лиме, «исторически тяготеющую к Перу». Вооруженные силы сторон на начало конфликта были примерно одинаковы – по 5 дивизий, по несколько десятков самолетов. ВМФ Перу был номинально сильнее, чем у Колумбии, – но, находясь в Тихом океане, воздействия на ход войны оказать не успел. Война началась с внезапного

Дальше был Мачу-Пикчу – древний город инков. Циклопические каменные сооружения, стены и террасы, впечатляли даже сейчас – и не верилось, что их построил много веков (а может, и целую тысячу лет) назад народ, не знавший ни железа, ни колеса, ни тягловых животных (лошади на этом континенте не водились до прихода конкистадоров, ну а ламы, которые были здесь одомашнены, могли переносить небольшой груз во व्यюках, но были слишком слабы для езды верхом или запряжки в повозки и плуги. Тем не менее достоверно известно: инки сумели создать огромную империю с четко функционирующим хозяйством, государственными складами, отличными дорогами, четкой почтовой службой.

– Инки все были коммунистами, – сказал Альберто, – у них не было собственности, торговли и денег, все принадлежало государству, которым правили вождь и каста чиновников – которые указывали своим подданным, где им жить и чем заниматься, под страхом смерти за неподчинение. Человека, личности, не было – были винтики, обязанные выполнять возложенную на них функцию: воины сражаться, чиновники следить за исполнением воли вождя, ну а крестьяне пахать от рассвета до заката, чтобы сдать указанную норму продукта на склад, или организовано строить дороги и вот такие крепости или дворцы. Чем не большевистские трудармии? Результат подобного муравейника может быть очень убедительным – но лично я бы там жить совершенно не хотел!

Эрнесто промолчал – поскольку слышать про СССР, страну победившего коммунизма, приходилось всякое, в том числе и от лиц, якобы там бывавших когда-то (гостей маминого салона), – и трудно было рассудить, что из тех сведений правдиво, уж очень они различались и противоречили друг другу.

– Или же напротив – жить там было очень даже неплохо, если ты великий вождь, – благодушно рассуждал Альберто. – А что, Эрнесто, может, останемся здесь? Я женюсь на индианке из знатного индейского рода, провозглашу себя императором и стану правителем Перу. Ну а тебя назначу своим премьер-министром, и мы вместе совершим социальную революцию, конечно, в свою пользу.

– Ты просто сумасшедший, друг, – ответил Эрнесто, – революцию без стрельбы не делают. У Писсаро было несколько сотен, но с мушкетами и в стальных латах против тысячного войска пеших индейцев с дубинами, – ну а сегодня надо, чтобы за тобой было не меньше полка отборных солдат вроде русского *spetsnaz*, которые два года назад взяли в Китае базу гринго, а после их не могли оттуда выкурить даже атомной бомбой¹². А не эти четверо наших храбрых гвардейцев – даже если сосчитать тех, кто остался дома, будет десяток.

Слышавший это Бенито лишь ухмыльнулся. Служба ему явно нравилась – охранять молодого дона от всяких там бандитов, при этом совершая увлекательное путешествие за хозяйский счет. Вот будет дома рассказать синьоритам! Ну а глупый и невыполнимый приказ Команданте не отдаст. Отчего-то Черный Дон велел звать сеньора Эрнесто этим прозвищем – на тренировках, а затем как-то и в обиход перетекло.

– Меньше верь газетам, – сказал Альберто. – Я читал, что там вообще какой-то китаец командовал, с бандой своих. Но не могут же гринго признать, что им навалили желтомордые – от русских получить как-то менее позорно. Может, у коммунистов и ужас диктатуры, – но воевать они умеют. Впрочем, если они все фанатики... Ты представь идеальную армию, где солдаты абсолютно не боятся смерти и безупречно выполняют любой приказ. И чтобы их побе-

нападения перуанцев и быстрого захвата практически всей спорной территории – дикие джунгли, без всякой инфраструктуры, дорог и даже карт. И тут решающее преимущество оказалось за колумбийцами, которые могли оперативно усиливать свою группировку на фронте и подвозить запасы по р. Амазонке – 4000 км по морю до устья Амазонки и еще 2500 км по ней до зоны боевых действий оказались короче и быстрее, чем для перуанцев, около 200 км от своей границы, но без дорог и мостов, через дикий тропический лес! О характере же войны можно судить по ее самому известному и кровопролитному сражению, 25 марта 1933-го, город Гуэппи (уже на перуанской территории – все захваченное перуанцы успели потерять), в котором с перуанской стороны было 10 убитых, 2 раненых, 24 взято в плен, потери колумбийцев (победителей) 5 убитых и 9 раненых.

¹² См. «Война или мир».

дить – надо уничтожить всех до одного. Если бы Советы были у нас на границе, я бы чувствовал себя очень неудобно, – но слава Господу, они где-то в другом полушарии, то есть для нас все равно что на Луне.

В Куско вся компания заглянула к доктору Эрмосе (к которому было рекомендательное письмо). Он оказался очень интересным собеседником, мог много рассказать об истории народа инков и о городе Куско, бывшем когда-то столицей их империи. Застряли тут на пару недель – просто отдыхали, ходили в библиотеку, в Археологический музей. Который оказался небогат – большую часть сокровищ и культурного достояния инков успели разобрать иностранные археологи, немало утекло всяким кладоискателям и даже туристам. Особенно американским – гости из Европы были здесь пока еще редкостью, а вот гринго (вдохновленные русскими фильмами о похождениях Индианы Джонса) считали своей обязанностью посетить места древних развалин, сфотографироваться там и что-то на память увезти. Причем перуанские власти, после нескольких неприятных инцидентов, усвоили, что пытаться мешать американским визитерам выйдет себе дороже. От полного расхищения инкского наследия спасало лишь невежество туристов в археологии и бурно расцветший промысел местных умельцев, штамповавших подделки «под век конкистадоров» или даже впаривавших доверчивым гринго простые камни и черепки «помнившие самого Великого Инку Атауальпу Второго».

– А разве такой был? – удивился Эрнесто, вспоминая курс истории. – Атауальпу единственного сверг и убил Писсаро. И вроде бы инки не присваивали своим правителям номера, подобно королям в Европе.

– Слышал легенду, что причиной был некий американец, «знаток древностей», – ответил Эрмоса. – Рассматривая на рынке только что приобретенный артефакт, спросил у продавца, отчего нет сходства с тем, что он приобрел в прошлый раз, там было что-то времен Атауальпы, «а это что, другая эпоха, другая культура»? Ну и услышал в ответ – да, сэр, это творение времен Атауальпы Второго, великого вождя и реформатора, правившего после своего отца. Не знаю, насколько соответствует правде – но на базаре Куско это расскажет вам любой торговец, с которым вы в доверительных отношениях, – конечно, если вы не гринго-турист.

(Снова замечание на полях рукой дона Педро: а это явление новое! Прежде в Латинскую Америку ездили бизнесмены, ученые – но туристы были редкостью. Теперь даже для среднего класса США становится доступным в массе съездить в отпуск, чтобы взглянуть на древнюю экзотику.)

Следующим по пути был городок Уанкарама, неподалеку от которого располагался лепрозорий Уамбо. Разумеется, «известные аргентинские доктора» не могли не посетить это заведение – впечатление от которого осталось самым гнетущим. Проказа, ужас Средневековья, в двадцатом веке была вполне излечима – при условии своевременного диагноза и начала лечения. Но самоотверженность немногочисленного персонала не могла компенсировать нехватку медикаментов, лабораторного оборудования и реактивов, не хватало даже провизии и одеял. И лепрозорий был скорее тюрьмой, чем больницей, – где люди угасали годами, зная, что уже никогда не вернутся в большой мир.

(Замечание на полях. В Латинской Америке, в отличие от Европы, практически нет бесплатной медицины. Считается, что «если у кого-то нет денег на лечение – то ему и не нужно лечиться». Государство выделяет средства лишь на самые необходимые меры, для предотвращения распространения инфекционных болезней, чтобы не было эпидемии, – и эти меры обычно сводятся к изоляции больных от общества, а не их излечению.)

Самым страшным для Эрнесто было видеть, что больные (в большинстве индейцы с гор) смотрели на свою судьбу с полным равнодушием, смирившись и с ужасными санитарными условиями, и с однообразием протекающих дней, и с неизбежной смертью через не слишком долгое время. Он, дон Эрнесто Гевара, родился и жил в достатке, учился в колледже, играл в теннис и футбол, слушал в салоне матери высокоинтеллектуальные споры. А эти несчастные

(в тридцать лет выглядевшие как глубокие старики) видели лишь тяжкий труд, жизнь на грани голода и вот теперь ждут, когда небо заберет их души. Чем согрешили они, и откуда такая разница в судьбе их и его, Эрнесто Гевары? Гринго говорят, что это оттого, что Бог с рождения отмечает угодных Ему, кому уже готово место в раю – а это значит, что эти больные индейцы даже после смерти не избавятся от страданий, а будут еще больше страдать в адских муках, до Страшного суда. Неужели Бог настолько несправедлив – или правы атеисты и коммунисты, утверждая, что Бога нет? Ведь если Бог всевидящий, то зачем Ему нужна Церковь, как посредник между Ним и мирянами? А если Он всемогущий и добрый, то как может терпеть на земле такое зло – ведь не за мифический «первородный грех» Адама и Евы до сих пор расплачиваются все живущие, уже тысячи лет?

Картину, мало отличавшуюся от Уамбо, можно было видеть после, в Лиме, столице Перу – в Главной больнице (отвечавшей за помощь прокаженным), разве что с обеспечением здесь было получше. И больные тут сохранили какую-то искру жизни, с интересом слушая радиотрансляцию футбольного матча. Также путешественники посетили здесь Антропологический музей, Университет Сан-Маркоса, Национальную библиотеку, посмотрели на бой быков. И после многих дней пути было приятно спать на чистых простынях в комфортабельном отеле, обедать в ресторане. Альберто сибаритствовал и купался в лучах славы: «Известный аргентинский врач, совершающий путешествие для собственного удовольствия», любезничал с синьоритами, даже дал интервью репортерам. А Эрнесто вспоминал лепрозорий Уамбо – и шахтеров на медном руднике, а еще крестьян, с которыми разделил ужин однажды в поле – у всех них были погасшие глаза смилившихся с судьбой. За несколько тысяч километров он видел счастливыми и радостными лишь богачей, семьи богачей и туристов-гринго. И это было ужасно несправедливо!

– Счастье? – переспросил Альберто, когда Эрнесто задал ему вопрос. – Мы молоды, здоровы, богаты. Найти работу с хорошим доходом, жениться на синьорите с большим приданым и вкушать удовольствия много-много лет. И у нас все это впереди!

Именно так рассуждал отец – которого Эрнесто видел теперь опустившимся и пьяным. Дон Педро говорил – не трать на удовольствия то, чего, возможно, не хватит тебе в битве за жизнь. Более долгая жизнь сильного и опасного хищника, как Волк Ларсен из романа Джека Лондона, – и ради чего в итоге, лишних десяти, двадцати лет такой борьбы? Неужели нет на земле иной, более высокой цели?

Дальше были Колумбия, Венесуэла. Там Альберто решил остаться, в лепрозории Каракаса, где ему обещали очень хорошее место. А Гевара отправил телеграмму домой, в Матавердес, как было условлено, – по его ожиданию, ответ мог прийти не раньше чем через двое-трое суток. К его удивлению, уже назавтра посыльный принес в отель ответ от дона Педро. Пароход «Мальорка» в порту – прибыв туда и спросив капитана, Эрнесто удивился еще больше, узнав, что судно уже завершило погрузку еще четыре дня назад и ждали лишь его команду, «поскольку мой друг Педро Бельмонте очень просил». Кто же ты, дон Педро, откуда у тебя столько друзей, обходящихся весьма недешево? Но вопросы после – а пока, погрузившись на борт вместе с мотоциклами, пятеро путешественников возвращались домой. Плавание прошло без происшествий, ну а в Буэнос-Айресе уже ждала торжественная встреча, на причале были отец, мать, брат Роберто и, конечно же, дон Педро, и кто-то из людей с плантации, и еще репортеры, и, наверное, под сотню зевак. Причем мать, выглядевшая по-особому молодо и нарядно, стояла рядом с доном Педро, ну а Гевара-старший поодаль. И было все, что положено при встрече после долгой разлуки: объятия, слезы, смех, щелчки фотокамер, и кто-то уже лезет с блокнотом, взять интервью. А после, оставшись наедине, дон Педро сказал:

– Поздравляю, Эрнесто. Ты прошел второй курс своего университета. Первый был здесь, на плантации. Ну а третий и четвертый – жди, скоро будут! Ты спрашиваешь меня про высшую цель – что ж, значит, ты стал взрослым, уже хочешь отвечать не за одного себя. Скоро ты

узнаешь свой путь – и, может, даже будешь с ностальгией вспоминать беззаботную юность. Ну а пока – учись! Вояж себя оправдал: увидеть своими глазами – это гораздо больше, чем прочесть в книге. А дальше будет больше – но ты выдержишь, я знаю.

Ретроспектива

Год 1953-й

Летом пятьдесят третьего Эрнесто наконец закончил медицинский факультет университета в Буэнос-Айресе, получив диплом врача. Что открывало блестящие перспективы – в Аргентине, как и в других латиноамериканских странах, эта профессия весьма престижная и высокооплачиваемая, поскольку в этой части света (как уже было сказано) медицина исключительно коммерческая, «не для бедных». А богатые люди своим здоровьем дорожат и готовы платить за него хорошие деньги! Но как теперь забыть то, что ты видел – тех, у кого денег нет и кому остается лишь безропотно умирать в изоляции от общества?

– Можешь гордиться, Эрнесто: твой дневник путешественника на мотоцикле, опубликованный в Европе, привлек внимание Матери-Церкви. И сам его святейшество велел послать миссию, пока в страны Центральной Америки – в Коста-Рику, Сальвадор, Гондурас, Гватемалу, Никарагуа. Чтобы помочь страждущим и обездоленным – лечением не только их души, но и тела. И тебе предложено присоединиться, как автору тех записок и дипломированному врачу.

Снова заметки в газетах: «Наш соотечественник добровольно вызвался для богоугодной миссии». Эрнесто был равнодушен к этому шуму – но дон Педро сказал:

– Так будет лучше, мой мальчик. Если у нас возникнут там неприятности – твоя репутация позволит надеяться хотя бы на благожелательное отношение и помощь со стороны посольства Аргентины. Все же ваша страна – далеко не последняя на континенте.

Нам? Дон Педро тоже едет?

– Ну, отчего же одному дону в возрасте не побывать в тех романтических местах? Кстати, если у тебя есть друзья, желательно по медицинской части, можешь пригласить их тоже. И, конечно, твоя «гвардия» будет с тобой – чтобы донья Селия не беспокоилась.

Спутников не нашлось – хотя кое-кто из однокашников Эрнесто выражал свое восхищение, но все предпочитали искать успех дома, а не в далеких землях, где к тому же было неспокойно. В Никарагуа сидел Сомоса – своим отношением к политическим противникам весьма похожий на покойного «фюрера арийской расы». А в Гватемале, наоборот, президент Арбенс в прошлом году провел земельную реформу, посягнув на собственность не только помещиков, но и всемогущей в этих краях «Юнайдед фрут», она же «министерство колоний США». Чего великий северный сосед никогда и никому не прощал – и даже в клубах Буэнос-Айреса светское общество обсуждало, как скоро смутяня Арбенс будет свергнут, или умрет на своем посту, или вообще дело кончится вторжением американской морской пехоты и «восстановлением конституционного порядка», как бывало уже не раз. Потому ехать туда казалось для благонаправленного обывателя очень опрометчиво – но Эрнесто как раз хотел посмотреть на революцию вблизи.

До Перу ехали по железной дороге, через Боливию. Поезд останавливался на всех полустанках, фермеры грузили бидоны с молоком. Но Эрнесто жадно всматривался в окружающую жизнь – в Боливии в апреле прошлого года произошла революция, и президент Эстенсоро национализировал главное богатство страны, оловянные рудники (правда, выплатив компенсацию владельцам), а также провел аграрную реформу и еще создал вооруженную «народную милицию» из шахтеров и крестьян. В Ла-Пасе аргентинцы сошли с поезда, желая поближе рассмотреть происходящее, там Эрнесто повезло познакомиться с адвокатом Рикардо Рохо, левых убеждений, который согласился ввести Гевару в местные политические круги; Эрнесто успел побывать в управлении информации и культуры, в департаменте по проведению аграр-

ной реформы, даже в деревни и в поселки шахтеров пару раз выезжал. Рохо сам собирался в Гватемалу, «чтоб поучаствовать в настоящем деле», и оттого с охотой примкнул к экспедиции, вместе с еще одним аргентинцем, студентом Карлосом Феррером, случайно оказавшимся в Боливии. Что удивительно, дон Педро не возражал против попутчиков, равно как и против потерянного времени, сказав лишь:

– Резерв был предусмотрен. Но дальше нам придется поспешить!

Поездом же все они добрались до Куско (тех мест, где Эрнесто и Альберто были в прошлом году). Здесь железная дорога кончалась, дальше пришлось ехать с пересадками на автобусе и грузовиках, уже не задерживаясь по пути – тем более что диктатор Перу генерал Одриа очень враждебно относился к «левым». Однако путешественникам удалось без особых проблем пересечь Перу и соседний Эквадор, в колумбийском Гуаякиле Эрнесто подумал об авиабилете в соседнюю Венесуэлу, чтобы встретиться с Альберто, который все еще работает в госпитале Каракаса, получает восемьсот американских долларов в месяц, а весной этого года еще и женился, так что стал уважаемым членом общества и теперь приглашает в гости старого друга Эрнесто Гевару. Но дон Педро сказал:

– А вот на это времени уже нет. Мы в Боливии слишком задержались. Теперь нам надо поднажать, чтобы не опоздать на пароход.

Из Гуаякиля они отплыли в Панаму, по иронии судьбы, на рейсовом судне «Юнайдед фрут». Столица (также носящая имя Панама), располагающаяся рядом с тихоокеанской оконечностью Панамского канала, была будто оккупирована американскими войсками – американских военных на улице можно было встретить намного чаще, чем панамских полицейских. И, как пояснил Рохо (уже бывавший тут прежде), драки и дебоши, учиненные бравыми «джи-ай», были здесь обычным явлением.

– Армейские себя еще прилично ведут, кто тут давно служит, – а морячки словно с цепи срываются, попав на берег. Если вы увидите толпу матросов гринго, то лучше скорее перейти на другую сторону улицы – или можете по физиономии получить. У них развлечение – показывать приемы бокса на прохожих, как сбить с ног одним ударом. И к женщинам пристают – я слышал, были и случаи, когда просто хватали, и в машину.

Пароход «Святая Мария», который был нужен путешественникам, должен был прийти лишь завтра. Пришлось заселиться в отель «Капитан Морган» – который, несмотря на название и вывеску с изображением свирепого одноглазого пирата с черной бородой, был весьма скромным заведением, однако же расположенным близко к порту. Осматривать город не стали – поскольку, по заверению Рохо, «хотя Панама основана испанцами еще в 1519 году, и еще раз, после сожжения ее пиратами Генри Моргана, в 1673 году, но ничего примечательного тут нет – ну разве что развалины того, старого города, в семи километрах отсюда».

– Этот город был построен как перевалочный пункт между Испанией и «вице-королевством Перу». Сюда везли груз со всего тихоокеанского побережья, прежде всего перуанское серебро, дальше посуху тащили до порта Колон, уже на берегу Атлантического океана, а там снова на корабли и в метрополию. С падением испанской колониальной империи здесь настало время сонного захолустья, эта земля принадлежала Колумбии – и так до начала нашего двадцатого века, когда Канал все же построили, со второй попытки¹³. И тут же оказалось, что это территория «панамского народа, жаждущего освободиться от колумбийского угнетения, под мудрой опекой Соединенных Штатов», свежепровозглашенная республика была признана в Вашингтоне меньше чем через час – в истории дипломатии рекорд! А буквально на следующий день и американские войска вошли «для защиты от колумбийского вторжения и по просьбе

¹³ Первая попытка была предпринята в 1880-х, под руководством Лессепса, знаменитого строителя Суэцкого канала. Закончилась неудачей и сопровождалась столь фантастическим размером коррупции и мошенничества, что слово «панама» стало обозначением грандиозной аферы.

законного правительства Панамы», и «равноправный» договор был подписан, о передаче территории вокруг Канала великому и доброму северному соседу «на вечные времена» – хотя панамцы уже требуют пересмотра и даже каких-то формальных уступок добились по мелочи. А кроме Канала в этой стране, считай, и нет ничего ценного. И десять миль вокруг него – это по факту территория США, аборигенам туда ходу нет, конечно кроме тех, кто работает на американцев, и нас туда не пустят без американской визы. Хотя вся так называемая республика Панама – это не более чем провинция при Канале, где гринго полные хозяева, и их послу дозволено ногой дверь к местному президенту открывать.

Расположились в «номерах», сложили там багаж, спустились в зал пообедать. И тут судьба послала приключение в виде компании уже подвыпивших американских матросов. Которые, еще входя, сшибли на пол кого-то из посетителей, не успевшего убраться с пути, – и выбрали лучшие места посреди, кого-то согнав, у кого-то отобрав стулья. Облапали официантку по всем местам, сопровождая непристойными выражениями. И расселись, всем своим видом показывая, что все вокруг принадлежит им – но мы сейчас добрые, так что позволяем присутствовать на нашем празднике!

– Эй, кабальерос! Виски и обед! Да поживее, черт побери!

Официантка что-то замешкалась, и американцам это явно не нравилось. Один, самый наглый, встал, направился к стойке – но, проходя мимо стола нашей компании, остановился, взглянув на блюда и бутылки. Не спросив разрешения, схватил, хлебнул, скривился.

– Тошнотворное пойло! И как вы, кабальерос, можете пить такую гадость? Эй, ты чем-то недоволен? Так пей!

С пьяным гоготом выплеснул остаток из бутылки в лицо Эрнесто. И приготовился врезать наглому латиносу, если тот посмеет возражать. Вот сейчас встанет – и сразу получит боксом в физиономию! Чтобы впредь уважал Флот США – который защищает весь мир от прихода коммунизма!

Стерпеть такое, да еще на глазах у дона Педро и своих же «гвардейцев», было никак нельзя! Вот только встать и быть битым – не лучший выход. И не зря «майор» дель Рио (который в действительности носил другую, русскую фамилию) несколько лет обучал Гевару высокому искусству ближнего боя (не «рукопашного» – поскольку включал умение пользоваться не только руками и ногами, но и всякими острыми или тяжелыми предметами). Умение, которое на войне используется очень ограниченно (меньше верьте кино), зато отлично воспитывает навык мгновенно оценивать ситуацию и находить «двигательное решение». Если ты лежишь или сидишь, а противник стоит – то очень эффективно одной своей ногой зацепить его ногу, а другой ударить ниже колена. И лишь после – встать и добивать. Падать тоже надо уметь – можно сгруппироваться, уйти в перекат, и в секунду ты снова на ногах, как кукла-неваляшка. А так, как рухнул американец – с размаху, во весь рост, да еще и на спину, – хуже всего! Очень больно – а если «повезет» неудачно попасть затылком на что-то выступающее, то вплоть до летального исхода. И в любом случае этого гринго в дальнейшем можно было за боевую единицу уже не считать.

«Гвардейцы» – Бенито, Хуан, Рамон, Хосе, Хорхе, Пабло – рванулись в бой без команды. Вбито в них было тем же «майором» дель Рио, что первые секунды драки, когда противник еще не успел мобилизоваться, – самые успешные. Особенно когда врагов больше – а американцев было четырнадцать (вернее, уже тринадцать) против шестерых (молодого дона Эрнесто следовало от драки оберегать, новички Рохо и Феррер были величиной неизвестной, и уж точно не делом дона Педро было участие в трактирных потасовках). Матросы гринго новичками в подобных сражениях не были и боксом владели – но первоначальная расслабленность сыграла роль, и еще четверо американцев улеглись на пол (иные даже подняться из-за стола не успели), прежде чем бой закипел всерьез. Однако к шестерым «гвардейцам» присоединился Феррер, схватив стул, и Рохо, размахивая тяжелой оплетенной бутылкой, Эрнесто тоже хотел участво-

вать, но вот незадача, всякий раз между ним и американцем оказывался кто-то, или Бенито, или Хосе. А затем в драку включились посетители заведения, числом с десяток или больше – и американцам резко поплохело. «Гринго бьют», ну как упустить такое веселье? Оказавшись в явном меньшинстве, матросы пытались прорваться на улицу, но делали это тактически безграмотно, каждый сам за себя – вместо того чтоб собраться строем, прикрывая друг друга. Потому выскочить наружу удалось лишь троим – а прочие или лежали недвижно, или скрючились на полу, осыпаясь ударами, били американцев со всем старанием, и не только кулаками, но и всякими предметами и даже ногами. Гринго бьют – когда еще представится такой случай?

Крики, треск ломаемой мебели, звон бьющейся посуды. И вдруг выстрел, перекрывший весь этот шум. В руке дона Педро был браунинг «Хай пауэр», девять миллиметров, – но по убойности кольту сорок пятого калибра мало уступит. Пуля ушла в потолок – но в зале сразу возникла тишина. И как стоп-кадр.

– Довольно! Еще убьете – и тогда разбор будет куда больше, чем за битые морды. Выкиньте этих на улицу – только деньги у них возьмите, заведению в уплату за весь этот погром!

Приказ был выполнен с энтузиазмом – особенно последние его слова. Американцев облегчили от всего ценного – правда, какую-то часть честно вручили хозяину «Капитана Моргана» дону Мигелю. И выбросили тела на улицу – где даже те, кто притворялся бесчувственными тушками, вдруг резво встали и припустили бегом. Чтобы вернуться во главе отряда своих товарищей из числа отпущенных в увольнение с эскадры ВМС США, стоящей на рейде. Горя праведной жадой мести – ведь в этом туземном городе лишь мы имеем право бесчинствовать, а когда так поступают с нами, это непорядок, потрясение основ! Тем более что мы в этом поганом шалмане и сделать-то ничего не успели – избили нас ни за что, а это полное безобразие!

И обнаружили перед «Капитаном Морганом» патруль военной полиции. Хозяин отеля каждый месяц платил некоему американскому чину – а как иначе тут вести успешное дело, «защитники от коммунизма» в первую же неделю тут все погрозят! Платил за избавление от подобных неприятностей – и телефон в отеле был, и вот удача, вышеуказанное лицо оказалось на месте. Так что желание возмездия у американских моряков сразу поубавилось, невзирая на свое подавляющее большинство – но драться уже не с местными, а с собственной военной полицией ищите дураков! Тут уже не будет после «с военной базы выдачи нет» и никаких «неустановленных лиц в форме военнослужащих США» – всех установят и накажут вовсе не дисциплинарно, ну а военная тюрьма – это место очень паршивое: говорят, что год там стоит пяти в тюрьме обычной. Матросы дураками не были («идиотов Уилсона» на флот не брали – ну как им сложную технику доверить), так что ситуацию оценили правильно – смирно стояли поодаль и ждали, что будет, ну а самые осторожные поспешили исчезнуть.

А внутри «Капитана Моргана» в отдельном кабинете лейтенант военной полиции США пил виски, беседуя с доном Мигелем. Еще присутствовали дон Педро Бельмонте, уважаемый коммерсант, имеющий множество влиятельных знакомых в Штатах, а в настоящий момент работающий на миссию Римской церкви. И дон Эрнесто Гевара, врач и журналист, автор известных заметок, изданных в прошлом году даже в Европе, и его спутники, аргентинцы также из благородных семей, изъявившие желание помочь в богоугодном деле. Прибыли в этот город по пути, дальше намерены посетить Коста-Рику, Сальвадор, Никарагуа и Гватемалу, остановились в этом отеле, мирно обедали – и тут ввалились какие-то подозрительные личности в форме Флота США, которые вели себя совершенно неподобающе, словно бандиты Панчо Вильи! И именно они затеяли ссору, без всякого повода оскорбив благородного дона Гевару... ну и получили то, что заслужили! При том что дон Бельмонте всячески старался не допустить смертоубийства – но, простите, было совершенно невозможно уследить за сохранностью собственности пострадавших. Тем более что в драке участвовали какие-то совершенно неизвестные лица, успевшие скрыться. Ну а избитые – о, конечно, они все будут утверждать, что у каждого в кар-

манах было по тысяче американских долларов, которые заведение должно им возместить! Так насколько известно, в самих Штатах существует негласное правило при подобных инцидентах: «Проигравший платит за все разбитое», – пусть тогда казна США заплатит отелю за все, что разгромили здесь ваши пьяные матросы!

Офицер слушал, кивал, пил виски и делал пометки в блокноте. Он был южанином, виргинцем – а потому аристократов уважал. И по должности, если не прочел «Записки мотоциклиста» некоего Гевары из Аргентины, то слышал о наличии этой персоны и публикации его дневника. Также не был дураком и имел политическое чутье – если это и правда столь известные фигуры, то тронь их, шум поднимется далеко за пределами Панамы и, возможно, даже этой части света. Что вряд ли понравится в Вашингтоне – где и так уже раздражены, что на американских военнослужащих во всем мире начинают смотреть как на подонков, наркоманов и тупиц, будто «идиоты Уилсона» – это вся армия и флот! Так что простите, парни с флота, вам сегодня не повезло, не на тех напали – да еще дали себя избить, так что виноваты вдвойне. Наказывать никого не будем, они и так уже пострадали. А завтра эти гости уедут, и все вернется на круги свои. Хотя небольшая формальность не помешает...

– Однако же трое военнослужащих ВМС США попали в госпиталь. И проведут там длительное время. Что мы будем с этим делать, сеньоры?

– Мы искренне сожалеем, – дон Бельмонте положил на стол зеленую бумажку с портретом Франклина. – Я полагаю, этого достаточно для их лечения?

– Конечно! – лейтенант подумал, что тем кретинам достаточно будет и лечения за казенный счет. – Но все-таки я советовал бы вам не задерживаться в этом городе, во избежание инцидентов. Ваше судно приходит завтра – отлично. Тогда вам лучше не покидать отель до того – а затем мои люди будут проинструктированы сопровождать вас до причала, чтобы ничего не случилось по дороге.

Отель «Капитан Морган» с того дня получит у местного населения второе негласное имя «У битых гринго».

Много лет спустя бывший матрос ВМС США Дональд Нил станет достопримечательностью своего городка в штате Аризона, рассказывая репортерам и просто желающим послушать, как он когда-то в молодости подрался в баре в Панаме «с самим Че Геварой».

А фотография, сделанная кем-то из репортеров во время следования наших путешественников под охраной военной полиции США из отеля в порт, также через много лет войдет в советские книжки и учебники по истории – с подписью «американский империализм высылает Эрнесто Че Гевару из Панамы».

Из выступления Б. Голдуолтера, сенатора от штата Аризона, в Конгрессе США, июль 1954-го

Угроза мирового коммунизма требует от всего «свободного мира» монолитного сплочения. Любой, кто разрушает это единство под влиянием собственных эгоистических интересов, – тот явный или тайный сторонник коммунистов. И я спрашиваю вас – отчего наша страна должна нести большую долю груза, большую часть затрат на этом фронте священной борьбы добра со злом, а кто-то пользуется нашей защитой, принимая это как должное? Почему американские войска должны безвозмездно защищать кого-то от коммунистического вторжения? Если у наших противников из Московского договора принято, что те, кто не может выставить воинский контингент, должны заменить его финансовым взносом. А разве Сталин платит в казну ГДР хоть пфенинг за свои военные базы на германской территории?

Соединенные Штаты Америки – это самая миролюбивая страна в мире! Нам не нужны колонии – мы защищаем лишь свободу и демократию. Если наши войска находятся сегодня на территории какой-то другой страны – то исключительно ради того, чтобы туда не пришли

коммунисты. И потому будет в высшей степени справедливо, если содержание этих войск будет возложено на страну, где они пребывают. За свою безопасность везде принято платить! Ну а если кто-то настолько небогат, что не может себе это позволить, – что ж, мы готовы предоставить кредит и рассмотреть варианты его погашения.

Я предлагаю дополнить соответствующей статьей Устав Организации Атлантического Договора. Равно как и других военных союзов, в которых состоит наша великая держава. А также договоры с теми странами, где наши войска вынуждены находиться ради защиты наших национальных интересов.

***Карикатура Х. Бидструпа, перепечатана многими
европейскими газетами, а также «Правдой» и «Известиями»***

Обывательская квартира, в углу робко жмутся хозяева, а за столом и на диване расположились личности самого гангстерского вида, но в военных мундирах США.

– Мы у вас тут поживем, на вашем иждивении. А то вдруг вас кто-нибудь ограбит!

Снова Эрнесто Гевара.

Ретроспектива – январь 1954-го

«Святая Мария» была крупным грузопассажирским судном, приспособленным под плавающий госпиталь – в нескольких каютах оборудованы больничные палаты, изолятор, операционная, зубоучребный кабинет. В трюмах был груз – медикаменты, медицинское оборудование, продукты, палатки. А в салоне на обед собрался целый интернационал – звучала речь испанская, итальянская, французская и даже что-то похожее на русский (в котором Эрнесто был пока не слишком силен). Отдельно сидели шестеро святых отцов, все остальные были мирянами, в большинстве медработниками.

– Тут и журналисты есть, – заметил дон Педро, – вот тот римлянин от «Мессанджеро», тот сеньор от «Алфавита»¹⁴, а та мадмуазель от парижской «Ле монд». Кстати вы, «гвардия», тоже марку держите, раз назвались аргентинцами из знатных семей, спутниками благородного дона Эрнесто. Доны имеют полное право быть там, где им хочется, – хотя бы ради любопытства и борьбы со скукой. И убедительно прошу пока воздержаться от политических диспутов!

Эрнесто полагал, что католическая миссия должна если не целиком состоять из святых подвижников, то по крайней мере они должны присутствовать в значимом числе. И был разочарован, после нескольких знакомств обнаружив в собеседниках исключительно меркантильные интересы. Как, например, француз Поль Ренье – толстячок уже в возрасте, с которым Эрнесто познакомился за ужином, говорил:

– Ты аргентинец? Счастливчик – у вас не было ни одной Великой войны. А мне вот везло поучаствовать. В два дцать шестом меня только призвали – и в Марокко, к риффам в плен попал, чудом жив остался. После хотел на гражданку уйти, а тут Депрессия, и в казарме хоть кров и обед казенные. Дослужился до адюжана, это по-вашему фельдфебель, в сороковом даже увидеть немцев не пришлось до капитуляции, наш полк в тылу стоял, под Тулузой. А

¹⁴ ABC, она же «Алфавит», одна из самых популярных испанских газет, основанная в 1903 году.

после – Еврорейх, Днепр, русский плен, слава господу, не в Сибири. И занес же бог в Киев, где в сорок четвертом был мятеж, и опять к советским в плен, меня хотели на месте расстрелять как *banderovsryu mordu* – наверное, это какое-то ужасное русское ругательство! – но затем пожалели, заставили трупы повстанцев хоронить¹⁵. А после еще и Вьетнам, и снова к красным в плен, в пятьдесят третьем, перед самым нашим уходом. Не иначе судьба – быть мне в итоге убитым дикими варварами. А что делать, если всякий раз оказывалось, что на гражданке для меня нет места, нет работы? Теперь вот к святым отцам подрядился – хоть медбратом, санитаром могу быть. И заплатить мне за это обещали – надеюсь, не обманут. А где эта чертова Гватемала, я не знаю и знать не хочу!

Фелипе Суарес из Барселоны тоже не был врачом.

– Ну ты скажешь, амиго! Имей я диплом, ноги моей на этом корыте бы не было! Просто дома у нас сейчас, конечно, полегче, чем десять лет назад, но все равно работы хватает не для всех. И на заработки мы ездим по всей Европе, даже в Россию – знал я парня, который туда мотается третий сезон подряд и очень неплохой навар привозит. Если советские даже за самую черную работу платят так хорошо – то представляю, сколько получают их врачи или инженеры! Но мне туда вход закрыт – так вышло, амиго, что пятнадцать лет назад я воевал не на той стороне. И русским властям, в общем, все равно – но не дай бог попасться в России на кого-то из бывших наших, кто тогда дрался за бешеную Долорес. Вспомнят про «военные преступления» – и меня в Сибирь, к белым медведям. Так что заработаю я здесь хоть что-то. А если тебе врачи нужны – то вон они, вместе кучкуются, белая кость, на таких, как я, свысока.

Еще был итальянский журналист, даже фамилию которого Эрнесто не запомнил, он все расспрашивал про давнее путешествие на мотоциклах. Югослав Душан (это его речь Эрнесто принял за русскую). И еще кто-то, в памяти не оставшийся – боже, как голова болит, не надо было пить столько текилы и чего-то еще, гораздо более крепкого! Помню лишь, что Рохо, счастливчик, сидел уже в обнимку с дамой – той самой репортершей из «Монд», которая изобрала из себя отважную искательницу приключений, подобие Индианы Джонса в юбке. А дальше все расплывалось – как он оказался на койке в отведенной ему каюте, Эрнесто решительно не помнил.

– Бенито и Рамон тебя принесли, – сказал дон Педро, сидевший возле койки. – Меру надо знать, Команданте. Знал я когда-то одного умного человека, который подчиненным делал разнос – господа офицеры, ну сколько можно пить? Литр, два литра – ладно, но зачем надираться как свинья? Если не знаешь предел, за которым лично твои проблемы, – не пей. За каким хреном ты своему дружку Рохо дал в морду и на его мадмуазель полез при всех?

Эрнесто удивился – он решительно этого не помнил. И ужасно раскалывалась голова!

– Рот открой! – приказал дон Педро. – Эту пилюлю проглоти, запей. Чаем, а не текилой! Вот так – теперь через полчаса будешь свежий. До того лежи – после выйди на палубу, проветришься. И не выпади за борт – впрочем, я твоим гвардейцам скажу, чтоб присмотрели. Да, и извинись перед Рохо – или готовься к тому, что он тебя вызовет на дуэль.

И, уже выходя из каюты, обернулся и добавил:

– И на будущее, если снова придется пить – очень рекомендую перед этим съесть что-то жирное: бутерброд с толстым слоем масла или кремовый торт. Снижает воздействие алкоголя.

Солнце всходило за кормой – наступило утро. «Святая Мария» шла курсом на запад. Лекарство дона Педро оказалось чудодейственным – головная боль прекратилась. Хотя настроение было самым депрессивным – как у джеклондоновского героя, который шагнул за борт. Потому что был слишком слаб? Нет – он был одиночкой, а никакой супергерой не может быть сильнее всего окружающего мира! И у него не было Цели – зачем тогда жить? А есть ли эта великая цель у него, Эрнесто Гевары? Бенито и Хосе держатся позади, а вон и Рамона с Хорхе

¹⁵ О том см. «Союз нерушимый».

вижу – да успокойтесь вы, не выпаду я за борт и тем более не прыгну! Какая-то мысль в голове сверлит, покоя не дает... Да, кто знает, в каком порту мы будем и когда? Хочется поскорее на твердую землю – хоть и не качает сейчас, а все равно...

– Капитан говорил, будем в Пунта-Аренасе послезавтра, – поспешил ответить Бенито.

Что? Какой Пунта-Аренас – мы что, к мысу Горн плывем? Это что, я неделю валялся? Погодите, а отчего тогда солнце сзади – или мы уже в Атлантике?

– Команданте, так это не тот Пунта-Аренас, что на Огненной Земле! А тот, который порт в Коста-Рике.

Тьфу ты! Географию забыл. Ладно, ребята, вы отойдите, не маячьте рядом. Ничего со мной не случится. Ну хоть на десяток шагов, вон туда. А я вот тут присяду.

Интересно, а что бы было, если бы Мартин Иден тогда принял предложение Руфь? Женился бы на ней – уже ставший богатым, преуспевшим, принятым обществом, – и прожили бы они долго, счастливо... и скучно. Как отец, Эрнесто Гевара-старший – ставший бледной тенью прежнего красавца, прожигателя жизни. Когда почти всю ее прожог и потратил, искренне считая, что раз смысл жизни – это получать от нее удовольствие, то чем еще заниматься? А вот дон Педро не таков – он подобен другому герою Джека Лондона. Нет, не Волку Ларсену, а тому, который носил прозвище Время-Не-Ждет. Все в нем подчинено стремлению к цели – и эта цель явно не выращивание чая матэ, хотя плантацию Матавердес сегодня не узнать, так все изменилось в сравнении с временами хозяйствования Гевары-старшего: новые машины и просто немецкий порядок.

– Вы пребываете в душевном смятении, сын мой?

Отец Франсиско – глава католической миссии. Выглядит как образцовый пастырь Божий. По-французски говорит правильно, но с едва заметным акцентом – очевидно, что этот язык ему не родной. Эрнесто Гевара и прежде был не слишком религиозен, как подобает образованному человеку, – а то, что видел он во время вояжа на мотоцикле, нанесло по остаткам его веры сильнейший удар. И что сейчас мог сказать ему этот старый священник?

– Знаешь ли ты, сын мой, сколько людей за минувшие века задавали эти вопросы? – сказал отец Франсиско, выслушав сбивчивую речь Эрнесто, рассказавшего об увиденном два года назад и мысли по этому поводу. – И позволь, я попытаюсь ответить тебе, в меру моих сил. Касаемо Церкви – она нужна не Богу, а людям. Подобно тому, как ты можешь обедать в чистом поле, расстелив на земле платок, можешь в бедном доме на грубо сколоченном столе, а можешь в обеденном зале дворца, с фарфоровых блюд – так и совершать таинства и молитвы подобает в храме, роскошное убранство которого нужно не Богу, а тебе. Что до страданий тех несчастных, то наш христианский Бог, в отличие от языческих божков, не карает живущих на этой земле за грехи и не награждает за благие дела – все это ждет нас, лишь когда мы завершим здесь свой земной путь и предстанем перед судом высшим. И протестанты, придумавшие, что успех или бедствия в этой жизни есть знак милости или немилости Божьей – впервые эту идею высказал Кальвин четыреста лет назад, но и у североамериканцев она очень популярна, – суть еретики, ибо они отрицают главное: свободу воли человека. Разве Бог велел, чтобы те страждущие, кого ты видел, не получили помощи – и разве Он запретил имеющим излишки эту помощь оказать? Ты спрашиваешь, если Бог всемогущ, то как Он терпит на земле зло и бедствия? Но если бы Он Сам взял бы на Себя работу установить и поддерживать в этом мире рай – то люди бы стали не более чем его марионетками. Бог дал нам свободу творить как добро, так и зло, – и каждого в конце ждет суд за все, им сотворенное.

То есть функция Церкви – лишь совершать обряды? Зачем мы тогда плывем сейчас в Гватемалу – там разве не хватает храмов? Знаю, что в трюмах этого судна – но разве недостаточно светской медицины, лечить больных?

– Видишь, сын мой, какие толстые стекла, – отец Франсиско снял очки, – без них я вижу мир нечетко, расплывчато, не могу различить даже близких предметов. Но вот я надел

их – и многое становится ясным, обретает очертания. Так и слово, сказанное вовремя и к месту, может так же помочь чьей-то мятущейся душе. Что касается практической деятельности Церкви – то мы видим в мире много политических сил, уверенных, что только они знают истинный путь для всего человечества. Или как минимум для тех, до кого могут дотянуться. И все партии, все вожди, все политики уверены, что ведут людей к счастью. Но скажи, много ли счастья прибавилось в этом мире от двух Великих войн, других войн поменьше, революций, переворотов? Не буду отрицать, что и Церковь прежде внесла свою лепту в это кипение вражды – но это уже в прошлом. Сегодня Святой престол предлагает иной путь, помощи страждущим и бедствующим. Так от какой деятельности в земном мире будет больше счастья и он станет больше похож на рай и меньше на ад?

Отче, может, затем я и выбрал профессию врача? Но уж точно я никогда не стану священнослужителем, уход от мира в монастырь – это не по мне.

– Ты еще слишком молод, сын мой, – и одному лишь Господу дано видеть твой дальнейший путь. Знаешь ли ты, что и я не так давно не был служителем Церкви и носил совсем другое, мирское имя – в стране, которой сейчас нет. Ее не стерли с карты мира – но сейчас там хозяйничают иноземцы, сменившие других захватчиков. А ведь мы были одной из европейских держав со славной древней историей! Которую я преподавал своим ученикам – да, я был тогда учителем в школе. Мальчики мои, я вижу их как живых – Янек, Сташек, Марек, Томек, Вапек, Зденек, Стефан, Владек, Юзек. Их всех сожрал молох последней войны – каждого в уплату за какую-то ничтожную цель: за пару убитых врагов или сожженный танк. Тогда я и дал обет, что, если Господь позволит мне пережить то страшное время, я стану служителем Божиим. И Бог услышал мои молитвы – вот только то, что настало после, было еще страшней. Из нашей страны вынули душу – те, кто мог вступить, все погибли, а слабые поддались на подначки победителей, согласившись забыть свои корни, свою веру, свой язык. И я тоже не смог – бесполезно увещевать тех, кто не слушает! Теперь мое Отечество – это весь мир. А всего пятнадцать лет назад – думал ли я, что так будет? Так же и ты, сын мой, – можешь ли знать сейчас, кем станешь через десять, пятнадцать, двадцать лет?

– Отче, есть хорошее правило: когда не знаешь, что делать и куда идти, слушай свою совесть! – дон Педро подошел неслышно, как следопыт в лесу. – Поступай по совести и чести, не предавая никого, в том числе и себя. А дальше Бог рассудит – если Он есть.

– Не богохульствуйте, сын мой! – вскинулся отец Франсиско. – Уж не являетесь ли вы коммунистом? Не верящему в существование Господа нашего – нечего делать на этом корабле!

– Отче, я всего лишь деловой человек, – смиренно ответил дон Педро, – и верю лишь тому, доказательства чего видел собственными глазами. Я не сказал, что Бога нет. Я лишь хотел бы увидеть факт Его наличия – но боюсь, что сейчас мы углубимся в дебри, где армии богословов сломали тысячи перьев. Потому позволю лишь чуть дополнить вашу беседу с моим молодым другом. Ваш путь помощи страждущим, который обеспечивает счастье, – вы филантропию имеете в виду? Так по моему убеждению, это тропинка для очень малого числа, но никак не для всех. Как вы представляете себе, чтоб по вашему пути на земле не осталось голодных – манну небесную станете всем раздавать? Даже если вы ее найдете – кончится тем, что сильные и богатые отберут ее у слабых и бедных, чтобы им же продать, за их труд. Вы скажете, что эти недобрые люди после смерти попадут в ад – так я отвечу, что подобные увещевания отчего-то за все прошедшие века так и не сумели убедить богатых поступать милосердно.

– А я вам отвечу: а много ли среди образованных людей, к которым, как правило, принадлежат и сильные мира сего, – искренне верящих в Бога? Образование и наука дали людям огромную мощь – но также, несомненно, нанесли огромный вред в морально-нравственном плане. Ведь если нет рая и ада, то значит, дозволено все! Потому долг Церкви сегодня – заботиться не только о телах, но и о душах человеческих. Политики считают, что мир можно изменить к лучшему, вводя новые законы. А мы – что того же самого можно достичь без крови

и слез, а лишь достижением морального совершенства. И какой из путей в рай – более милосерден?

– В ваших рассуждениях есть один изъян, отче, – сказал дон Педро, – что делать, если результат нужен немедленно, здесь и сейчас, иначе смерть? Представьте, что этот корабль, на котором мы находимся, получил пробоину. Тогда, чтобы не утонуть – у нас нет времени на долгие исследования природы вливающейся воды, а если мы все не хотим безвинно прекратить земное существование, надо и эту воду откачивать за борт, не думая о судьбе каждой неповторимой капли, и еще пробоину заделать, чтобы вода снова не вливалась. Можно и нужно бороться с бедностью и болезнями – но также весьма полезно было бы найти причины, из-за которых эти бедствия множатся, и устранить их. Медицинским языком говоря, не всегда одной терапии достаточно – иногда и хирургия требуется, разрезать, даже по живому, и снова сшить.

– Вы оправдываете революции? Войны, насилие, смерть?

– А где я сказал про революции? Я говорю – политические изменения. В любую сторону – как влево, так и вправо. А уж что за этим следует, это частности. И при лечении в процессе могут возникать и кризис, и абсцесс, требующий вскрытия.

– Вы говорите как политик, а не как делец. Я полагал, что бизнес требует покоя и порядка.

– К вашему сведению, отче, – в Китае один и тот же иероглиф обозначает и «кризис» и «большую возможность». Но вы напрасно беспокоитесь – сейчас я на одном корабле с вами, и плыву в том же направлении. А какой мой интерес в Гватемале, о том позвольте не отвечать – коммерческая тайна!

Святой отец взглянул на дону Педро с нескрываемой враждебностью. И презрением, как показалось Эрнесто.

– Уж не те ли ящики, что грузили в Неаполе в дальний конец трюма? Будто бы сельскохозяйственные машины и части к ним.

– Понятия не имею, о чем вы, святой отец, – безмятежно ответил дон Педро, – но позвольте дать вам совет. Если вы считаете, что ваш сан может всегда защитить вас от вашего языка, то вы сильно ошибаетесь. Я-то, как послушный сын Церкви, на стороне сил добра – а вот за других не ручаюсь. Так что лучше бы вам не болтать – если верна моя догадка об упомянутых вами ящиках и их истинном владельце.

– Стервятники! – бросил отец Франциско. – Вместо милосердия и смирения, в котором так нуждается бедная страна, терзаемая революцией, вы несете туда это! Даже если вы, сын мой, не причастны к этой грязи, то все равно виновны – если догадываетесь и молчите! И я промолчу, коль мне велено, – слаб человек! Но Господь наш все видит, и рассудит, и воздаст!

И он с достоинством удалился.

– Вот дерьмо! – тихо выругался дон Педро. – Чертовы святоши, это у кого там слишком длинный язык?

– Вы солгали святому отцу? – спросил Эрнесто.

– Мой мальчик, я учил тебя логике? – усмехнулся дон Педро. – В ответ на вопрос о *каких-то* ящиках я ответил, что понятия не имею, о чем речь. И это абсолютная правда – я ведь не являюсь суперкарго этого судна. И не умею читать чужие мысли, а потому не знаю, что имел в виду отец Франциско – те ящики, в которых и правда сельскохозяйственные машины? Или те, что спрятаны под ними. Манера служителей Церкви выражаться витиевато и намеками иногда работает против них. Вот если бы он прямо спросил, имею ли я отношение к тому, что не указано в нашей грузовой декларации, и перечислил бы – пятьдесят пулеметов МГ-42, четыре сотни маузеровских винтовок и еще кое-что, – а я бы ответил, что не знаю, это был бы грех перед Богом.

– А кому мы везем это оружие?

– А вот об этом, Команданте, тебе пока лучше не знать. Одно тебе обещаю – что уж точно не силам тьмы. Знать бы только, кто в том месте является силами света!

Коста-Рика – по-испански, «богатый берег». Рай на земле – лето круглый год, где лишь сухой сезон (с декабря по май) сменяется сезоном дождей (другие полгода). Вечнозеленые леса, напоминающие Эдем – где не было опасных зверей. Плодородная земля, дающая два-три урожая в год, – но хорошие участки лежат вразброс, на вулканических плато вдали от берега, а не одним большим куском. Потому здесь никогда не было латифундий, как не было и нищеты – коренное население до прихода испанцев было очень малочисленным, а ехали сюда из метрополии не столько благородные доны, искатели приключений, как простые крестьяне за лучшей долей. Также и негров сюда особенно не завозили. Вот и сложилось, что народ здесь как «малая Испания», даже метисов мало, а индейцев почти нет. Зато сильны традиции демократии: много мелких самостоятельных хозяев (причем европейцев по культуре), но нет сверхбогачей.

– Земля свободы, – сказал Рохо, – с тех пор, как шесть лет назад Хосе Фигерес сверг диктатора и милитариста Теодоро Пикаро. И распустил армию, оставил лишь полицию для охраны порядка, поскольку «мы никому не угрожаем и не собираемся ни с кем воевать».

– Пикаро был ставленником Кальдерона, вождя Национальной республиканской партии, – заметил дон Педро, – которая представляла собой странный союз католиков и коммунистов, была правящей с 1940-го по 1948-й. А сверг ее Фигерес, глава Социал-демократической партии, кофейный плантатор, но также истовый приверженец демократии и либеральных свобод, «собственность, семья, церковь, порядок». Смешно, но Кальдерон и Пикаро, считая себя «левыми» и антифашистами, – опирались на помощь Сомосы, которого Фигерес во всеуслышание сравнивал с Гитлером. Дон Анастасио в ответ обижался, бряцал оружием – а когда Фигерес победил, то едва не дошло до никарагуанского вторжения, да и сейчас отношения с этим соседом весьма прохладные, включая периодические закрытия границы и таможенные войны. Впрочем, Фигерес к прочим соседям-диктаторам относится несколько не лучше, с охотой привлекая у себя всех борцов за свободу и несостоявшихся «кандидатов на престол». Уже собрал их столько, что верно замечено, ему и армия не нужна – когда есть Карибский легион, в котором кого только нет: профессиональные революционеры, искатели приключений, политические изгнанники, авантюристы и просто наемники – никарагуанцы, доминиканцы, кубинцы, гватемальцы и даже испанские республиканцы, бежавшие из страны после победы Франко, равно как и бывшие граждане стран Еврорейха, «не принявшие коммунистический режим и опасавшиеся репрессий».

– Бумажные солдатики, – презрительно бросил Феррер, – сражаются за свободу, большей частью в столичных кабаках.

– В сорок седьмом они пытались свергнуть Трухильо, – возразил Рохо, – в сорок восьмом здесь сыграли решающую роль в победе Фигереса. В сорок девятом были готовы защищать эту страну от никарагуанцев. В том же году снова выступили против Трухильо.

– И с каким результатом? – насмешливо спросил Феррер. – В сорок седьмом на Кубе Батиста по просьбе Трухильо арестовал их транспорта, тем дело и кончилось. В сорок девятом лишь окрик из Вашингтона спас Коста-Рику от вторжения армии Сомосы. Вторая попытка против Трухильо также закончилась не начавшись – когда мексиканские власти арестовали зафрахтованные самолеты. К великой удаче для этих картонных вояк, поскольку воздушный десант на чужую территорию – это вещь очень трудная и опасная. Итого, единственно в их активе – это поддержка своего местного покровителя, который считает это воинство *своей* партийной армией, наподобие того, как, уж простите за сравнение, у Гитлера были Ваффен СС, а у дуче – «чернорубашечники». Вот только по реальной боеспособности этим героям в сравнении с теми – как отсюда до Луны. Впрочем, в этой части света даже нормальные армии гораздо чаще были средством не внешнего, а внутреннего употребления – так что для поддержания порядка сойдет. Ну а реальная причина, отчего нашего отважного борца за свободу никто не смеет тронуть, – это тот факт, что США нуждаются в «скамейке запасных», на случай если какая-то из их горилл-диктаторов зарвется. И судя по тому, что тогда в сорок девятом гринго

выразили неудовольствие не только Сомосе, но и Фигересу и даже попросили, правда не слишком настойчиво, распустить Легион... То я бы на месте сеньора президенте не надеялся бы на слишком долгое благословение хозяина и готовил бы «запасной аэродром» где-нибудь в Европе.

От Пунтаренаса до Сан-Хосе было меньше ста километров – дорога наверх, а затем поворачивала на восток, оставляя слева гряду Центральноамериканских Кордильер. Места были очень красивые: изумрудная зелень лесов, лазурные озера и реки, хрусталь водопадов, белый песок пляжей – и эта дорога, проложенная еще испанцами. Главным богатством страны были эти леса, с древесиной редких и ценных пород, – а полезных руд и минералов тут не было вовсе.

– К счастью для Коста-Рики, – сказал дон Педро, – если бы здесь завтра нашли, например, нефть, то уже на следующий день американский посол сделал бы «предложение, от которого нельзя отказаться»: отдать все в концессию. А если бы президент оказался несговорчивым – то его преемник имел бы совсем другое мнение. Но пока что эта страна даже для «Юнайтед фрут» не слишком лакомый кусок – а по мелочи, немного плантаций бананов и кофе. Которые, однако, наш герой Фигирес, при всей своей риторике, даже и не пытается отобрать! В отличие от Арбенса...

– Если у Арбенса удастся, – заявил Рохо, – тогда и остальные станут решительнее.

– Лев стал стар, и шакалы осмелели, – произнес дон Педро, – вот только гринго куда моложе британского льва. И сильнее, и видят английский пример. Боюсь, что Арбенс очень плохо кончит – но не будем торопиться. Здесь мы задержимся на неделю или две, ну а после «будем посмотреть».

Столица, Сан-Хосе, выглядела не слишком внушительно – поскольку до 1824 года была всего лишь небольшим поселком и лишь после Великой Латиноамериканской революции (когда бывшие испанские колонии массово обрели независимость) стала столицей суверенного государства. Так что в этом городе было очень мало памятников архитектуры – хотя здесь впервые в Латинской Америке было введено электрическое освещение (в 1884 году – раньше, чем в иных европейских столицах), а в 1940-м учрежден университет. На первый взгляд, патриархальность тихой провинции – если не знать, какие политические страсти кипели здесь в клубах, барах, а иногда даже просто на улицах и площадях, благо климат позволял. Можно было, проходя мимо, увидеть спорящую толпу – и подойти, и послушать, и участие принять. К чести костариканцев, дело очень редко заканчивалось потасовкой, страсти кипели исключительно словесные. Однако же для Эрнесто было все внове – ну нельзя было даже представить в Аргентине Перона такие свободы! – и он не упускал случая присоединиться к каждому такому собранию, и слушать, и спорить, и знакомиться – назавтра встречая тех же людей на светских раутах, обедах и приемах (миссия Церкви здесь по авторитету не уступала посольству далеко не последней державы).

– Соединенные Штаты заинтересованы в демократическом развитии своих соседей! Конечно, иногда их политика кажется нам эгоистической – но взглянем правде в глаза: без американского капитала мы никак не можем решить свои экономические проблемы и обеспечить прогресс своей промышленности и торговли!

Это говорил венесуэлец Ромуло Бетакур, бывший коммунист, затем вождь своей партии «Демократическое действие». Был президентом Венесуэлы с 1941-го по 1948-й, эмигрировал после военного переворота, когда генерал Хименес, опираясь на армию, провозгласил президентом себя. Сейчас пребывал в положении изгнанника, пышущего благородной местью и строящего наполеоновские планы. Сводящиеся в основном к визитам в США и обиванию там порогов влиятельных людей – чтобы убедить их в своей полезности. А когда ему отказывали, он видел в том единственную причину:

– Коммунизм как клеймо. За грехи молодости – всю жизнь видят возмутителя спокойствия. Ну как убедить, что я вовсе не считаю большевизм – подходящим для стран Латин-

ской Америки? Иные большие люди меня даже на порог не пускали, наверное, считая агентом Москвы. А я ни одного русского коммуниста – со зверской рожей, в кожанке, с маузером – в глаза никогда не видел!

– Меньше верьте фантазиям месье Фаньера, – насмешливо сказал дон Педро, – и, кстати, одного русского коммуниста вы могли видеть, хотя и не лично. Портрет русского вождя Сталина в газетах – неужели ни разу вам не знаком? При том что он совсем не похож на фаньеровскую карикатуру и выглядит вполне респектабельно – если бы вы его встретили на Уолл-стрит и на нем не было бы маршальского мундира, а вы бы не знали, кто это, то приняли бы за одного из воротил. А ведь Фаньер пишет, что коммунизм заразен, как испанский грипп, и, возможно, неким вирусом передается. О боже, если вы были когда-то заражены – то я лучше от вас отойду. А то вдруг вы на меня чихнете и передадите инфекцию – и после меня, уважаемого бизнесмена, перестанут в иных нужных для меня домах принимать?

– Грех смеяться над бедным изгнанником! – возмутился Бетакур. – Что до пропаганды, то она для плебеев, но мы-то образованные люди! Или вы не знаете, для кого пишет Фаньер?

– Для гринго намного страшнее клеймо неудачника, – ответил дон Педро, – даже те из них, кто вовсе не религиозен, желают вам «удачи», которая для них как благословение Бога. А еще они очень любят считать деньги – и с охотой помогут вору и бандиту, если он «отмечен удачей» и это сотрудничество выгодно, но не дадут ни цента неудачнику, поскольку это будет капитал на ветер. Вы же, простите за правду, в их глазах неудачник – которому помогать нет никакого интереса. Вот если сумеете подняться – тогда «тот, кто сделал себя сам» у гринго весьма культовая фигура. Если сумеете – будете на коне. А нет – мои вам соболезнования!

Совершенно иной личностью был доминиканец Хуан Бош – который никогда не был коммунистом и даже относился к коммунистической идее весьма настороженно. Однако он был убежденным патриотом своей страны и так же твердо видел в США врага и душителя латиноамериканской свободы. А еще он был талантливым писателем, побывавшим во многих странах Латинской Америки и видевшим жизнь простых людей. И успевшим прочесть «Дневники мотоциклиста» – Эрнесто был польщен, что старший, гораздо более опытный литератор, составил не самое худшее мнение о его книге.

– Форма путевых заметок широка, но слишком поверхностна. И отсутствуют выводы о причинах виденных бед. Свобода, демократия – для гринго не больше чем красивые слова, прячущие их алчность. Бандита с Дикого Запада можно нарядить во фрак – но он все равно останется бандитом, привыкшим решать свои проблемы с помощью кольта и кулака. Именно Соединенные Штаты уже столетие диктуют нам свои правила, присвоив себе роль высшего судьи во всех наших спорах, именно Вашингтон сажает к югу от Рио-Гранде торговых марионеток вместо достойных людей, именно американские фирмы вроде «Юнайтед фрут» выжимают все из наших народов, относясь к рабочим на плантациях и рудниках даже хуже, чем к неграм во времена рабства: ведь раб все же был собственностью хозяина, с некоторой ценностью, – а искалеченного или престарелого работника легко можно вышвырнуть вон без всяких обязательств. А если где-то не желают подчиняться их законам – то приходит американская морская пехота. «Лучший способ наведения порядка: к каждой стенке поставить по бунтовщику» – это сказал генерал Першинг, умирив восставшую Мексику. Сегодня говорят и пишут о зверствах нацистов и японцев в минувшую Великую войну – но мир молчит, будто не зная, о том, что творили американцы на своем «заднем дворе». Как они залили кровью Никарагуа, подавляя восстание Сандино, как они вторгались на Кубу, в Гондурас – и в мою родную страну, трижды в начале этого века, и в последний раз их оккупация продолжалась восемь лет, с шестнадцатого года по двадцать четвертый, и вели себя совершенно как нацисты, жестоко подавляя любое недовольство, хватая и расстреливая доминиканских патриотов сотнями и тысячами. И это они посадили нам свою ручную гориллу Трухильо – бывшего вора и конокрада, который провозгласил себя «Шефом нации» и живым Богом на земле. Однако сегодня США имеют

большие проблемы во Вьетнаме и Китае – и потому есть некоторая надежда, что среди доминиканского народа найдутся здоровые силы, которые свергнут диктатора!

Еще Эрнесто запомнил поездку по стране – когда христианско-медицинская миссия, погрузившись в автобус, отправилась на полуостров Никоя, чтобы оказать помощь страждущим. На выборе этой провинции настоял дон Педро. Идиллические пейзажи, деревни среди райской зелени и счастливые люди: больных было на удивление мало – жизнь здесь была хоть и не богата, но без нищеты, потому что тут не было произвола корпораций и плантаторов, сгонявших крестьян с земли, не редкостью тут было встретить наделы, обрабатываемые одной семьей на протяжении нескольких поколений. Эрнесто запомнился старик, приехавший на велосипеде из соседней деревни на встречу с матерью – и этому любящему сыну было восемьдесят восемь лет, а дорога занимала десять километров в одну сторону.

– Я тут с малолетства работаю. Школу не кончал, читать меня святой отец научил, а больше ничего и не надо. До полудня тружусь, а как жарко станет, в гамаке лежу в тени. Так и жил все годы. Восемь детей, внуков уже за три десятка, и правнуки есть. Война была – да, слышал что-то такое. А я радуюсь – солнышко утром встало, вот еще один день наступил.

Его матери было сто десять лет. Эрнесто был удивлен – за одну эту поездку, в одной провинции обнаружив около десятка столетних долгожителей. Причем все они вовсе не были немощными – работали в своем огороде и сохраняли вполне здравый рассудок. Такой случай заслуживал быть занесенным в анналы медицины! Может, тут какой-то секрет есть, который может быть полезен всему человечеству?

– Секрет простой: отсутствие стресса, – ответил дон Педро, – известно, что на «повышенных оборотах» любой механизм быстрее изнашивается. И человеческий организм тоже – так природа устроила, что видим опасность, и сразу адреналин в кровь, и еще многое, ну ты же врач, знаешь. Увидел саблезубого тигра – готов к бою, это наших пещерных предков спасало. Да и в наши времена, в бою и походе, при опасности включить форсаж – это огромная польза, а то и спасение. Вот только цивилизованный человек часто стрессует просто так – испугавшись, например, потерять работу, или совсем по мелочи, как на автобус опоздать. И если нет разрядки в виде действия – с врагом дрался, завалил, победа! – то это еще хуже: непотраченная биохимия разрушает организм, как если в моторе жать одновременно на газ и тормоз. Знаешь ведь, что в Европе творилось – две Великие войны, революции, Депрессия и испанский грипп. А тут все стороной прошло, ну просто «мужицкий рай», о котором мечтали когда-то в... одной далекой стране. Счастье, радость, покой, дом хоть не дворец, но крепкий, семья большая и любящая – что еще человеку надо? Прожить так до ста лет – вот только скажи, Команданте, ты бы этого хотел?

Эрнесто отрицательно помотал головой. Да, жизнь как в раю – лежать под деревом Эдема и пить амброзию. Но ужасно скучно. Да, любопытно, а в других провинциях этой страны тоже самое?

– Там хуже, – сказал дон Педро, – на вулканах в буквальном смысле. Раз в пятьдесят-сто лет случается – правда, народ уже привычный, и когда начинает трясти и дымиться, кто поумнее, успевает убежать. А кто не успел – тот не успел. Зато после земля плодородит по-свежему, так что на пепелище будут сытые годы для тех, кто вернется. И снова жизнь размеренно течет.

– Вот и тут так, – ответил Эрнесто, – уехать куда-то и жить такой общиной в счастье. До тех пор, пока не начнется новая война и сюда не упадет атомная бомба. А ты ведь учил – с опасностью надо драться, так всегда легче! Баран в загоне, до того как его зарежут и на вертел, – он ведь тоже счастлив!

– Растешь, Команданте. Что ж – наши дела здесь завершены, Гватемала ждет!

Фидель Кастро Рус. Ретроспектива – июль 1953-го

Мятеж не может кончиться удачей – в противном случае зовется он иначе.

Чей это афоризм? Фидель Кастро услышал его от сеньора Теодоро Б. Кастро (не родственника – просто фамилия распространенная), тогда в пятьдесят втором имеющего должность посла Коста-Рики в Риме и Ватикане. Но встретились они в Гаване, на каком-то рауте – причем костариканец явно искал встречи с ним, простым адвокатом и членом Партии кубинского народа, даже предлагавшим свою кандидатуру в депутаты парламента на выборах того же года – однако партийная верхушка его не утвердила, «слишком молод и радикал». Ничего, молодость – это недостаток, быстро проходящий, и есть надежда попытаться на следующих выборах. Однако сеньора Теодоро Кастро интересовало не это.

Карибский легион. Да, Фидель Кастро не только знал про эту организацию, но и сам какое-то время был ее членом. До того, как в пятидесятом, после никарагуанского конфликта, Вашингтон категорически потребовал от президента Фигереса распустить Легион как «организацию, склонную к международному терроризму». К чести Фигереса, он не выполнил это требование в полной мере – но приложил все усилия, чтобы Легион превратился в парадное войско, по праздничным дням совершающее манипуляции на площади перед дворцом, а во все остальные дни бывшее не более чем сборищем горлопанов по клубам и кабакам. Оказалось же, что не все члены Легиона смирились – и кто-то нашел себе новых союзников. Сеньор Теодоро дал намек на Церковь – что ж, участие Ватикана в играх на латиноамериканской площадке казалось очень правдоподобным. Тем более что он не просил и не требовал ничего – а лишь сказал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.